O’ZBEKISTON RESPUBLIKASI FANLAR AKADEMIYASI
Y. G’ULOMOV NOMIDAGI ARXEOLOGIYA INSTITUTI
АКАДЕМИЯ НАУК РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ ИМЕНИ Я. ГУЛЯМОВА

O’ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

№ 2 (5)

Самарканд - 2012

O'ZBEKISTON ARXEOLOGIYASI - АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА

Главный редактор
Темур Ширинович Ширинов

Заместитель главного редактора
Амридин Эргашевич Бердимурадов

Ответственный секретарь
Мухтор Хасанович Пардаев

Редакционная коллегия:

к.и.н. Р. Абдиримов
проф. Н.А. Аванесова
к.и.н. А.А. Анарбаев
к.и.н. С.Р. Баратов
д.и.н. М.Х. Исамиддинов
д.и.н. Б.Х. Матбабаев
к.и.н. У.В. Рахманов
к.и.н. В.Д. Рузанов
к.и.н. Б.К. Сайфуллаев
к.и.н. Н.У. Холматов
к.и.н. К. Абдуллаев
к.и.н. Ш.Т. Адылов
к.и.н. Т.Дж. Аннаев
к.и.н. Г.И. Богомолов
к.и.н. Ф.А. Максудов
к.и.н. А.А. Раимкулов
к.х.н. М.А. Реутова
к.и.н. К. Сабиров
к.и.н. С.С. Суюнов
к.и.н. М. Хужаназаров

Редакционный совет:

акад. АН РУз А.А. Аскаров
акад. АН РУз Ю.Ф. Буряков
проф. Ф. Грене (Франция)
акад. РАН А.П. Деревянко (Россия)
проф. М.Дж. Джуракулов
акад. АН РУз У.И. Исламов
д.и.н. М.Ш. Кдырниязов
акад. АН РУз А.Р. Мухамеджанов
проф. К. Рапен (Швейцария)
акад. АН РУз Э.В. Ртвеладзе
д.и.н. А.С. Сагдуллаев
доктор С. Страйд (Англия)
д.и.н. Р.Х. Сулейманов
проф. У. Такао (Япония)
д.и.н. Т.К. Ходжайов (Россия)
к.и.н. Г. Ходжаниязов
проф. К. Шимчак (Польша)

ARCHAEOLOGY OF UZBEKISTAN

Editor-in-chief
Temur Shirinovich Shirinov

Deputy Editor
Amridin Ergashovich Berdimuradov

Secretary
Muhtor Hasanovich Pardayev

Editorial Board:

Dr. R. Abdirimov
Prof. N.A. Avanesova
Dr. A.A. Anarbaev
Dr. S.R. Baratov
Prof. M.H. Isamiddinov
Prof. B.H. Matbabaev
Dr. U.V. Rahmanov
Dr. V.D. Ruzanov
Dr. B.K. Sayfullaev
Dr. N.U. Holmatov
Dr. K. Abdullaev
Dr. Sh.T. Adylov
Dr. T.J. Annaev
Dr. G.I. Bogomolov
Dr. F.A. Maksudov
Dr. A.A. Raimkulov
Dr. M.A. Reutova
Dr. K. Sabirov
Dr. S.S. Suyunov
Dr. M. Hudjanazarov

Editorial Council:

Academician A.A. Askarov
Academician Yu.F. Buryakov
Prof. F. Grenet (France)
Academician A.P. Derevyanko (Russia)
Prof. M.D. M.D. Djurakulov
Academician U.I. Islamov
Prof. M-Sh. Kdyrniyazov
Academician A.R. Muhammedjanov
Prof. C. Rapen (Switzerland)
Academician E.V. Rtveladze
Prof. A.S. Sagdullaev
Dr. S. Stride (UK)
Prof. R.H. Suleymanov
Prof. U. Takao (Japan)
Prof. T.K. Hodjayov (Russia)
Dr. G. Hodjaniyazov
Prof. K. Shimchak (Poland)

МАҚОЛАЛАР

ПУБЛИКАЦИИ

РАСКОПКИ ПАМЯТНИКА КИДАРИТСКОГО ВРЕМЕНИ В СУРХАНДАРЬЕ
(к вопросу о происхождении кидаритов и эфталитов)

© 2012. Л.М. Сверчков, Н. Бороффка
Институт искусствознания Академии наук Республики Узбекистан,
Германский археологический институт, Берлин

Памятник, о котором пойдет речь, Кахрамонтепа, находится на самом юге Байсунского района Сурхандарьинской области в 37º 54' 45,42" северной широты, 67º 23' 25,55" восточной долготы, на высоте 514 м над уровнем моря. Он расположен в стратегически важной точке на древней дороге от переправ в низовьях рек Вахш и Кафирниган к Железным воротам в Дербенте, запирая с юга узкий извилистый каньон Байсунсая – единственный горный проход, ведущий из степных и полупустынных оазисов Сурхандарьи в Байсунскую предгорную котловину с ее богатейшими пастбищными угодьями. При выходе на равнину Байсунсай (Бандыхансай или Ташкуприксай) раздваивается на многочисленные изменчивые протоки, главными из которых являются Ургульсай, текущий в современный г. Бандыхан, и Ташкуприксай, впадавший прежде в Сурхандарью возле г. Кумкурган.

В 1973–75 гг. Бандыханский отряд УзИСКЭ под руководством Э.В. Ртвеладзе провел первые археологические исследования в этой безлюдной тогда местности (Ртвеладзе, 2007, с. 93). Было выявлено пять памятников археологии: плотина конца XVI – начала XVII в. Сарыбанд (Ртвеладзе, Исхаков, 1977; 2007) и разрушенное средневековое поселение на левом берегу Ургульсая (Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982, с. 116, № 9); на правом берегу располагались небольшое городище Сарыбанд, могильник Сарыбанд и тепа без названия. Одновременно были предприняты раскопки цитадели городища Сарыбанд, существовавшего, как выяснилось, на протяжении кушанского и кушано-сасанидского периодов, начиная с I в. до н.э. или I в. н.э. вплоть до середины IV в. н.э. (Ртвеладзе, 1987, с. 64–65, Б-97; 2005, с. 304)[1].

Расположенный в 300 м к западу от городища могильник Сарыбанд датируется несколько более поздним временем – IV–V вв. н.э. (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 44). Разрушенные погребальные сооружения могильника представляют собой невысокие насыпи поверх двух отчетливо видимых на поверхности концентрических кругов, сложенных из камней (Ртвеладзе, 2005, с. 304–305).

Безымянное тепа находится в 3 км юго-западнее городища Сарыбанд, в плане выглядит как правильный квадрат, ориентированный углами по сторонам света, в центре юго-восточного фаса был проход, ведущий к реке. Подъемный материал практически отсутствовал, но в соответствии с хронологической последовательностью всей группы памятников предположительно отнесен к периоду раннего средневековья (Аршавская, Ртвеладзе, Хакимов, 1982, с. 116–117, №10; Ртвеладзе, 2007, с. 93).

За прошедшие 30 лет земли по Ургульсаю активно осваивались, возле безымянного тепа появились первые жилые строения, и по имени одного из владельцев памятник приобрел название – Кахрамонтепа. Но и в 2005 г. форма и размеры его не изменились: 35×35 м (снаружи), высота 2,5–3 м, хотя подъемного материала стало еще меньше. Для того, чтобы выяснить стратиграфию и хронологию памятника, в северном углу был заложен шурф размером 2×3 м (Сверчков, Бороффка, 2007, с. 97 –101, рис. 2). Всего в шурфе выявлено 5 слоев общей мощностью 2,7 м и два уровня полов, соответствующих двум этапам жизни Кахрамонтепа. Здание возводилось на невысокой (40–50 см) платформе – насыпанном и утрамбованном слое комковатой глины красного цвета. Поверх полов, разделенных на отдельных участках лишь небольшой прослойкой, лежат слои сырцового завала, оплыва, а над ними – надувной пылевидный слой. Фрагментов керамики в шурфе было немного, венчики и донца исчислялись единицами, и они обладали признаками, характерными как для керамики кушано-сасанидского периода, так и раннего средневековья. Соответственно, Кахрамонтепа был датирован IV–V вв. и, тем самым, синхронизирован с могильником Сарыбанд (Сверчков, Бороффка, 2007, с. 101).

В 2007 г. на площади 10×12 м была вскрыта западная часть здания, где узкие, довольно единообразные помещения казарменного типа группируются по обеим сторонам центрального коридора (рис. 1). Из коридора на стену вел ступенчатый проход, сложенный из сырцового кирпича, так что, несомненно, крепость была двухэтажной или, по крайней мере, двухъярусной и, вероятно, с зубчатым парапе-

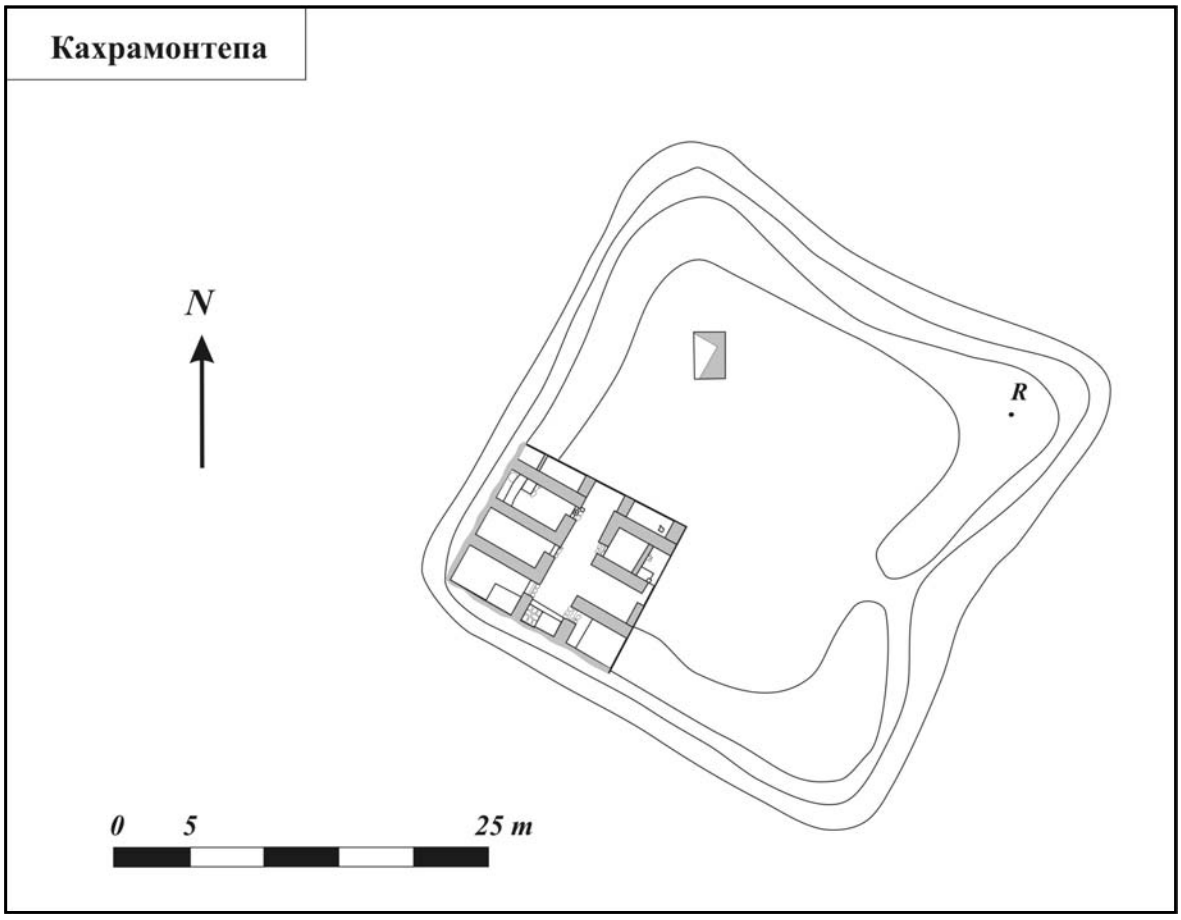

Рис. 1. План раскопа на Кахрамонтепа

том наверху. Стены сохранились в высоту на 2,5 м. Признаки башен не обнаруживаются ни по раскопкам, ни по топографии памятника. Помещения нижнего этажа (или яруса) были сводчатыми, своды (менее чем полуциркульные) выведены наклонными отрезками.

На Кахрамонтепа установлено наличие двух этапов обживания, и, судя по однотипности керамического материала, хронологический разрыв между ними совершенно незначителен. На первом этапе внутреннее пространство было более открытым (рис. 2), с поздним этапом связано появление новых стен-перегородок (без изменения существующего плана), поднятие уровня пола в коридоре и, соответственно, наращивание порогов в дверных проемах смежных с коридором помещений (рис. 3). В чем-то планировочная структура Кахрамонтепа напоминает укрепленные поселения Южного Согда: те же размеры, тот же строительный материал (кирпич полуторного формата размером 48–50х28–30х8–10 см), некоторое сходство принципов организации внутреннего пространства (Кабанов, 1981, с. 40, рис. 23). В каком-то смысле, на примере Кахрамонтепа можно видеть зарождение коридорно-гребенчатой планировки будущих раннесредневековых замков. Тем не менее, прямые аналогии, насколько нам известно, отсутствуют как к северу, так и югу от Сурхандарьи.

Стратиграфическая ситуация Кахрамонтепа однотипна: один пол, на нем очажная ямка, разрозненные фрагменты 2–3 сосудов; заполнение представляет собой плотный сырцовый завал с элементами просевшей конструкции свода (рис. 4–6). Исключение составляют коридор и пом. 5, которое после намеренного сноса северо-западной стены стало полностью сообщаться с дворовым пространством. В коридоре и пом. 5 выявлено два уровня полов, расстояние между ними составляет около 20 см.

Помещения Кахрамонтепа

Коридор или улочка (размер 10,3×2–2,2 м), вероятнее всего, не имел перекрытия. В его южной части устроен выход на стену, от которого сохранились три пролета. В коридоре на полу 1 найдено 111 фрагментов керамики, из них 5 венчиков и 2 донца; на полу 2 – 772 фрагмента (28 венчиков и 8 донец); в заполнении над полом 2 – 187 фрагментов (8 венчиков и 4 донца).

Помещение 2 размером 1,3×2,2 м (вскрытая часть) появилось только на втором этапе, когда пом. 4 было перегорожено надвое, а из пом. 5 в пом. 2 в стене прорублен дверной проем. В это же время возле прохода была выкопана яма диаметром 30 см. Возле ямы с поверхности суфы собраны фрагменты «псевдоарретинской» чаши (лат. terra sigillata), украшенной внутри лощенным по красному ангобу орнаментом (рис. 8, *1*). Всего на полу в помещении 2 было обнаружено 62 фрагмента керамики (минимум 14 форм).

Помещение 3 прямоугольной в плане формы размером 2,9×1,3 м вскрыто частично. На первом этапе оно сообщалось с коридором, затем было ограничено стенами с двух сторон. В южном углу в полу расчищена ямка квадратной формы с наклонным стоком. Стенки ямки и поверхность пола возле нее покрыта тонким слоем смолистого вещества черного цвета. В помещении 3 на полу найдено 11 фрагментов 4 сосудов, в заполнении над полом – 4 фрагмента 2 сосудов.

Помещение 4 имеет квадратную в плане форму размером 2,2×2,2 м. Дверной проем шириной 75 см, направленный в коридор, оборудован порогом. На полу помещения 4 лежало 8 фрагментов 2 сосудов, в заполнении – 8 фрагментов 4 сосудов.

Рис. 3. План Кахрамонтепа 2 этапа

Рис. 2. План Кахрамонтепа 1 этапа.

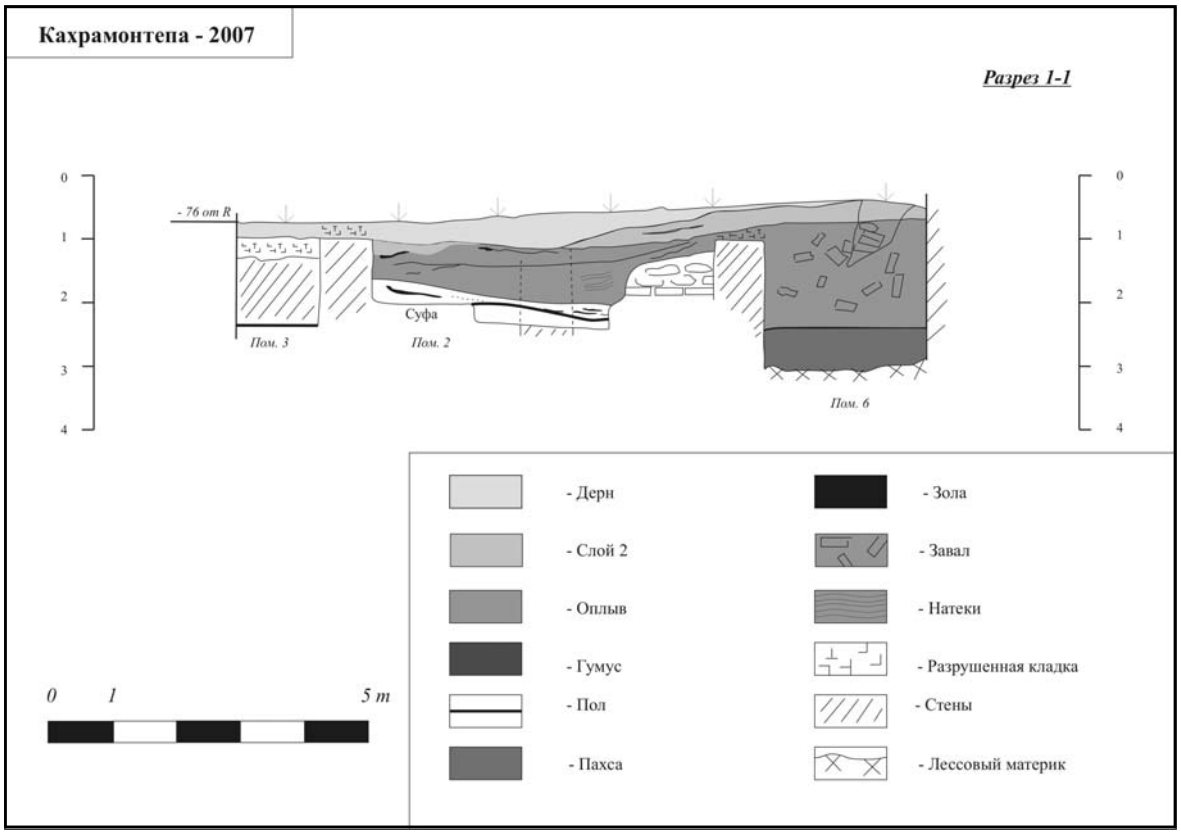

Рис. 4. Стратиграфический разрез по линии северо-восток – юго-запад

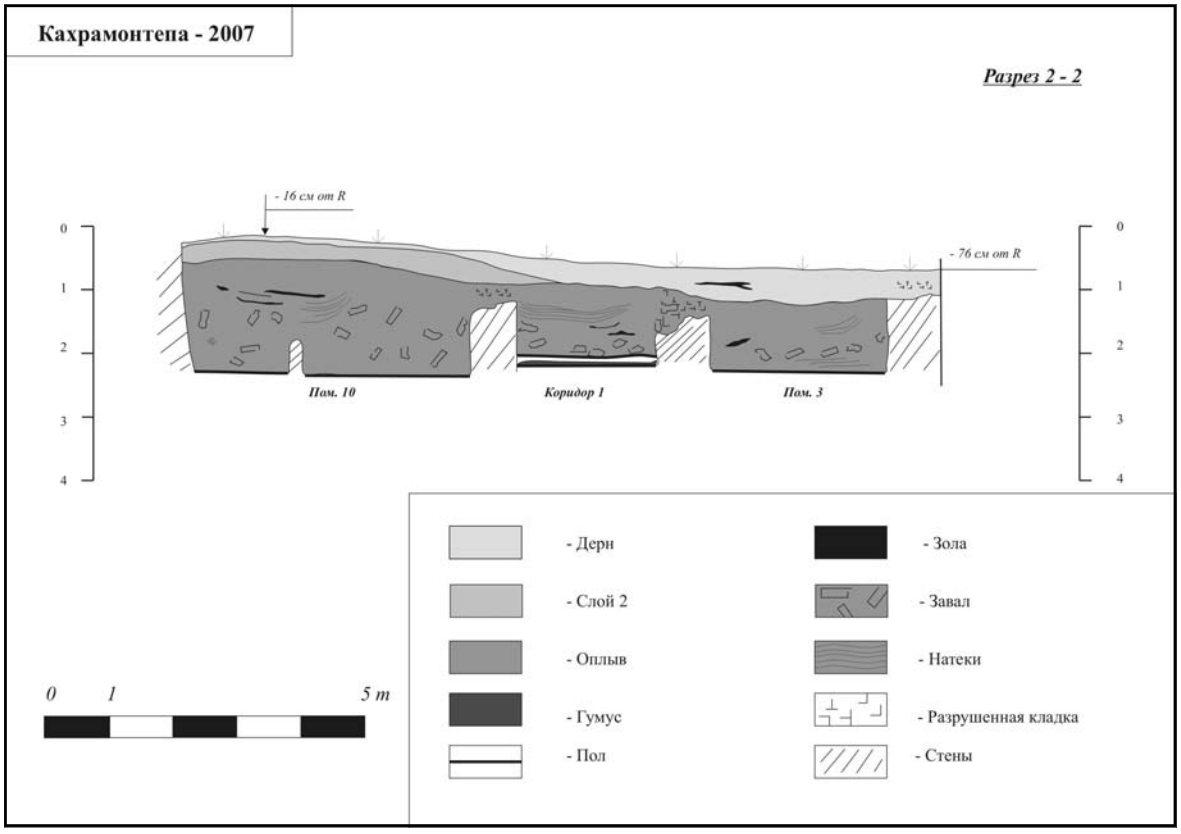

Рис. 5. Стратиграфический разрез по линии северо-запад – юго-восток

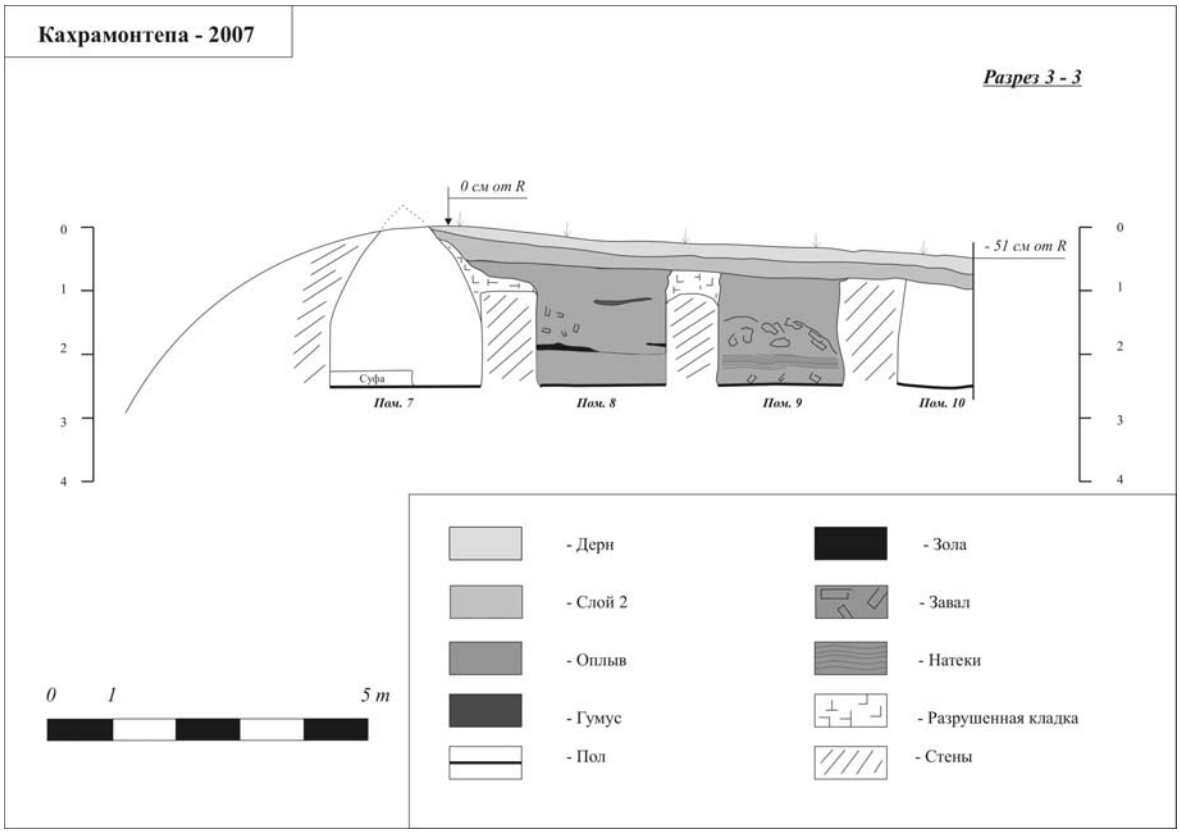

Рис. 6. Стратиграфический разрез по линии юго-запад – северо-восток

Прямоугольное в плане **помещение 5** (3,8×2,2 м) на втором этапе, после сноса северо-западной стены и возведения юго-восточной, превратилось в подобие айвана, полностью открытого в коридор. На полу 1 помещения 5 собрано 75 фрагментов 11 форм, на полу 2 – 243 фрагмента 24 форм и в заполнении над полом 2 – 189 фрагментов 17 форм.

До конца не раскопано **помещение 6** прямоугольной в плане формы (3,4×2,2 м). Дверной проем, ведущий в коридор, оборудован широким (1,6 м) порогом-суфой. В помещении 6 на полу найдено 20 фрагментов 5 сосудов, в заполнении – 16 фрагментов 4 форм.

Помещение 7 имеет размеры 4,65×2,7 м, в южном углу возвышается прямоугольная суфа размером 1,75×1,25 м. Здесь на полу и над полом обнаружено 29 фрагментов 3 сосудов.

Аналогичное по форме, но более узкое **помещение 8** (размером 4,5×2 м) никакими, кроме обычного порога в дверном проеме, специальными устройствами не оборудовано. В верхней части завала пом. 8 было найдено единственное из раскопок Кахрамонтепа медное изделие – круглая пластина с отверстием для подвешивания, возможно, стертая монета (рис. 13, *1*). В помещении 8 на полу найдены фрагменты 2 сосудов, в заполнении – тоже 2 сосудов.

В **помещении 9** (4,5×2,1 м) вся северо-западная стена превращена в двухъярусную нишу, в северном углу которой была вкопана хумча (сохранились только обломки дна). Перед нишей, в полу найдена яма в виде ящика правильных прямоугольных очертаний размером 80×70, глубиной 25 см. Края ее были обложены кусками сырцовых кирпичей. На пороге пом. 9 обнаружена верхняя половина жернова

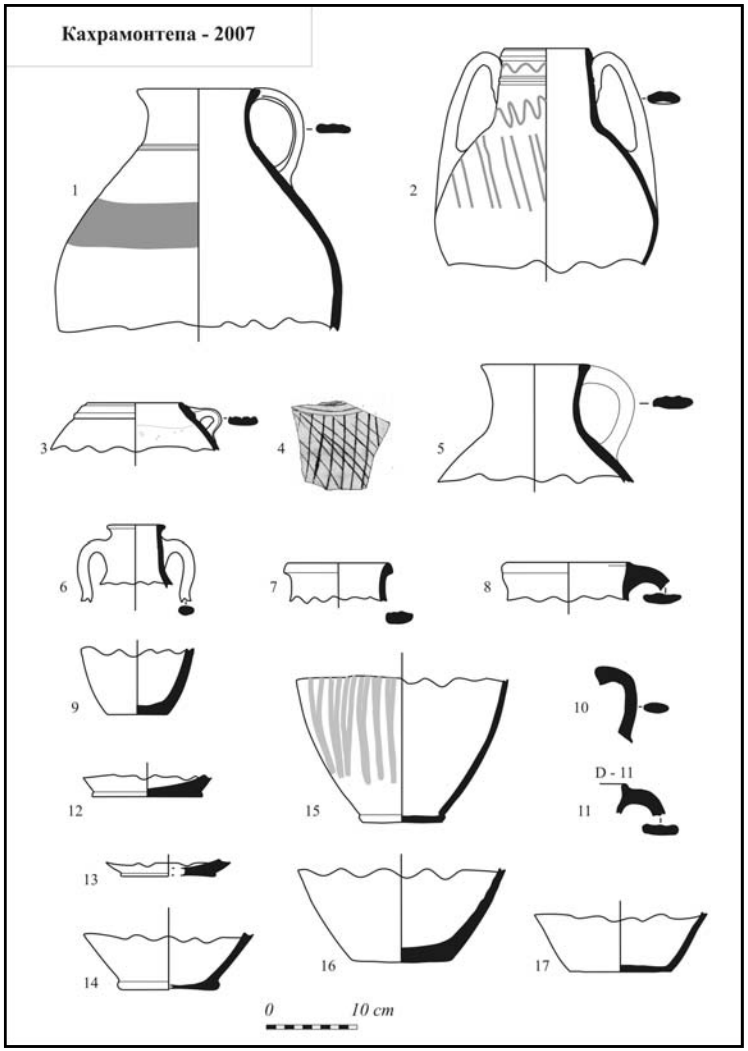

Рис. 7. Керамика из раскопок Кахрамонтепа: 1, 8, 10, 12, 15, 16 – коридор/ пол 2; 13 – коридор/ пол 1; 4, 17 – пом. 2/ пол; 5, 11, 14 – пом. 5/ пол 2; 3 – пом. 6/ пол; 2, 6, 7, 9 – пом. 9/ пол.

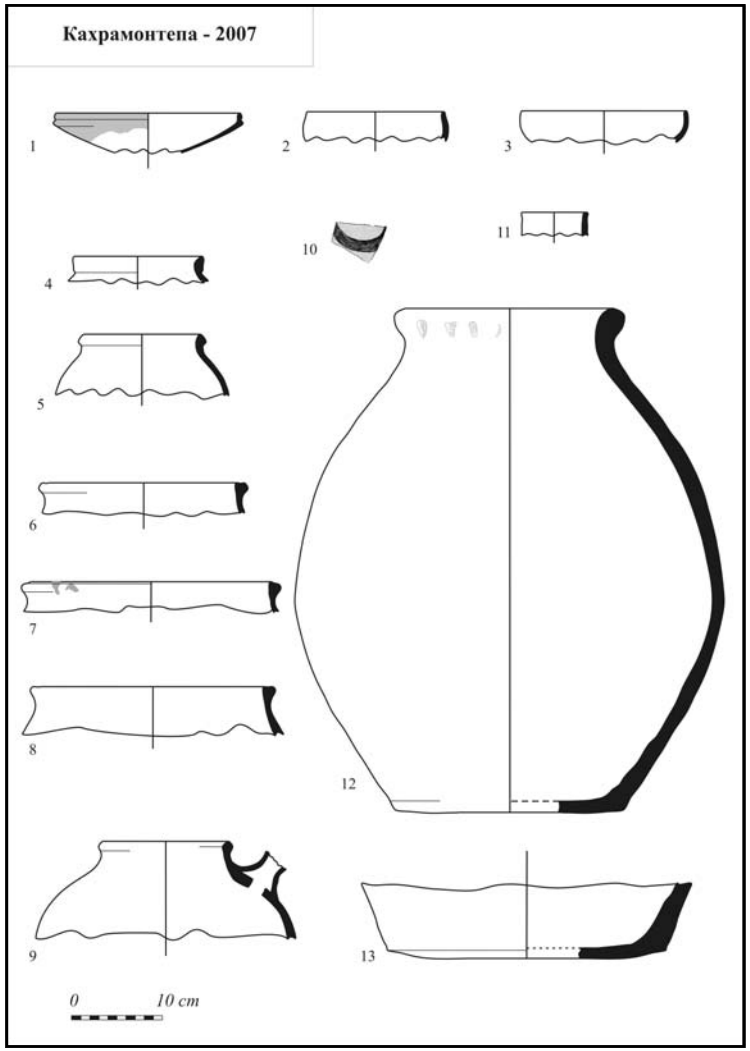

Рис. 8. Керамика из раскопок Кахрамонтепа: 7 – коридор/ пол 1; 2, 3, 8, 10 – коридор/ пол 2; 1, 5 – пом 2/ пол; 11 – пом. 3/ пол; 6 – пом. 5/ пол 1; 13 – пом. 5/ пол 2; 4 – пом. 7/ заполнение; 12 – пом. 8/ пол; 9 – пом. 9/ пол.

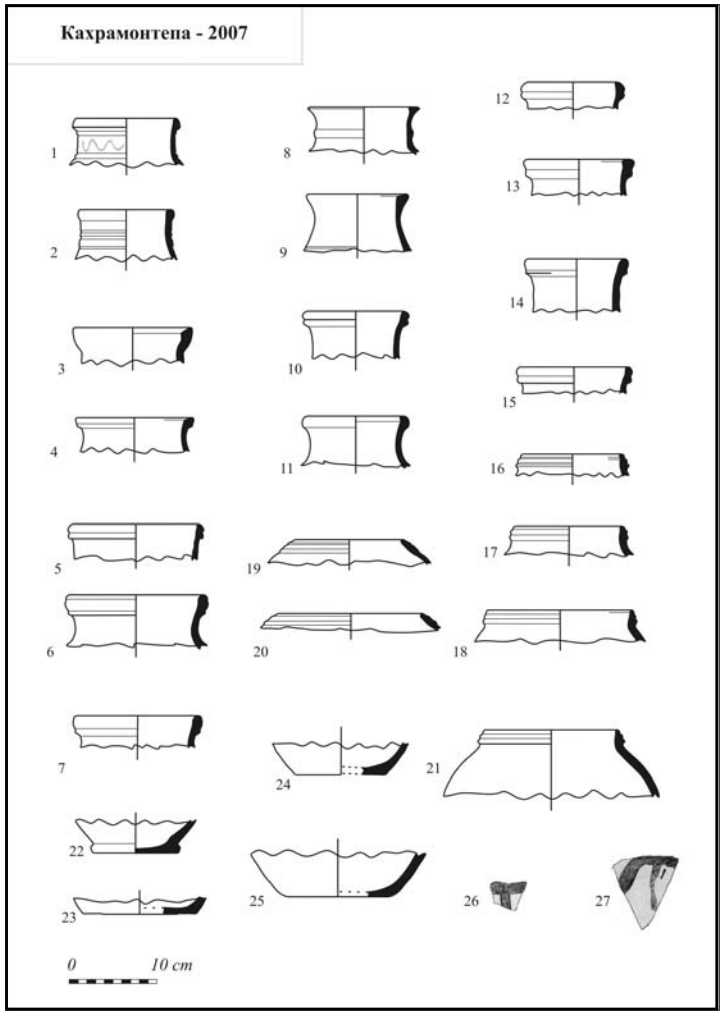

Рис. 9. Керамика из раскопок Кахрамонтепа: 1, 18, 23 – коридор/ пол 1; 2, 3, 4, 9, 12, 14, 22 – коридор/ пол 2; 15 – пом. 4/ пол; 8, 16, 19 – пом. 5/ пол 1; 5, 6, 7, 11, 13, 17, 20, 24 – пом. 5/ пол 2; 27 – пом. 6/ пол; 21 – пом. 7/ пол; 25, 26 – пом. 8/ заполнение; 10 – пом. 9/ пол.

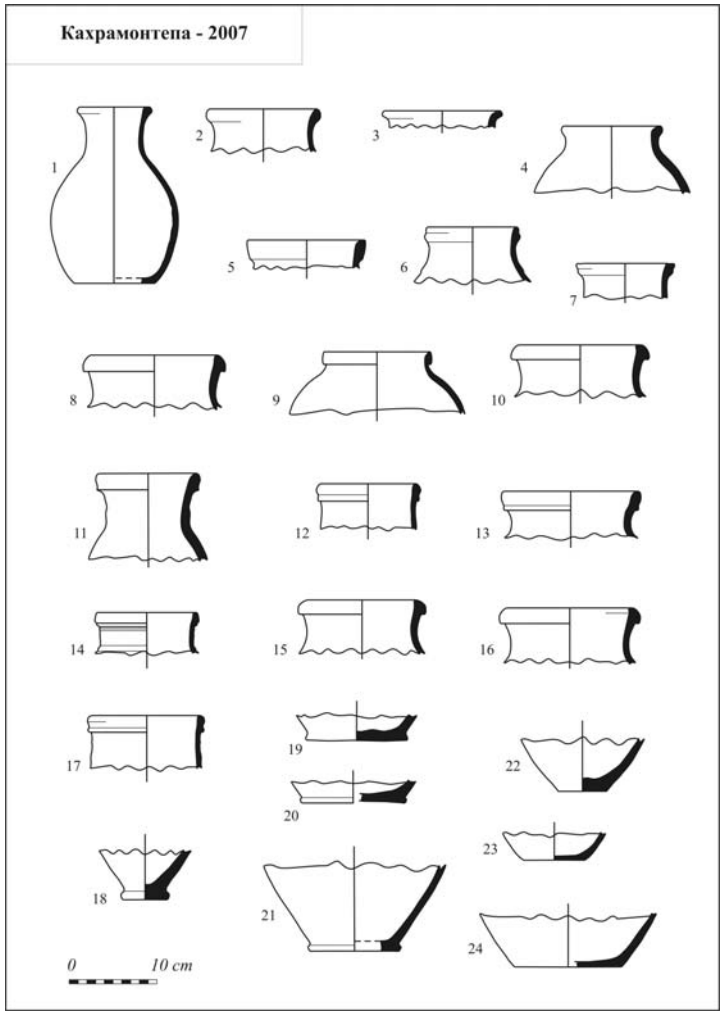

Рис. 10. Керамика из раскопок Кахрамонтепа: 2 – коридор/ пол 1; 4–7, 9, 10, 12–16, 18, 22 – коридор/ пол 2; 3, 21 – пом. 2/ пол и яма; 23 – пом. 4/ пол; 8, 20 – пом. 5/ пол 1; 11, 17, 24 – пом. 5/ пол 2; 1 – пом. 6/ пол; 19 – пом. 6/ заполнение

Рис. 11. Котлы из раскопок Кахрамонтепа: 11 – коридор/ пол 1; 2, 7, 8, 10, 13–15, 18, 19 – коридор/ пол 2; 4 – пом. 2/ пол; 3 – пом. 3/ пол; 1, 12 – пом. 4/ пол; 6 – пом. 5/ пол 1; 5, 9, 17 – пом. 5/ пол 2; 16 – пом. 7/ пол.

Рис. 12. Котлы из раскопок Кахрамонтепа: 3 – коридор/ пол 1; 2, 5, 6, 10, 11 – коридор/ пол 2; 4, 8, 9 – пом. 2/ пол; 1, 7 – пом. 5/ пол 2; 13 – пом. 7/ пол; 12 – пом. 8/ пол; 15 – пом. 9/ пол; 14 – пом. 10/ пол.

(рис. 14, *8*). Неподалеку от входа на полу лежал однолезвийный черешковый железный нож (рис. 13, *2*). На полу помещения 9 найдены фрагменты 6 сосудов, в заполнении – фрагменты 1 кувшина.

Помещение 10 (4,5×1,2 м) первоначально, как и пом. 3, сообщалось с коридором, но на втором этапе было закрыто юго-восточной стеной и дополнительно разделено на две части пахсовой перемычкой толщиной 20 см. В помещении 10 найдены фрагменты только одного котла.

Вообще находок на Кахрамонтепа, на удивление, крайне мало, большая часть их, как и следовало ожидать, обнаружена на двух последовательно сменивших друг друга полах коридора. Не удалось собрать полностью ни одного сосуда, крепость была основательно вычищена еще в древности и все, что представляло хотя бы малую ценность, унесено. Даже изделия из камня представлены небольшим числом – всего 15 шт. (рис. 13, *3–9*). Кроме упомянутого выше жернова, найдено одно ядро (рис. 13, *3*), пряслице (рис. 13, *4*), остальные каменные предметы – оселки, чаще всего, их фрагменты.

В комплексе керамики самым распространенным типом сосудов являются кувшины, в меньшей степени – горшки и котлы (рис. 7–12), чаш найдено всего три (рис. 8, *1–3*), из крупных форм найдена только одна хумча (рис. 8, *12*). Иногда кувшины покрывались плотным темно-красным или темно-коричневым ангобом, на который лощением наносился орнамент в виде вертикальных зигзагов, вертикальных линий, волнистых горизонтальных линий. Изредка встречаются фрагменты керамики с расписным сетчатым орнаментом (рис. 7, *4*), узором в виде спиралей и завитков (рис. 8, *10*; 9, *26*) или просто украшенные потеками ангоба (рис. 9, *27*).

При всей незначительности комплекс керамики из раскопок Кахрамонтепа обнаруживает отчетливое сходство с материалами Айсаритепа, Хосияттепа в Шерабадском районе (Пидаев, 1974, с. 39, рис. 6; Аннаев, 1988, табл. VI–VII) и Зартепа возле г. Ангор (Аннаев, 1988, табл. II–III; Абдуллаев, Аннаев, 1990, с. 15–17, рис. 2–3). Форма сосудов (например, «псевдоарретинские» чаши), технология производства и оформление гончарной продукции явно наследуют традиции кушано-сасанидского периода. В то же время появляются совершенно новые типы посуды, в том числе лепные сосуды с потеками краски-ангоба и даже расписные. Роспись наносилась красно-коричневой краской по высветленной поверхности.

По керамике время возведения и недолгого существования Кахрамонтепа можно датировать концом IV – началом V в. н.э. Результат радиоуглеродного анализа угля с пола пом. 8 (ветвь тамариска 10-летнего возраста) вполне согласуется с предложенной датой – 390–534 гг. н.э., с большей степенью вероятности – 390–471 гг.[2] В этот период происходят, казалось бы, незначительные перемены: впервые появляются жернова, вновь происходит смена формата сырцовых кирпичей. Как в IV в. до н.э. вместо строго прямоугольного стандарта появляется полуторный, с соотношением сторон 1:1,5, затем с конца IV в. до н.э. – квадратного, так и в начале V в. н.э. происходит тот же процесс, только наоборот, – от квадратного к полуторному, чтобы впоследствии смениться прямоугольным.

После более чем 1000-летнего перерыва в Сурхандарье вновь появляется лепная расписная керамика, не только на Кахрамонтепа, но и на Куёвкургане, Зартепа, Хосияттепа. В Средней Азии последняя культура с расписной керамикой – шурабашатская – исчезает в Ферганской долине приблизительно в первые века н.э., но продолжает бытовать в Синьцзяне, что позволяет наметить направление поиска точки

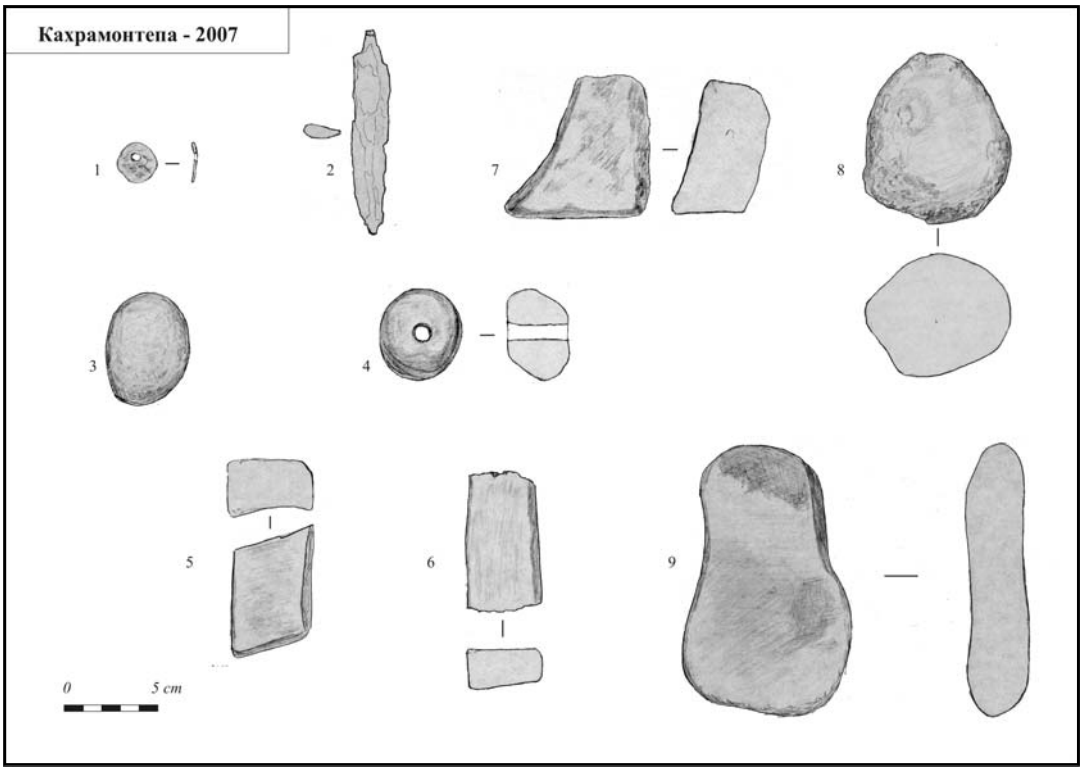

Рис. 13. Находки из раскопок Кахрамонтепа: 1 (медь) – пом. 8/ завал; 2 (железо) – пом. 9/ пол; 3–9 – каменные предметы: 3, 5 – коридор/ пол 2; 4, 6, 7 – пом. 2/ пол; 8 – пом. 6/ пол; 9 – пом. 7/ заполнение

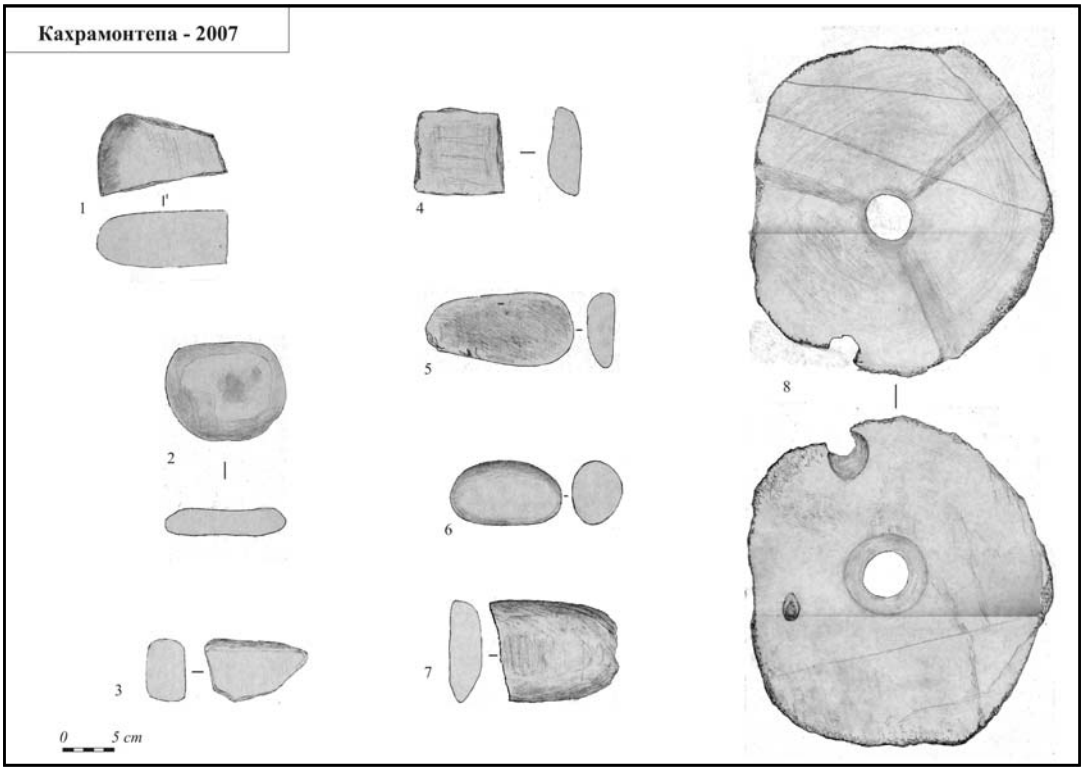

Рис. 14. Предметы из камня: 4–6 – коридор/ пол 2; 1 – пом. 4/ пол; 2 – пом. 8/ завал; 3, 7 – пом. 9/ пол; 8 – пом. 9/ порог.

исхода, несомненно, пришлого в Сурхандарью населения. Учитывая хронологию Кахрамонтепа, есть все основания считать пришельцев кидаритами – одним из тех загадочных народов, что активно участвовали в этнических передвижениях, происходивших в Центральной Азии в IV–V вв. н.э.

Мы не беремся пересказывать все точки зрения, посвященные пресловутой проблеме происхождения кидаритов, хионитов и эфталитов и опирающиеся, как правило, на сведения письменных источников и нумизматические данные. В общих чертах известно, что кидариты (или сяо юечжи – малые юечжи) являются потомками да юечжи (больших юечжи) и пришли из Восточного Туркестана в Среднюю Азию и Северную Индию в конце IV или начале V в. Точное время правления их предводителя по имени Кидара (кит. Цидоло) пока не установлено, одна группа историков и нумизматов полагает, что монеты чекана Кидары подражают монетам Шапура II (309–379 гг.), другая видит их прообразом монеты Бахрома V (420–438 гг.). Столица их, вероятнее всего, располагалась в Балхе, а владения простирались к северу и югу от Гиндукуша, и к этому времени относится самое раннее упоминание названия Тохаристан, датируемое 383 г. н.э. (Литвинский, Соловьев, 1985, с. 119). Около середины V в., вероятно, в период правления Йездигерда II (438–457 гг.), желавшего вернуть свои восточные владения, кидариты под натиском Сасанидской империи были вынуждены оставить Тохаристан и отступить в Гандхару (Бичурин, 1950, с. 264; Zeimal, 1996, с. 119–126; Литвинский, 1998, с. 473–474). Та их часть, что осталась в западном Китае, вплоть до X в. еще обитала в горах к западу и юго-западу от Дуньхуана, пока не была окончательно ассимилирована тибетскими племенами цянов (Рерих, 1963, с. 121).

Те археологические данные, что получены при раскопках Кахрамонтепа, вполне соответствуют изложенной выше сумме знаний относительно истории недолгого владычества кидаритов в Средней Азии. Это касается и хронологии событий, и внезапного появления лепной расписной керамики в Тохаристане, во все времена являющейся неотъемлемой частью археологического комплекса культур Восточного Туркестана, и не менее внезапного, без всяких видимых причин ухода обитателей Кахрамонтепа[3].

Таким образом, Кахрамонтепа представлял собой небольшое кидаритское укрепление, в современном понимании – блокпост, предназначенный, возможно, не столько для обороны, сколько для складирования припасов и размещения немногочисленного гарнизона для контроля стратегически важного горного прохода Кизирикдара и водных ресурсов Бандыхансая. В этом смысле Кахрамонтепа полностью подменил расположенную в 3 км севернее крепость Сарыбанд, осуществлявшую те же функции в предшествующие кушанский и кушано-сасанидский периоды.

Приблизительно в одно время со строительством Кахрамонтепа или, может быть, несколько раньше появляется могильник Сарыбанд, небольшие раскопки которого начал Э.В. Ртвеладзе и продолжил в 1984 г. А.С. Сагдуллаев. Под невысокой (до 1 м) каменной насыпью диаметром 10 м была вскрыта прямоугольно-овальная в плане могильная яма (1,6×1,3 м) глубиной 0,8 м. Она ориентирована по линии восток–запад и окружена двумя концентрическими выкладками из камней, диаметр внутреннего круга 3 м. Сверху могила наполовину закрыта каменной обкладкой в один ряд. Могильная яма оказалась пустой, признаки ингумации или кремации в ней не выявлены, из погребального инвентаря был найден только двуручный красноангобированный кувшин с лощением и железные изделия – наконечники стрел,

фрагменты накладок и ножен (Ртвеладзе, 2005, с. 304–305; Сагдуллаев, 2005, с. 306; с. 42, рис. 13; с. 43, рис. 14). При всей незначительности погребального инвентаря важно то, что кувшин из единственного раскопанного захоронения идентичен сосудам, найденным при раскопках Кахрамонтепа. Этот факт, как и следовало ожидать, подтверждает предложенную ранее датировку могильника.

Тип и конструкция курганов могильника Сарыбанд более всего напоминают так называемые «усуньские» захоронения правобережья р. Или в Казахстане. Там курганы с каменными кольцами появляются около III–II вв. до н.э. и с некоторыми изменениями существуют приблизительно до II–III вв. н.э. В течение времени менялось расположение колец: для раннего периода характерны курганы с кольцами по основанию насыпи, позже они сменяются курганами с кольцами под насыпью, а с рубежа нашей эры появляются курганы с кольцами внутри насыпи (Акишев, Кушаев, 1963, с. 240). Именно третий вариант является типичным признаком кургана из могильника Сарыбанд; совпадает также устройство могил – простые грунтовые ямы прямоугольной или вытянуто-овальной в плане формы, ориентированные с востока на запад.

К.А. Акишев и Г.А. Кушаев предполагают непрерывную преемственность обряда захоронения и, соответственно, населения Семиречья от сакского периода, т.е. VI–IV вв. до н.э. вплоть до II–III вв. н.э. В то же время сами авторы отмечают факт сосуществования, начиная с рубежа нашей эры, двух типов могил, простых ям и подбоев, а также необыкновенное, по данным антропологии, многообразие физических типов погребенных в могильниках долины р. Или (Акишев, Кушаев, 1963, с. 251–253).

Трудно представить, чтобы открытое с точки зрения географии пространство, каковым является Семиречье, уподобилось отрезанному от окружающего мира культурно-историческому заповеднику. Эта территория открыта и на запад, где в древности обитали носители «савроматской» саргатско-гороховской (Koryakova, Epimakhov, 2007, с. 287–312; Корякова, 2009) и «сарматской» прохоровской культур (Малашев, Яблонский, 2008), и на север – в сторону ареала культур «азиатских скифов» – саков, и на восток, где в археологических комплексах памятников той же долины р. Или (северо-запад Синьцзяна) имеются прямые соответствия семиреченским материалам, но с лепной расписной керамикой (Debaine-Francfort, 1989, с. 202 –205). Лучше всего о сложности и многообразии этнических процессов, происходивших в Западном Китае и Восточном Казахстане в т.н. «усуньский» период, можно судить по данным китайских письменных источниках в передаче И.И. Умнякова, тщательнейшим образом их анализировавшим.

«Народы, побежденные хун-ну и оттесненные ими далее на запад**,** упоминаются у китайцев под названием у-сунь и юе-чжи (юе-ши). Народ юе-чжи после поражения его хун-ну пришел в движение. Незначительная часть, так. наз. «малые юе-чжи» (сяо-юе-чжи), вероятно, отступила перед натиском хун-ну в район Нань-шаня, а остальная масса, «большие юе-чжи» (да-юе-чжи), направилась на запад, где столкнулась с саками (сэ) и вытеснила последних в северный Тянь-шань. Разгром саков юе-чжи, вероятно, произошел в районе верхнего Или, Чу и Нарына. Часть саков, по-видимому, вошла в состав народа юе-чжи. Здесь господство юе-чжи длилось недолго. Другой народ, также находившийся в вассальной зависимости от хунну, у-суни, кочевавший первоначально в бассейне реки Булундзир, напал на юе-чжи и потеснил их далее на запад. Часть юе-чжи могла остаться у у-суней в качестве их

подданных. У-суни занимали теперь обширную территорию от Эби-нора на востоке и до Ферганы на западе» (Умняков, 1940, с. 185–186).

Из цитаты можно понять, почему у Помпея Трога асианы названы царями тохаров, если, конечно, отождествление асианов или асиев с усунями, а также тохаров с юечжи соответствует действительности. Ясно одно: население р. Или не было однородным, и в курганах с каменными кольцами, подобными тем, что обнаружены в Сарыбанде, могли быть похоронены и саки, и усуни, и юечжи. Пока остается только предполагать, что какая-то часть юечжи смогла сохраниться где-то в предгорьях на западе Синьцзяна, может быть, в верховьях р. Или и ее притоков, а в конце IV в. вновь, как и 500 лет назад, переместиться на юг Средней Азии и дальше, где они стали известны под именем кидаритов.

В середине V в. вслед за кидаритами в Средней Азии появляются эфталиты – еще один загадочный народ неизвестного происхождения. В китайских источниках, где они выступают под названием йеда (яда), отражены два мнения по поводу их истоков: или они одного рода с юечжи, или – «отрасль гаогюйского племени», но тут же утверждается, что язык их не похож на жужаньский, гаогюйский, тюркский (Бичурин, 1950, с. 268–269). Вслед за К.А. Иностранцевым (1876–1941), большинство археологов связывает с этим народом распространение своеобразного типа захоронений – в виде наземных (иногда подземных) каменных склепов – курумов, особенно тщательно исследованных в Ферганской долине (Иностранцев, 1909; Литвинский, 1976, с. 55–56; Соловьев, 1998, с. 474, 488–489).

Курумы были найдены и недалеко от могильника Сарыбанд, в южных предгорьях Байсунских гор, на высоте выше 1000 м над уровнем моря. Они образуют отдельные, иногда многокилометровые могильники, охватившие широкой полосой весь юго-западный Гиссар, включая северный периметр Сурхандарьинской области, горные районы южной Кашкадарьи и соседние районы Таджикистана. Те из них, что расположены в предгорьях, очень сильно разрушены, но высоко в горах еще сохранились целые каменные склепы, хотя давно уже совершенно пустые внутри. Обычно погребения выглядят как бесформенные каменные насыпи диаметром 9–10 м, высотой до 2 м или как овальные или круглые в плане каменные выкладки диаметром 2–3 м, высотой до 0,5 м. В южных предгорьях Байсунтау известны три таких могильника: возле селений Омонхона, Туда и Хатак–Лоилаган[4]. В крупнейшем из них – Лоилагане – в 1973 г. были раскопаны семь «каменных оград» с признаками обряда кремации, которые по отдельным немногочисленным находкам ориентировочно датированы VI–VII вв. (Дуке, 1975, с. 76)[5]. Впоследствии датировка могильника была углублена, по меньшей мере, до IV–VI вв. (Литвинский, Седов, 1984, с. 134; Болелов, 1994, с. 98; Stark, 2008, с. 274–275).

Из китайской хроники династии Суй (581–618), относящейся приблизительно к этому времени, известно, что жители Тухоло (Тохаристана) «проживают вперемешку с яда (эфталитами)… Там в горной пещере живет волшебный конь, каждый год выпасают лошадей около пещеры, после чего обязательно рождаются знаменитые жеребята». Те же слова об эфталитах в Тохаристане повторяются в «Новой хронике государства Тан», но с уточнением местоположения пещеры: «На севере есть горы Поли, в пещере на южном склоне их живет волшебный конь. Жители пригоняют к нему кобылиц, родившиеся жеребята будут потокровными» (Малявкин, 1989, с. 68–69)[6].

Предположение о местонахождении мифической пещеры в Байсунских горах уже было высказано (Камалиддинов, 1996, с. 145–146). Можно лишь добавить, что в полевых записях Н.Г. Маллицкого от 1935 г., любезно предоставленных Л.Л. Букинич, пишется об одной из пещер на вершине горы Курган, длиной 200 м. «Внутри пещеры были найдены кремни, наконечники стрел, ножевидные пластины из темно-зеленой яшмы, скребки серого камня» (Малицкий, 1935, с. 224). Из описания понятно, что речь идет о крупнейшей в этих местах пещере под названием Бойбулак близ селения Курганча, в официальном реестре ее название «Фестивальная». Неподалеку, возле популярного минерального источника расположен аналогичный Лоилагану, но основательно разрушенный могильник Омонхона.

Курумы всех трех перечисленных могильников, составляющих, по сути, единое погребальное поле, внешне похожи на курганы в Сарыбанде. Нельзя исключать, что их каменные насыпи – это остатки разрушенных наземных конструкций, и тогда погребальные сооружения Сарыбанда снаружи вообще мало отличались от наземных склепов могильников Лоилаган, Туда и Омонхона, от которых ныне остались лишь отдельные груды камней.

В этом типично горском способе захоронения усматривается отчетливое генетическое сходство, и, вероятно, правы были те ученые, которые настаивали на том, что «хионiты, кидариты и эфталиты принадлежали одному этническому типу, но составляли разные орды с различными племенными названиями» (Пигулевская, 1941, с. 50; Якубовский, 1955, с. 103). Учитывая аналогии с курганами Семиречья, может быть, справедливо и другое утверждение А.Ю. Якубовского, назвавшего эти племена потомками геродотовых массагетов (Якубовский, 1955, с. 104)[7]. К.А. Акишев полагает, что курганы могильника Бесшатыр правобережья р. Или оставлены саками-тиграхауда (Акишев, Кушаев, 1963, с. 25–87). Б.А. Литвинский отождествляет саков-тиграхауда с массагетами, но помещает их в противоположной, западной части Средней Азии (Приаралье – Прикаспий), а сакскую культуру Семиречья, не попавшую в сферу внимания Ахеменидской империи, предположительно относит к сакам-хаумаварга (Литвинский, 1972, с. 172–174). В то же время, высокий головной убор «золотого воина» в знаменитом кургане Иссык как будто свидетельствует о его принадлежности к «острошапочным сакам» – «тиграхауда». Нелишне вспомнить и о находке в том же кургане Иссык самого раннего образчика «неизвестного письма», периодическое появление которого на территории Бактрии –Тохаристана на рубеже нашей эры и около середины I тыс. н.э. почему-то совпадает то с приходом юечжи, то с вторжением кидаритов и эфталитов.

Противоречий немало, но на дальней периферии письменных цивилизаций Древнего Мира существовало немало племен и племенных объединений, не попавших в историю. Нельзя исключать, что когда-то массагеты жили не только на западе Средней Азии, но и на востоке, вплоть до Восточного Туркестана. И был ли прежде в истории Центральной Азии такой период, когда Восточный и Западный Туркестан были обособлены в культурном и этническом отношении?

В свою очередь, массагеты Геродота являются потомками туров (tūra) «Авесты», населявших территорию будущего Туркестана еще в доскифскую эпоху и распространявших свое влияние далеко за пределы Средней Азии. Может быть, следует видеть в кидаритах и эфталитах далеких потомков авестийских туров, в относительной целости сохранивших в горах свои архаичные традиции и избежавших ассимилирующего сарматского и скифского влияния, которое испытали их равнинные со-

племенники, в том числе и население Семиречья. Если выстраивать генетическую линию кидаритов и эфталитов таким образом, возможно, в будущем удастся придти к единому мнению относительно их происхождения. Но для этого, на наш взгляд, сначала необходимо точно понять, какие именно археологические культуры Центральной Азии конца II – начала I тыс. до н.э. соотносятся с авестийскими турами.

Сноски

1. По классификации Э.В. Ртвеладзе, Сарыбанд относится к разряду государственных крепостей, прикрывавших дороги из ущелий и контролировавших водные ресурсы (Пугаченкова, Ртвеладзе, 1990, с. 50).
2. Радиоуглеродный анализ сделан в лаборатории г. Киль (Германия). Лабораторный номер KIA37137, 1620±25 BP, калиброванная дата (2σ) 390–471 гг. (вероятность 59,1%) и 476–534 гг. (вероятность 36,3%).
3. На Кахрамонтепа нет столь обычных в практике археологов следов насильственного разрушения или пожара.
4. См. Труды Байсунской научной экспедиции, вып. 2 и 3.
5. Далеко не во всех захоронениях могильника есть признаки кремации.
6. Пожалуй, это единственное упоминание в китайских источниках «небесных коней, потеющих кровью» (тяньма), не относящееся к древней и средневековой Фергане. В сочетании с обрядом захоронения в курумах, распространившимся сначала в Фергане, потом в Сурхандарье, этот факт может служить подтверждением гипотезы Б.А. Литвинского об участии населения Ферганской долины в сложении эфталитских племен.
7. У массагетов и эфталитов была распространена полиандрия.

Использованная литература:

Абдуллаев К., Аннаев Т. Раскопки на городище Зартепа в 1979–1981 гг. // ИМКУ. Вып. 23. Ташкент, 1990.

Акишев К.А., Кушаев Г.А. Древняя культура саков и усуней долины реки Или. Алма-Ата, 1963.

Аннаев Т.Д. Раннесредневековые поселения Северного Тохаристана. Ташкент, 1988.

Аршавская З.А., Ртвеладзе Э.В., Хакимов З.А. Средневековые памятники Сурхандарьи. Ташкент, 1982.

Бичурин Н. Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. Т. II. М.–Л., 1950.

Болелов С.Б. Погребения по обряду кремации на территории Средней Азии // РА. 1994. № 4.

Debaine-Francfort C. Archaéologie du Xinjiang des origines aux Han. II-éme partie // Paléorient. 1989. Vol. 15/1.

Дуке Х. Новый могильник тюркского времени в Южном Узбекистане // УСА. Вып. 3. Л., 1975.

Zeimal E.V. The Kidarite kingdom in Central Asia // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A.D. 250 to 750. Ed. B. A. Litvinsky. UNESCO Publishing, 1996.

Иностранцев К.А. О древнеиранских погребальных обычаях и постройках // Журнал министерства народного просвещения. Новая серия. Часть XX. СПб., 1909 (март).

Кабанов С.К. Культура сельских поселений Южного Согда III–VI вв. Ташкент, 1981.

Камалиддинов Ш.С. Историческая география Южного Согда и Тохаристана по арабоязычным источникам IX – начала XIII вв. Ташкент, 1996.

Корякова Л.Н. Среда, культура и общество лесостепного Зауралья во второй половине I тыс. до н.э. по материалам Павлиновского археологического комплекса. Екатеринбург – Сургут, 2009.

Koryakova L., Epimakhov A.V. The Urals and Western Siberia in the Bronze and Iron Ages. Cambridge – New York – Melbourne – Madrid – Cape Town – Singapore – São Paulo, 2007.

Литвинский Б.А. Проблемы этнической истории древней и раннесредневековой Ферганы // История и культура народов Средней Азии (древность и средние века). М., 1976.

Литвинский Б.А. Древние кочевники «Крыши мира». М., 1972.

Литвинский Б.А., Седов А.В. Культы и ритуалы Кушанской Бактрии. М., 1984.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

Малашев В.Ю., Яблонский Л.Т. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время. По материалам могильника Покровка 10. М., 2008.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Тексты и исследования. Новосибирск, 1989.
Маллицкий Н.Г. Полевые записи // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.
Пигулевская Н.В. Сирийские источники по истории народов СССР. М.–Л., 1941.
Пидаев Ш.Р. Материалы к изучению древних памятников Северной Бактрии // Древняя Бактрия. Л., 1974.
Пугаченкова Г.А., Ртveладзе Э.В. Северная Бактрия–Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент, 1990.
Рерих Ю.Н. Тохарская проблема // НАА. 1963. № 6.
Ртveладзе Э.В. Новые бактрийские памятники на юге Узбекистана // ИМКУ. Вып. 21. Ташкент, 1987.
Ртveладзе Э.В. О работах на поселении Сарыбанд и курганном могильнике Сарыбанд в 1973–75 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2005.
Ртveладзе Э.В. Археологические исследования в Бандыхане в 1974–1975 гг. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.
Ртveладзе Э.В., Исхаков М.Х. Плотина Сар-и-Банд // САУ. 1977. №1.
Ртveладзе Э.В., Исхаков М.Х. Плотина Сар-и-Банд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.
Ртveладзе Э.В. Новые древнебактрийские памятники на юге Узбекистана // Бактрийские древности. Л., 1976.
Сагдуллаев А.С. О работах на поселении Бандыхан II и раскопках кургана № 1 могильника Сарыбанд // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 2. Ташкент, 2005.
Сверчков Л.М., Бороффка Н. Археологические исследования в Бандыхане в 2005 г. // Труды Байсунской научной экспедиции. Вып. 3. Ташкент, 2007.
Соловьев В.С. Средняя Азия в IV–V вв. // История таджикского народа. Т. I. Древнейшая и древняя история. Под редакцией Б.А. Литвинского и В.А. Ранова. Душанбе, 1998.
Stark S., Die Alttürkenzeit in Mittel- und Zentralasien. Archäologische und historische Studien // Nomaden und Sesshafte 6. Wiesbaden, 2008.
Умняков И. Тохарская проблема // ВДИ. 1940. № 3–4.
Якубовский А. Ю. История Узбекской ССР. Т. I. Кн. 1. Гл. VII. Ташкент, 1955.

НОВАЯ НАХОДКА ШТАМПОВАННЫХ ОССУАРИЕВ В ОКРЕСТНОСТЯХ ШАХРИСЯБЗА

© 2012. А.Э. Бердимурадов, Г.И. Богомолов, Н.О. Хушваков
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан,
Музей Амира Темура г. Шахрисабза

Исследователи разных стран уже давно интересуются вопросами погребальной обрядности доисламского Согда и прежде всего оссуариями. Оссуарии как археологический источник – материал многогранный. Кроме использования их как культурного и хронологического маркера, оссуарии отражают многие стороны жизни населения раннесредневекового Согда, в том числе уровень развития гончарного производства, художественной культуры. По изображениям на них можно судить об отдельных элементах его бытовой культуры, но самое главное – о религиозных представлениях согдийцев.

Весной 2012 года на небольшом холме Юмалактепа в окрестностях города Шахрисябза были найдены фрагменты штампованных оссуариев VI-VII вв. Сам холм представляет собой остатки небольшого поселения или замка, располагавшегося в 5 км к юго-востоку от Шахрисябза. Это уже не первая находка оссуариев со штампованной орнаментацией в этом районе. В 1 км к западу от Юмалактепа на холме Хирмантепа ранее был найден оссуарий, опубликованный С.Б. Луниной и Н.П. Столяровой (Lunina, Stoljarova, 1993, pp. 55-59). Фрагменты новых находок были сконцентрированы в центре верхушки северного склона Юмалактепа, основание которого прорезает современный канал. Судя по разрушенности некоторых фрагментов под воздействием атмосферных осадков, они достаточно долгое время лежали близко к поверхности. Позже из них удалось смонтировать два оссуария почти целиком и один - частично. Все они однотипны по своей форме и орнаментальной композиции, имеют красноглиняный черепок с небольшой добавкой толченой извести в качестве отощителя и с внешней стороны были покрыты светлым ангобом. Типологически оссуарии Юмалактепа относятся к ящичным, прямоугольным оссуариям с невысоким сводчатым полусферическим верхом, часть которого срезана под крышку. В техническом плане они изготовлялись в несколько этапов. На первом – изготовлялись 5 плиток, толщиной от 1,3 до 1,8 см (3 – длинной прямоугольной формы и 2 – коротких, подтрапециевидной формы). На четырех из них крупным штампом (точнее оттиском в одностворчатой матрице-форме) была нанесена рельефная композиция. На следующем этапе из них был составлен прямоугольный резервуар, одна из плиток помещалась на песчаную подсыпку и использовалась как днище, на которое монтировались остальные плитки. Углы стыка стенок внутри резервуара соединены между собой при помощи вертикальных глиняных лент. Кроме того, с внешней стороны углы скрыты под налепным валиком. Затем к верхушке стенок резервуара стали крепиться глиняные ленты, из которых был сформован сводчатый верх оссуария. Часть сводчатой верхушки была срезана под овальную в плане

крышку. В центре ее посажена небольшая ручка грибовидной формы со сквозным отверстием в центре. Края верхушки навершия украшены треугольными зубчиками (так что сверху, в плане, они образуют символическую фигуру – двенадцати лучевую звезду). На валики в углах резервуара сверху были посажены катушковидные столбики, в которых прокалываются углубления для палочек – стоек балдахина, диаметром – 0,5-0,6 см. Очевидно оссуарий выставлялся с балдахином точно так же, как это показано на Бартымском блюде (Рапопорт, 1962, с. 150).

Стенки резервуаров всех трех оссуариев украшены оттисками однотипной композиции из фигур людей и животных, выполненных в невысоком рельефе. Композиция включает 13 фигур, из них 10 человеческих (высотой от 9 до 14 см) и 3 животных. Все они размещены в два яруса (регистра) и как будто распадаются на несколько сцен.[1]

Композиция очень близка оссуариям из селения Сиваз (Крашенинникова, 1986, с. 45-47; Krašeninnikova, 1993, pp. 53-55; Grenet, 1993, pp. 60-65), ранее опубликованных Ф. Грене и Н.И. Крашенинниковой, но отличается от них не только большим количеством фигур, но и рядом деталей в изображении персонажей, хотя они очень близки стилистически, а главное сюжетно. В целом композиция разворачивается справа налево и является иллюстрацией представлений согдийцев о посмертной судьбе души умершего.

Вслед за Н.И. Крашенинниковой, как и на оссуариях из Сиваза, можно предположить, что в правой стороне композиции изображены: вверху сцена загробного суда, в нижнем регистре – сцена жертвоприношения. В первой сцене задействовано 4 персонажа. Крупная фигура сидит, скрестив ноги на невысоком прямоугольном возвышении (тахте) покрытым ковром. К сожалению, детали одежды и лицо трудно различимы. Они выполнены в небольшом рельефе и слабо пропечатались. Можно предположить, что персонаж одет в распашной халат с длинными рукавами и полами. Как будто прослеживается тонкий ремень, опоясывающий одежду под халатом. Одна рука персонажа опущена вниз, другая – согнута в локте и поднята на уровень груди, ладонь сжата, указательный палец поднят в жесте внимания или наставления. По бокам тахты изображены две стоящие фигуры юношей-прислужников или почетной стражи. Изображения их сохранились лучше, но все равно многие детали не видны, особенно голова. Они как будто одеты в короткополый кафтан или рубаху с округлым вырезом. Руки согнуты перед грудью и держат за древко какой-то предмет. Возможно, это опахало (правда, с очень коротким древком) или булава с необычайно крупной главой. Последнее как будто больше согласуется с позой этих фигур, как бы взявших оружие на караул. Слева от сидящего персонажа изображена, развернутая к нему, стоящая мужская фигура в длиннополом распашном халате с треугольными отворотами и короткими рукавами, под которыми выступают длинные рукава рубахи. На голове у него какой-то головной убор, от которого сохранилась только нижняя часть. Одна рука опущена вниз, слегка согнута в локте и упирается в бедро, другая – держит ручку коромысла весов, на концах которых вниз опускаются не чашки, а два узких шарфа. В одном из них слегка наклонно лежит нагая фигурка, изображающая ребенка. На юный его возраст дополнительно указывает прическа в виде двух пучков связанных на макушке.

В нижнем регистре изображен жрец, который производит некое действие (ритуал) перед каким-то кубическим предметом. Возможно, это возвышение – алтарь или столик.[2] Сам жрец показан как-бы в пол-оборота – ноги и туловище – фронтально, голова и плечи развернуты к столику. Голова жреца не покрыта, косыми линиями показаны волосы и борода, но нижняя часть лица скрыта под повязкой – падамом. Одет жрец в длинную рубаху с длинными рукавами, полы которой расходятся в стороны треугольником. Рубаха на талии охвачена поясом, концы которого завершаются кистями и неравномерно свешиваются спереди. За пояс заткнута то ли ложка, то ли булава с овальной главой, рукоять ее тоже завершается круглым навершием. Левой рукой жрец держит две тонкие длинные палочки. Ф. Грене определяет их на сивазском оссуарии как барсом (Grenet, 1993, p. 61).

За спиной жреца изображена оседланная, возможно, жертвенная лошадь. Она взнуздана, поводья уздечки закинуты на шею. Голова ее опущена, на спину накинут прямоугольный чепрак с бахромой по краю, поверх которого надето седло с невысокой лукой и привязанными к нему стременами. Но в отличие от изображения на сивазских оссуариях голова лошади не украшена султаном и у нее не короткий, а длинный хвост, кроме того ее поза не статична, одна из передних ног лошади поднята вверх.

Дальше в этом регистре помещена коленопреклонная женская фигура, но она повернута к кубообразному возвышению спиной, что позволяет отнести ее к другой сцене.

Вторая сцена занимает левую половину длинной стороны оссуария. Центральное место в ней занимает царственный или божественный персонаж, сидящий на возвышении, покрытым ковром в косую сетку с округлыми ячейками. Он одет в длинную рубаху или кафтан с длинными рукавами и округлым подолом и штаны. Черты лица плохо пропечатались, видно лишь, что у него длинные курчавые волосы, безбородое скуластое лицо с округлыми глазами. От головного убора сохранилась нижняя часть, возможно, это была корона в виде распахнутых крыльев. Одна нога согнута в колене и подтянута к туловищу, другая опущена вниз. Правая рука упирается в бедро и поддерживает конец лежащего на руке жезла (посоха) или стебля с загнутым и как будто разветвляющегося концом. Другая рука, как и у сидящего персонажа в первой сцене, поднята в жесте внимания или наставления. По бокам возвышения помещены стоящие фигуры юношей-музыкантов. Они одеты в кафтаны с длинными рукавами. В руках одного из них угловая арфа – чанг, инструмент сохранявший популярность вплоть до XVI века. Фигура второго музыканта сохранилась хуже, но видно, что в руках у него лютня – уд, с изогнутым грифом или его прямой предшественник барбат, на котором, кстати, играли стоя.

Ниже под сидящей фигурой божественного персонажа изображены два горных барана, обращенные друг к другу спинами. Между ними на уровне земли помещено изображение какого-то плохо видимого предмета как будто с выделенной горловиной, покатыми плечиками и широким днищем (горшок или мешок?). Перед фигурой правого барана тянется вверх крупный цветок на длинном S-образно изогнутом стебле. Еще один цветок только другого типа помещен перед вторым бараном. К сожалению, сохранность рельефа в этой части композиции крайне плохая. Именно с этой сценой связано изображение коленопреклоненной женской фигуры. Она обращена в сторону сидящего божества, одна рука ее опущена вдоль тела, другая – поднята вверх и держит перед лицом двумя пальцами какой-то круглый предмет, плод или зеркало.

Таким образом, в большей своей части композиция оссуариев с Юмалактепа тематически очень близка оссуариям из Сиваза. Конечно, интерпретация сюжета и конкретизация задействованных персонажей во многом гипотетичны и отражает подходы авторов.[3] На наш взгляд, в композиции на оссуариях Юмалактепа всего две сцены (не случайно они поочередно представлены на торцевых стенках). Причем изображения верхнего регистра неразрывно связаны с нижним, где животные отражают связь с божеством, которому они посвящены. Идейная направленность первой – небесный суд у моста Чинвад, который вершат божества Михр и Рашн, где «каждая душа увидит то, что совершило тело» (Наставление Вехзад…, 1991, с. 83). Соответственно, персонаж с весами идентифицируется как Рашн, божество справедливости, который взвешивает на небесных весах благие и дурные деяния умерших, не наклоняя их «ни в какую сторону, ни для праведных, ни для грешных, ни для господ, ни для правителей, так что он не изменит склонение весов ни на волос и не замыслит вреда», одинаково справедливо относясь к «господину, правителю, рату» и к «человеку незначительному» (Чунакова, 2004, с. 189). Именно его с золотыми весами увидел праведный Вираз у моста Чинвад. Он же – сидящий персонаж с весами в руках, к которому Срош ведет душу умершего, на оссуарии из Государственного Музея истории Узбекистана в Ташкенте. Только на оссуариях из Юмалактепа, видимо, для большей доходчивости на весах изображена душа умершего в виде нагого ребенка. Кстати, на сивазских оссуариях весы в его руке отсут-

ствуют, намёком на них остается изображение шарфа. Сложнее с центральным божеством этой сцены, сидящим в той же позе, что и божество на оссуарии из Сиваза. Больше всего оснований видеть в нем Михра, в функции которого входил справедливый суд в потустороннем мире. Наша сцена как раз и отражает важнейший момент – допрос души умершего и определение ее дальнейшей судьбы, воздаяние ей за поступки. Отчасти, дополнительным указанием на идентификацию божества служит изображение лошади в нижней части сцены. Белый конь считался инкарнацией Михра-Митры (Рак, 1998, с. 489-490). Вместе с тем лошадь известна как перевозчик (проводник) души умершего в потусторонний мир. Вспомним указание Арриана, что Камбиз, сын Кира и его преемник на троне, установил наряду с ежедневными жертвоприношениями овец, ежемесячное приношение у гробницы отца в честь его души в жертву коня как животное, посвященное солнцу (Бойс, 1987, с. 67). Видимо, в эпоху раннего средневековья этот религиозный анахронизм получает вторую жизнь под влиянием тюркских религиозных представлений. Даже оссуариям иногда придается форма этого животного (коня) (Юсупов, Скиндер, 1956, с. 140-143). Указание о сохранении этой традиции значительно позже отмечает К.А. Иностранцев, который приводит иллюстрации погребального обряда парсов в гузератских версиях книги об Арта-Вирате. На одном из рисунков погребальной процессии человек (священнослужитель) идет впереди лошади, но не ведет ее. На другом рисунке изображены два человека несущие знамена и следующий за ними оседланный конь (Иностранцев, 1911, с. 559-560).

Следовательно, оседланный конь это жертвоприношение в честь души умершего богу Михре, а персонаж, вершащий ритуал, это Срош, божество которое часто выступает в качестве посредника между людьми и богами, причем нередко изображается в образе священнослужителя и почитается как защитник душ. Видимо, именно Срош в качестве жреца-заотара освящает пищу на каменном рельефе из погребения Ан Джуана в Северном Китае (Bulletin of Miho Museub, 2004. Pl. 10). Персонажи, стоящие в карауле около Михра, могут быть безликими фравашами или малыми божествами из его свиты. К сожалению, их изображения дают мало возможностей для их отождествления.

Вторая сцена – кульминация путешествия (судьбы) души умершего праведника – присутственная сцена в раю, где она в блаженстве будет ожидать дня воскрешения. На высоком возвышении сидящее мужское божество с жезлом в виде стебля (или просто стеблем) наставляет душу умершего. Можно предположить, что она представлена в виде коленопреклонной женской фигуры. Хотя не исключен и другой вариант, женская фигура это небесная жена, определенная праведнику. Скорее всего, в персонаже с жезлом можно видеть Вахмана (пехл. Wahman, авест. vohu-manah), одного из амахраспандов, персонификации «благой мысли» в зороастрийской триаде. В «Младшей Авесте» Вахман – самостоятельное божество, с функцией покровителя скоту. Обителью Вахмана является горний рай (Наставление Вехзад…, 1991, с. 79, 108). Именно он приводит праведного Вираза к Ормазду. На символическую связь с Вахманом, указывает изображение горных баранов в нижней части сцены. Правда, в анализе иконографии оссуариев из Сиваза Ф. Грене предлагал считать их обязательной частью жертвоприношений зороастрийского культа (Grenet, 1993, p. 61-62). Действительно, кровавые жертвоприношения рогатого скота широко применялись у многих народов, в том числе и согдийцев, еще в ахеменидское и парфянское время. Традиция принесения кровавых жертв сохранялась у иранских зороастрийцев и в новое время. У парсов было принято приносить в жертву козла. Как отмечает Б.А. Литвинский сейчас кровавые жертвоприношения делаются иранскими зороастрийцами лишь во время праздника в честь Митры. Он же увя-

зывает устойчивость этих жертвоприношений с гипертрофированным жертвоприношением в конце мира, о котором говорится в Бундахишне и который сделает людей бессмертными (Литвинский, 1991, с. 77). То есть цель жертвоприношения обеспечение бессмертия.

Однако, как не привлекательно такое предположение, на наш взгляд, оно не исключает и версии Н.И. Крашенинниковой, видевшей в животных основание (подножие) трона. Использование тех или иных фигур животных в качестве основания трона хорошо известно по памятникам изобразительного искусства. Например, на серебряном блюде VI века из Эрмитажа Хосров I сидит на тахте, основанием которого служат фигурки крылатых коней (Кинжалов, Луконин, 1960. Табл. 9). На другом блюде, которое датируют X веком, изображена пиршественная сцена с сидящим на ложе правителем. В нижней части, т.е. в основании, изображены фигурки львов (Кинжалов, Луконин, 1960. Табл. 17). В росписях Пенджикента в Храме II изображено божество, сидящее на высоком зооморфном троне, основанием которому служат фантастические фигуры каких-то крылатых хищников (Belenizki, 1980, s. 53). Существование зооморфных тронов отмечается и в письменных источниках. Так китайский путешественник Сюан Цзян, посетивший Согд в начале VII века, упоминает, что у владетеля Кушании был трон в виде барана, а у владетеля Бухары – в виде верблюда. Все это делает вполне реальным – отнесение фигур баранов к элементам трона. Не менее важно другое, изображение горных баранов в основании трона на оссуарии может служить дополнительным указанием на принадлежность их к Вахману как покровителю скота и одному из распорядителей райской обители. То, что место, которое передает нам композиция оссуария, «благоухающий рай» подчеркивают цветы в нижнем ярусе и фигуры музыкантов. Хотя Геродот писал, что персы не знали культовой музыки (как в прочем статуй и храмовых зданий), но устойчивое изображение музыкантов в храмах Пенджикента (в качестве кариатид, участников культовых церемоний) позволяют утверждать, что позднее авестийские гимны исполнялись под аккомпанемент струнных инструментов. Недаром одно из названий райской обители – «garōdmān» – «дом восхвалений (песнопений)», обитель песни и источник райской (сладкой) музыки, которой наслаждаются праведные души (Pavry, 1926, pp. 54-55, 113-114).

Не случайно и сама форма оссуариев, которая передает представления согдийцев о «горним рае», соединяя одновременно черты некого сооружения (здания) и горы. Отражением этих идей, до сих пор сохраняющихся среди современного местного населения, можно отнести представление о скрытой обители святого праведника в пещере на горе со всеми атрибутами рая, где есть сады множество родников, которые якобы наполняют ручьи и реки. Ярким примером могут служить представления о скрытой обители Хазрат Султана (Ходжи Давуда) в шахрисябзской части Фанских гор или о подземной обители Шахи-Зинда в Самарканде (Рахимов, 2008, с. 163). Кстати в последнем случае описывается, что святой сидит на троне.

Таким образом, новые находки штампованных оссуариев из Юмалактепа являются ярким образцом ремесленной продукции, связанной с погребальной обрядностью. Но самое важное они показывают существование определенных устойчивых представлений в согдийском обществе о послесмертной судьбе душ умерших и традиции их иллюстрирования. Культовая иконография оссуариев из Юмалактепа, подобно другим оссуариям была призвана посредством передачи сюжета загробного суда у моста Чинвад и райской обители отразить (а может даже магически повлиять на) судьбу души умершего. Насыщенность композиции более полными деталями позволят утверждать,

что хронологически она предшествует сивазской композиции, где эти элементы подразумеваются или опущены.

Сноски:

[1] Для искусства Согда характерно отсутствие разграничительных линий для последовательных эпизодов в повествовательном сюжете.

[2] Аналогичный предмет имеется в композиции на оссуариях из Сиваза и тоже связан с фигурой жреца. Вероятно, совершенно прав Ф. Грене, предположивший, что здесь изображена поверхность стола, разделенная крестообразно на 4 сектора. В центр каждого из них положен жертвенный хлеб – дрон (drōn) (Grenet, 1993. p. 61). Кстати, иногда в культовых помещениях (домашних капеллах) богатых горожан в стороне от алтаря устраивались прямоугольные возвышения, которые могли использоваться как жертвенные столики. На них могли размещаться при обрядовых церемониях священные или жертвенные предметы – хлеб-дрон и ингредиенты для приготовления хаомы. Показательно, что на близких по времени каменных рельефах погребальных сооружений согдийцев из Китая в стороне от алтаря изображен столик с жертвенной пищей, а рядом касается его палочками фантастическое существо – птицечеловек, исполняющий роль жреца. (Bulletin of Miho Museub, 2004. Pl. 10; Бердимурадов, Богомолов, 2008. С. 172-173, рис. 1, 4).

[3] Так и Н.И. Крашенинникова и Ф. Грене делят композицию на оссуариях из Сиваза на три сцены. Причем Ф. Грене предлагает очень оригинальную версию, выделяя весь нижний регистр в одну сцену, где показано ритуальное действие из зороастрийского культа с характерными для него тремя видами подношений – хлеба-дрона, мяса баранов (фигуры баранов) и вина (его символизирует горшочек между баранами) (Grenet, 1993. p. 61-62).

Использованная литература:

Бердимурадов А.Э. Богомолов Г.И. Образ птицечеловека на рельефах погребальных сооружений согдийцев в Северном Китае // ИМКУ. Вып. 36. Ташкент, 2008.

Бойс М. Зороастрийцы. Верования и обычаи. Перевод с английского и примечания И.М. Стеблин-Каменского. М., 1987.

Иностранцев К.А. Парсийский погребальный обряд в иллюстрациях гузератских версий книги об Арта-Вирафе. // Известия Императорской Академии Наук. Серия 6. Т.5 (№7), С-Пб., 1911.

Кинжалов Р.В., Луконин В.Г. Памятники культуры Сасанидского Ирана. Л., 1960.

Крашенинникова Н.И. Два штампованных оссуария из окрестностей кишлака Сиваз Китабского района // Городская среда и культура Бактрии-Тохаристана и Согда IV в. до н.э.–VIII в. н.э. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 августа 1986 г. Ташкент, 1986.

Литвинский Б.А. Семиречинские жертвенники (индоиранские истоки сакского культа огня) // Проблемы интерпретации памятников культуры Востока. М., 1991.

Наставление Вехзад Фаррох Пероза. – Изведать дороги и пути праведных. Пехлевийские назидательные тексты. Введение, транскрипция текстов, перевод, комментарий О.М. Чунаковой // Памятники письменности Востока. Выпуск XCIV. М., 1991.

Рак И.В. Мифы древнего и раннесредневекового Ирана. С-Пб., – М., 1998.

Рапопорт Ю.А. Об изображении на Бартымском блюде, найденном в 1951 г. // Советская археология. 1962, №2.

Рахимов Р.Р. Таджики: за что камни и пещеры они почитают? // Иран-наме. 2008, №2.

Чунакова О.М. Пехлевийский словарь зороастрийских терминов, мифологических персонажей и мифологических символов. М., 2004.

Юсупов М.С., Скиндер С.И. Оссуарий из Тургай-мазара. // Труды САГУ. Вып.81. Ташкент, 1956.

Belenizki A.M. Mittelasien Kunst der Sogden. Leipzig, 1980.

Bulletin of Miho Museum. Vol. 4, Shumei Culture Foundation, march 2004.

Grenet Frantz. Scénes paradisiaques : les ossuaires de la région de Šahr-i-Sabz. // Studia Iranica. Tom 22- 1993- fascicule 1.

Krašeninnikova N.I. Deux ossuaires a décor moulé trouvés aux environs du village de Sivaz, district de Kitab, Sogdiane Méridionale. // Studia Iranica. Tom 22- 1993- fascicule 1.

Lunina S.B., Stoljarova N.P. Un nouvel ossuaire des environs de Šahr-i- sabz en Sogdian Méridionale. // Studia Iranica. Tom 22- 1993- fascicule 1.

Pavry J.C. The Zoroastrian Doctrine of Future Life from Death to Individual Judgment. N.Y. 1926.

СРЕДНЕВЕКОВАЯ БАНЯ БУХАРЫ БЛИЗ МЕЧЕТИ МАГОКИ-АТТОРИ

© 2012. Б.М. Абдуллаев, Ш.М. Пардаев
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

Объект исследования расположен на южной границе средневекового шахристана, в 20-30 м западнее мечети Магоки-Аттари XI-XII вв. и к нашему времени над погребенными архитектурными остатками бани был сад-чарбаг (рис. 1), усаженный тенистыми и фруктовыми деревьями. Баня занимала площадь в длину более 25 м и ширину более 15 м (рис. 2)[1]. Центральная ось ее проходила с юго-востока на северо-запад.

К нашему прибытию Бухарским археологическим отрядом ИА АН РУз (Д.К. Мирзаахмедов – руководитель, Ш.Т. Адылов, А. Асланов) были вскрыты остатки помещений южной половины сооружения (материалы – керамика и монеты археологами были переданы для обработки в Бухарский музей[2]). В задачу нашей группы входило вскрытие помещений в северной половине бани, где нами выявлены остатки помещений 1, 2, 3, 4, 5 и частично 6. В данной статье представлено предварительное обобщение материалов по исследованному объекту со сравнительным анализом сооружения с подобными из средневековых памятников Средней Азии, Кавказа, Крыма, Булгарии и Казахстана (Воронина, 1951; Бурякова, 1986; Филанович, Алимов, 1988; Насриддинов, 2006; Алиев, 1946; Халчаян, 1971; Смирнов, 1951; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987).

Помещение 1 (рис. 2, 1) вскрыто на 3/5 с южной стороны, поскольку с северной стороны раскоп был ограничен проезжей частью улицы с более чем полуметровым бордюром. Помещение расположено в северо-восточном углу раскопа и имеет сложную конструкцию с несколькими этапами ремонтных перестроек и обновлений стен. Ширина помещения составляет 5 м, ей первоначально соответствовала, вероятно, также и длина. Вход в помещение находился в юго-западном углу и оформлен как сводчатый проем (рис. 3) шириной 1,17 м, но кирпичи верхней части свода не сохранились.

Первоначально помещение 1 в плане представляло собой «круг в квадрате», от которой сохранились, судя по вскрытой части, круг-хауз, с отходящими от него зигзагообразными перегородками, а также восточная стена.

Круг-хауз был выложен из жженых кирпичей размерами 27-28х15х5-6 см при сохранившейся толщине 20-23 см и высоте 80 см. Внешний и внутренний диаметр круга составлял соответственно 3,05 и 2,55 м. От круга к стенам помещения проходили зигзагообразные перегородки толщиной 20-23 см, образовавшие небольшие секции, которые имели небольшие проходы шириной около 0,6 м. Перегородки сохранились у основания круга-хауза и, частично, у стен помещения. По сохранившимся следам на внешней стороне круга можно предположить, что они с этой стороны превышали высоту круга. В то же время, у стен помещения высота перегородок, вероятно, не превышала 10 см. Их высота на этом участке, вероятно, была еще сокращена за счет последующей вымостки пола мрамором, что было связано с их функциональным назначением – для удобства прохода банщиков на другие секции помещения и обособленного слива использо-

ванной воды из секций.

Расстояние между перегородками у круга составляла 64 см, расширявшееся в направлении стен до 1 м, при длине секции 75 см. Секции располагались на напольном круге-возвышенности в 45-60 см от стен и выше уровня пола (у стен помещения) на 1,5 -2 см. Уровень пола секций вокруг круга был подчинен общей системе отвода использованной воды. С восточной стороны от сводчатого проема у основания стен помещения была выявлена канавка (рис. 4). С западной стороны проема сохранилась вымостка светло-серым мрамором. Первоначально, пол помещения 1, как и, вероятно, бани, повсеместно был покрыт мрамором (Уралов, 2002. С. 51), доходившем до стока. Поскольку канавка входила в проем из центрального зала бани, то можно предположить, что вся использованная вода выводилась через помещение 1, которое, по аналогии с отрарской и ташкентской банями, вероятно, соединялось с поглощающей ямой через канализационную систему (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 117; Филанович, Алимов, 1988. С. 179). Такая система канализации для Средней Азии известна с X в., хорошо представленная ахсикетской баней (Анорбоев, 2001. 19-бет, 8 ва 8а расм). Для Бухары необходимо отметить, что сточные воды из бань поступали в особые канализационные тазары – сводчатые туннели из жженого кирпича, отводившие воду в поглощающуюся яму или соединявшиеся с центральными тазарами, которые шли от крупнейших медресе за город в сбросные арыки – захкаши (Ремпель, 1962. С. 157).

На стенках круга и перегородок сохранилась облицовка из прямоугольных и шестиугольных глазурованных плиток синего цвета (рис. 5). Хотя, вероятно, первоначально круг с перегородками, как и стены, имел лишь толстый слой кырово-водонепроницаемой штукатурки.

Восточная (ранняя) стена помещения 1 имела толщину 0,84 м по верху (у основания, вероятно, был несколько больше) за счет наружной стороны с многократной водонепроницаемой штукатуркой (толщина 12 см) с внутренней стороны, при сохранившейся высоте 2,2 м. Сохранился загиб штукатурки у южного конца стены в западную сторону. Помещение 1, по аналогии с булгарской и отрарской банями, видимо, имело квадратную или прямоугольную планировку как это было в (Смирнов, 1951. С. 214, рис. 144; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 115, рис. 41, 9). Стена помещения возводилась из небольших разноформатных жженых кирпичей размерами 20-27х11-17х2,5 -4,5 см. В последний период обживания данной местности здесь был спущен бадраб диаметром 1,2 м, прорезавший восточную стену изнутри до глубины 1,5 м. С наружной стороны выявлена строительная яма диаметром 1,8 м, частично разрушившая восточную сторону стены. Снаружи восточная стена не оконтурена до основания, но кладка имела некоторое расширение.

Южная стена имела дугообразную форму и возведена из кирпичей размерами 25-27х26-27х4-6 см, при сохранившейся высоте 2,12 м. Штукатурка стены сохранилась частично и лишь толщиной в 0,5-0,7 см. Дугообразная южная стена представляла собой аккуратную пристройку к более ранней прямоугольной стене, которая была предварительно частично разобрана. Вероятно, при поздней перестройке бани южная и, возможно (исходя из закономерности «симметрии»), северная стены были сделаны дуговидными. Об этом свидетельствует стандартный размер кирпичей, использованных во втором периоде перестройки, а также незначительная толщина штукатурки. Данная перестройка являлась, по нашему мнению, связующим звеном в эволюции данного помещения – «поки-хона» – от квадратного к округлому плану за период с XIII-XIV по XV-XVI вв. Последнее хорошо прослеживается географически от бань Булгарии и Отрара к баням

Бухары, Самарканда и Ташкента.

Западная стена, как и восточная, имела прямоугольную форму, толщиной 56-62 см при сохранившейся высоте 1,95 м и возведена из кирпичей размерами 25-27х26-27х4-6 см. Сохранность штукатурки с внутренней стороны такая же, как и на южной стене.

С восточной стороны к помещению 1 примыкали две (ранняя и поздняя) перпендикулярные стены. *Ранняя* перпендикулярная стена сохранилась на высоту 1,1 м при толщине 54 см и возводилась из небольших разноформатных жженых кирпичей размерами 20-27х11-17х2,5-4,5 см. С востока она упиралась в более раннюю стену (высота 52 см, толщина 90 см, кирпичи: 22-24х10-13х3-4,5 см). В основании этой стены обнаружено два фрагмента глазурованных чаш, одна из которых археологически целая (рис. 6). Стена также была ориентирована по линии запад-восток и уходила в восточную бровку – в сторону Магоки-Аттари. Функциональное назначение ранней перпендикулярной стены определить сложно, поскольку она имеет небольшой спуск на восток. Учитывая, что помещение 1 являлось купольным, то, можно предположить, что она использовалась как контрфорс.

Поздняя перпендикулярная стена сохранилась в 10 рядов кладки и возводилась из жженых кирпичей размерами 25-27х26-27х4-6 см. Характерной особенностью стены являлось то, что ее основание имело с северной стороны ступенчатую форму из четырех рядов (толщина по нижнему ряду 94 см). Поверх ступенчатого основания шла кладка собственно стены, толщиной 54 см и сохранившаяся на высоту в шесть рядов кирпича. По всей вероятности эта стена относилась к зданиям позднего периода, купола которые хорошо просматриваются на аэрофотосъемке 1929 г. (рис. 7, II). Также необходимо отметить, что к этой стене примыкала кирпичная (25-27х26-27х4-6 см) вымостка верхнего горизонта, перекрывавшая северную половину бани.

С западной стороны к помещению 1 примыкали помещения 2 и 4 (рис. 2, 2, 4), разделенные между собой перегородкой.

Помещение 2 (рис. 2, 2) расположено с западной стороны помещения 1 и с севера перегородки. Вскрыта лишь южная часть коридора длиной 1 м, шириной 3,3 м, его восточная и южная стены; западная стена не сохранилась, но ее следы выявлены в разрезе северной бровки (толщина 54 см) и в юго-западном углу (толщина 62 см) помещения 2. Возможно, это был входной проем между помещениями 2 и 3. Утончение стен происходило за счет расширения внутреннего пространства помещения 2, определение причины которого возможны лишь при дополнительных раскопках. В юго-восточном углу помещения выявлены остатки толстой многократной штукатурки толщиной 12 см, все слои окрашены в красный цвет (рис. 8), очень похожий на цвет обожженной глины под воздействием длительного горения. Однако, в нашем случае, не обнаружены характерные черты горелой штукатурки. На южной стене помещения под штукатуркой выявлена облицовка из квадратных кирпичей размерами 28х27х6 см, а также на расстоянии 1,2 м от юго-восточного угла на стене сохранились следы перегородки в полкирпича. В забутовке помещения 2 обнаружена медная монета (рис. 9), датируемая временем правления Улугбека[3] – 823/1420 г.

Помещение 3 (рис. 2, 3) расположено в северо-западном углу бани. Вскрыты восточная и южная стены (толщина 62 см), остальные находятся под северной и западной бровками раскопа. Стены помещения сохранились хуже чем стены помещения 1 – их высота более 1 м, но до пола они не вскрыты из-за аккордных сроков, предоставленных для раскопа. Стены помещения 3 возводились из кирпича размерами 26-28х24-27х5-6 см, более позднего периода, чем небольшие разноформатные кирпичи в основании

комплекса. На стыке восточной и южной стен располагался проход шириной 1 м.

Восточная стена помещения 3 так же, как и западная стена помещения 1, севернее перегородки имела толщину 54 см. Исходя из «закономерностей симметрии» помещение 3, вероятно, соответствовало размерам и планировке помещения 1, входные проемы этих помещений также симметричны. Они располагались в торце и направлены к центральному залу бани. Разница между помещениями 1 и 3 заключается в том, что планировка помещения 3 сохранила прямоугольную форму и после поздних перестроек.

Помещение 4 (рис. 2. 4) расположено с южной стороны помещения 2 размерами 2,9х1 м и, вероятно, первоначально они были единым коридорообразным помещением, являвшимся составляющей частью крестообразной планировки сооружения. Перегородка между помещениями 2 и 4 имела толщину в 42 см при сохранившейся высоте 1,33 м. Она так же была выстроена из крупных квадратных кирпичей (25-27х26-27х4-6 см), но основание ее с южной стороны зависало на 60 см выше описанного основания помещения 1. Поскольку, из-за поставленных сроков, мы не смогли дойти до пола помещений, то можем лишь предполагать, что перегородка являлась поздней ремонтной пристройкой, а на этом уровне стены проходила горизонтальная ниша для кубурной линии водопровода[4]. Ясность в решении проблемы можно получить при дополнительных раскопках.

Помещения 5в (восточное) и 5з (западное) (рис. 2, 5в, 5з) расположены за южными стенами помещений 1 и 3, и соединяются с центральным восьмиугольным помещением 6 – «катта гумбаз», в центре которого, предположительно, находилась восьмигранная суфа, как обычно в среднеазиатских банях или фонтан (не вскрыто из-за недостатка сроков), как это было в булгарской бане (Калинин, Смирнов, 1946. С. 26, 29, рис. 4, 8, рис. 5; Смирнов, 1951. С. 214, рис. 144; Воронина, 1951. С. 119-120, рис. 2, 3).

Нашими раскопками открыты полностью помещение 5в и частично 5з, так как западная сторона 5з уходит под толщу западной бровки. Помещение 5в имело площадь 4,6х2,85 м, а в северной стене была конструктивная ниша глубиной 15 см, длиной 1,7 м и высотой на уровне стен. Стена в конце помещения 5в завершалась половинкой шестигранника, в середине которого проходил внутристенный дымоход (рис. 10), который под полом соединялся с жаровым каналом (рис. 11). Над жаровым каналом на высоте 1 м была выложена ванночка, от которой сохранились: дополнительная облицовка из квадратных кирпичей размерами 26-28х24-27х5-6 см и следы от водонепроницаемой штукатурки (рис. 12). Эти ванночки предназначались, по мнению некоторых исследователей, для лечебной (соленой, квасцовой, серной, железистой, а также отвара шиповника и лавра) или ароматной воды (Пугаченкова, 1949. С. 243-244; Бурякова, 1986. С. 364-365; Филанович, Алимов, 1988. С. 185). Отметим, что подобные резервуары были выявлены в банях Афрасиаба IX в. (Шишкина, 1973. С. 133). Вероятно, ванночки предварительно заполнялись кипяченным лечебным или ароматным раствором, где поддерживалась определенная температура.

Жаровой канал вскрыт только под полом помещения 5в, он имел сложную конструкцию (рис 2, ЖК). Ответвление жарового (центрального) канала на данном участке имело ширину в 43 см, по обеим его сторонам шли гипокаусты (столбики из семи жженых кирпичей размерами 26-28х24-27х5-6 см), образуя подпольные жаровые проходы (рис. 13). Они ставились поверх сплошной вымостки из кирпичных плит (вскрыта лишь верхняя часть) в основании бани (рис. 15) и выстроены в строгом порядке – через интервал в 21 см по ориентации запад-восток и в 14 см по – север-юг. Последнее было не-

Рис. 1. Космическая съемка места археологических раскопок по состоянию на август 2007 года. I – площадь раскопок бани; II – Мечеть Магоки-Аттари; III - площадь раскопок Каравансарая

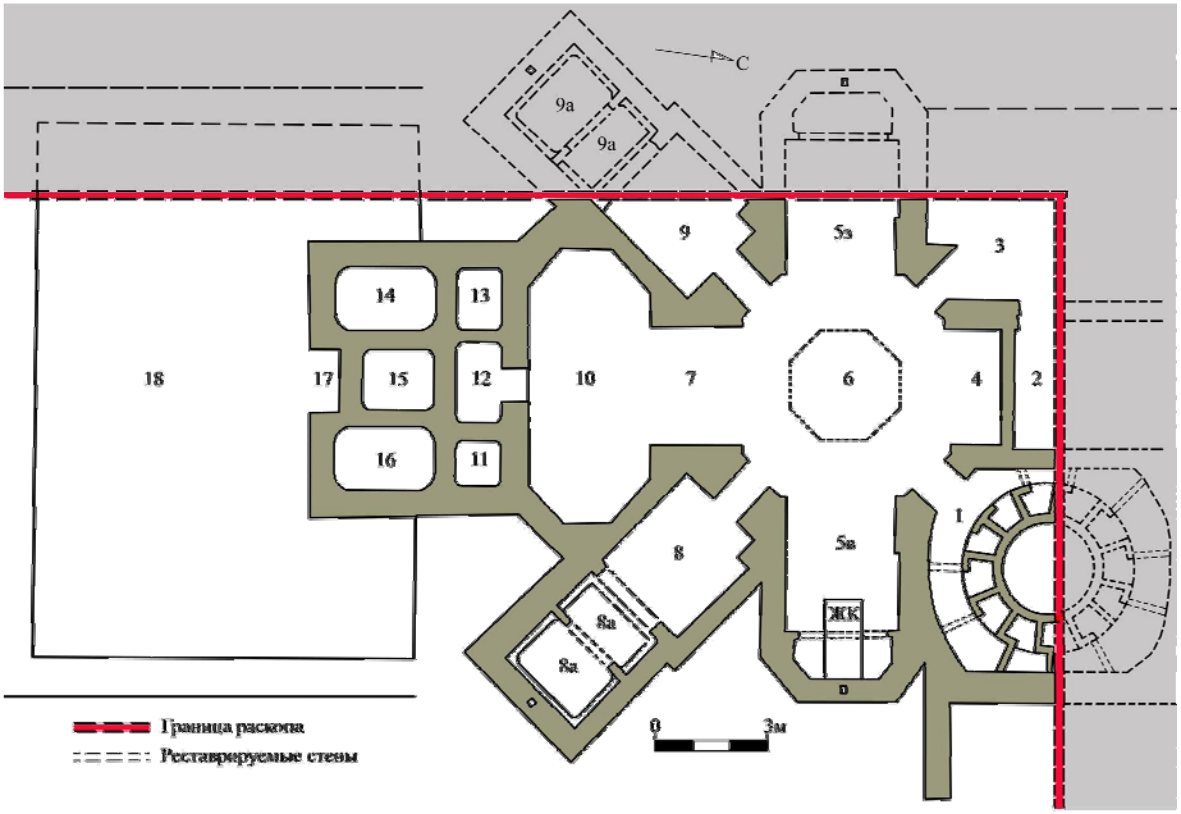

Рис. 2. План бани

Рис. 3. Сводчатый проем помещения 1 с канавкой у подножия левой щеки

Рис. 4. Канавка для сброса использованной воды

Рис. 5. Сохранность облицовочных плиток

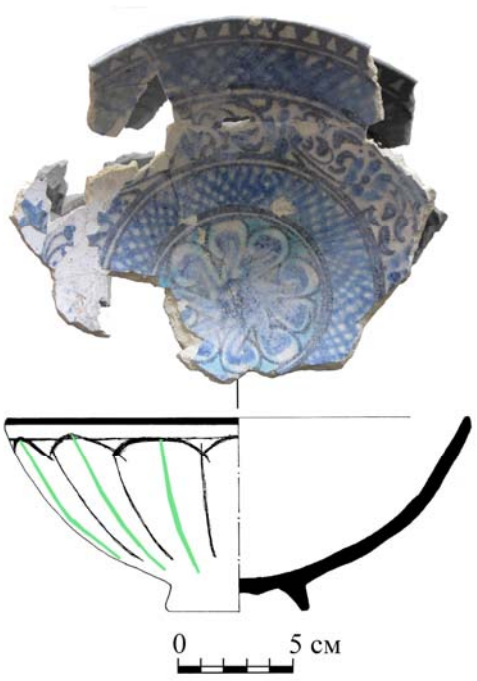

Рис. 6. Чаша темуридского периода

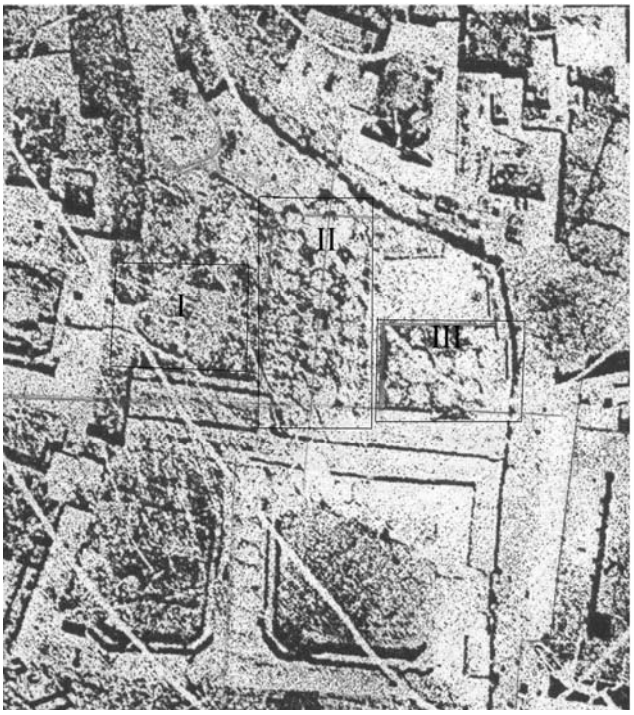

Рис. 7. Аэрофотосъемка 1929 года (представлен С.Т. Бобоевым): I – площадь раскопок бани; II – торговые ряды; III - Мечеть Магоки-Аттари

Рис. 8. Юго-восточный угол помещения 2 со штукатуркой красного цвета

Рис. 9. Медная монета эпохи Улугбека (823/1420 г.)

Рис. 10. Внутристенный дымоход внешней стены. помещения 5 в.

Рис. 11. Соединение внутристенного дымохода с жаровым каналом

Рис. 12. Остатки штукатурок от ванночек для лекарственных отваров или ароматической воды

обходимо для выстилки пола бани квадратными кирпичами, представлявшими собой плитки, размерами 45-47х46-47х5 и 40х40х10 см (Бурякова, 1986. С. 163; Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 119). По центру жарового канала, где его ширина не позволяла ставить кирпичное перекрытие, в 0,9 м от внутристенного дымохода, выстраивались гипокаусты с поворотом в 45° (рис. 13) – специальные кирпичные заслонки, с помощью которых регулировали тягу и управляли жаровым потоком по всему полу помещения. В то же время, создавались «мостики» для перекрытия подпольных ходов. Над перекрытиями накладывалось до 3-4 рядя кирпичей, образующих пол моечных помещений. Однако у соединения жарового канала с внутристенным дымоходом на площади 0,9х0,8 м гипокаусты не обнаружены, а на полу жарового канала выявлено большое количество стенок хумов. Последнее позволяет предположить, что на этом месте на дно ванночки был прикреплен хум, о чем свидетельствуют сохранившиеся следы копоти под ванночкой (на внутренней стороне внешней стены 5 в). Это же позволяет объяснить высотное положение (1 м от уровня пола помещения)ванночки. Подобное конструктивное решение ванночек было отмечено в самаркандской бане[5] у входного портала Шахи-Зинда (рис. 14) и обозначены как резервуар 2 (Насриддинов, 2006. С. 174). Необходимо отметить, что здесь было шесть хумов и находились они на уровне жарового канала вблизи топки, поскольку на них возлагалась функция быстрого разогрева воды.

В основании внутристенного дымохода помещения 5в обнаружена медная монета (рис. 16), покрытая с одной стороны слоем осмолившейся сажи. Последнее указывает на определенный период функционирования бани после последнего ремонта или очистки системы подпольного отопления. Монета датируется 898-901/1492-1496 г.– временем правления Темуридов Султан Ахмада (899/1494) и Султан Махмуда (900/1495).

Вскрытие жарового канала показало, что баня строилась из кирпичей различных форматов – основания стен выложены мелкими разноформатными кирпичами (22-24х10-13х3-4,5 см), а верхняя часть и отдельные стены помещений, в том числе гипокаусты – стандартными крупноформатными (26-28х24-27х5-6 см). Также в строительстве были использованы жженые плитки для вымостки основания бани.

Помещение 6 (рис. 2, 6) размерами 5,3х5,15 м располагалось на центральной оси бани и объединяло проходы во все ее помещения. Для среднеазиатских бань обычным явлением было, как приводилось выше, наличие суфы для массажа под куполом «каттагумбаза». Однако для булгарской бани отмечен фонтанчик, вероятно, с горячей водой, в то время как холодная вода поступала по водопроводам, встроенным в стены некоторых помещений. Отметим, что для среднеазиатских бань характерно было наличие колодца и/или резервуара (внутри бани), а иногда цистерн (примыкавших сзади к помещениям для мытья) с холодной водой, а горячая вода бралась из специальных ванночек или хумов и казанов (Воронина, 1951. С. 120; Насриддинов, 2009. С. 174-175).

При исследовании подачи горячей воды в бани выявлено, что в самаркандской бане у входа в архитектурный комплекс Шахи-Зинда выявлена кубурная линия (размеры кубура: длина 35 см, диаметр входного и выходного отверстий соответственно – 9-10 и 5-6 см), проводившая горячую воду из подогреваемого резервуара Р-1 к центру бани (Насриддинов, 2006. С. 176, рис. на с. 173). Возможно, что в самаркандской бане также как и в Булгарской, функционировал «фонтанчик» с горячей водой, подаваемой по кубурной линии и, который был удобен для моющихся людей во всех помещениях бани.

Помещение 7 (рис. 2, 7) являлось коридором площадью 3х2,3 м, ведущим к ваннам (11, 12, 13, 14, 15, 16) и представлял собой симметричное продолжение помещения 4.

Стены коридора, как и других помещений, сохранились ниже (на 0,6-1,2 м), чем стены помещения 1 и также не раскопаны до пола. Они выложены из мелкоформатных кирпичей (22-24х10-13х3-4,5 см). На восточной стене в 55 см от южного угла сохранились остатки перегородки толщиной в 36 см (рис. 17), но на западной стене коридора они не прослеживаются, возможно, здесь был проем в горячую мыльню (помещение 10). Особый интерес представляет наличие в середине западной стены конструктивной горизонтальной ниши глубиной и высотой 20-22 см, длиной около 2 м (рис. 18) и уходящей в соседнее помещение 9. В нише сохранились остатки водостойкой штукатурки и, вероятно, в ней была установлена кубурная линия для подачи воды из резервуара помещения 9а. Размеры ниши дают возможность предположить, что здесь использовались кубуры соответствующие размерам кубуров из самаркандской бани у Шахи-Зинды.

Помещения 8 и 9 (рис. 2, *8-9*) располагались по восточной и западной сторонам помещения 6. Первое оконтурено полностью, а второе частично, но оба не вскрыты до пола. Эти помещения являлись симметричными и состояли из двух частей – резервуаров для воды размерами 3,1х2,5 м (8а, 9а) и помещений для мытья и массажа – 3,1х3,1 м (8, 9). Стены последних с северной стороны имели углубления-ниши длиной 2,6 м, шириной 30 см и высотой на всю сохранившуюся высоту стены (рис. 2, *8-9*). На северной и южной стенах помещения 8а выявлены остатки перегородки (рис. 19), разделявшей его на две части.

Резервуары, по мнению исследователя, делились тонкими невысокими стенками – «хампа» или «пас-девол» специально на отдельные отсеки для постепенного согревания, так как вода поступала к колодцам медленно, переливаясь через выемки в верхней части перегородок. Вода из резервуара зачерпывалась тазиками через особые окошки, сделанных в стене (Воронина, 1951. С. 122; Рempель, 1962. С. 256). В нашем случае, вероятно, вода подавалась из канала Шохруд, расположенного в 30-40 м южнее. Моечные помещения строились на 2/3 под землей и на дневной поверхности виднелись лишь их купола, что обеспечивало постоянное поступление воды в баню из канала.

На внешней восточной стене помещения 8 обнаружен внутристенный дымоход, позволяющий предположить, что температура воды в резервуарах также поддерживалась теплом от жаровых каналов и внутристенных дымоходов.

Помещение 10 (рис. 2, 10) расположено между коридором 7 и комплексом горячих ванн на южном конце бани. Это помещение обозначено как горячая мыльная – «гарм хана». В плане оно, как и помещение 5, представляет собой продолговатый шестигранник размерами сторон 7х3,5 м. Восточная сторона помещения имела плохую сохранность, как и все остальные помещения южной части бани.

Комплекс резервуаров – «обхона» (рис. 2,*11, 12, 13, 14, 15, 16*), сохранившийся лишь частично (рис. 20) и топка (рис. 2, *17*). За этим комплексом шло хозяйственное помещение 18 с суфами для дров, расположенными по восточной и западной его сторонам. Исследователи отмечают, что пристройка возле топки представляла собой навес для хранения дров (Воронина, 1951. С. 119). В нашем случае эта пристройка, видимо, также являлась навесом, поскольку при раскопках этого участка не были выявлены сколько-нибудь значительные архитектурные остатки, за исключением суф.

В завале строительных материалов с западной внешней стороны комплекса резервуаров обнаружена китайская монета династии Тань 621 г. (рис. 21). Чеканка этих монет на Дальнем Востоке поддерживалась в течении 1200 лет (Быков, 1969. С. 18, 69. Табл. X, рис. 67-68).

При раскопке по всей площади бани было собрано большое количество глазурован-

Рис. 13. Расположение гипокаустов в жаровом канале

Рис. 14. Самаркандская баня XV в. Шахи-Зинды. Резервуар 2 с прикрепленными хумами на дне (Ш. Насриддинов, Н. Алмазова)

Рис. 15. Вымостка основания жарового канала жженными плитками

Рис. 16. Медная монета эпохи Темуридов (898-901/1492-1496 гг.)

Рис. 17. Остатки перегородки на восточной стене помещения 7

Рис. 18. Конструктивная горизонтальная ниша, предположительно для подачи воды по кубурной линии из соседнего помещения 9

Рис. 19. Остатки перегородки резервуара воды в помещении 8а

ной и неглазурованной керамики, облицовочные майоликовые плитки с полосами растительного орнамента, прямоугольные и шестиугольные синие и голубые глазурованные облицовочные плитки (рис. 22), а также мраморные облицовочные плиты светло-серого цветов.

По своим размерам бухарская баня входит в число средних бань Востока, состоящих из пяти видов помещений: раздевальная; предбанник; холодная мыльная; горячая мыльная; массажная (Уралов, 2002. С. 11-12).

Бани «хаммам-мурича» с подпольным обогревом типа «каан» в Центральной Азии появляются в VII-VIII вв. (Мирбабаев, 1986. С. 171; Мец, 1973. С. 311; Филанович и др., 1988. С. 185; Маньковская, 1980. С. 69; Хмельницкий, 1992. С. 282; Уралов, 2002. С. 14). Исследователи, оставившие открытой дату возникновения бани в Средней Азии, также утверждают дату их распространения – IX веком (Бурякова, 1986. С. 162).

Бани домонгольского периода планировочно считаются не сложившимися в отличие от более позднего времени (Хмельницкий, 1992. С. 282). Изучение истории бань Средней Азии позволяет согласиться с мнением этого исследователя, что тип бань с крестообразной планировкой вытеснил все предыдущие (в том числе «линейные») и «распространился в необъятных пространствах» (Хмельницкий, 1992. С. 289). Этот же эволюционный процесс прослежен и в банях Азербайджана (Алиев, 1946. С. 53. Табл. 24, 25). Крестообразная планировка бань в Средней Азии известна с XI в. Подобная баня обнаружена на городище Ахсикет (Ахраров, 1952. С. 53-58). Такую же планировку имели бани Красной и Белой палаты в городе Булгар XIV в. и баня Отрара XIII-XIV вв. (Смирнов, 1951. С. 209-229; Акишев и др., 1987. С. 112-124).

Один из исследователей Булгарского государства подчеркивал, что «в Булгарах, как и всюду на Востоке, был принят один тип бань» – с крестообразной планировкой, но, тем не менее, факты «заставляют искать прототипы их на Кавказе или в Крыму», а не в Хорезме (Смирнов, 1951. С. 224). Эти результаты подтверждены работами другого исследователя, утверждавшего о характерности крестообразной планировки бань для Крыма, Булгарии и Азербайджана (Воронина, 1951. С. 116).

Необходимо также отметить, что связь булгарских бань с Закавказьем и Крымом раннего средневековья прослеживается в применении металлических труб[6] для водопровода (Смирнов, 1951. С. 225-226). То же самое можно сказать и о составе штукатурки, содержавшей значительную примесь толченой керамики. В булгарской бане использовали штукатурку по принципу фресковой росписи – темно-красная краска, положенная на слой сырой штукатурки (Смирнов, 1951. С. 222).

Характерно, что в нескольких местах (помещения 2, 4, 7) бухарской бани зафиксированы остатки штукатурки темно-красного (обожженного) цвета (рис. 8, 18, 23). Последнее позволяет предположить, что основным фоном для стен бани являлся красный цвет, а майоликовыми и монохромными плитками украшались лишь некоторые помещения.

Таким образом, современный уровень изученности данной проблематики позволяет предположить, что бухарская баня, не только аккумулировала в себе достижения зодчих Востока, но и сумела развить многие достижения протяженной эпохи эволюции подобных сооружений. В первую очередь в бухарской бане отчетливо выражена симметричность помещений, а также усложненность крестообразной планировки. Сравнительное изучение материалов позволяет согласиться с мнением других исследователей о происхождении крестообразной планировки бань из кавказско-крымского ареала через Булгарию и Казахстан в Среднюю Азию.

При строительстве бань в средние века учитывались такие важные параметры как

удобство водоснабжения и уменьшение потерь тепла. Все это приводило к тому, что баня состояла из двух частей: 1) надземной – «чохары» – приемная-раздевальня, обычно с каркасными стенами и балочным перекрытием на колоннах; 2) собственно баня, углубленная в землю, с подпольной системой отопление, находившейся еще ниже.

Многокамерность бани была определена необходимостью постепенного перехода от умеренного к горячему, с наличием теплого промежуточного помещения. Объемно-пространственная композиция, формы и пропорции бань диктовали в первую очередь тепловое обеспечение, аэрацию горячих воздушных потоков и тепловой режим в помещениях бани. Для оптимального тепла в бане температура в топочном устройстве должна составлять согласно сезонным периодам, от +150 до +100^{0}С (Шлехт, 1989. С. 32 -34). Результаты раскопок жарового канала в помещении 5в позволяют предположить, что подпольное отопление в бухарской бане использовалось на 3/4 ее площади с южной стороны.

Помещение бани с хаузом по центру и раздельными секциями по кругу, подобно бухарскому, выявлено в Отраре и Ташкенте (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987; Филанович, Алимов, 1988). В Отраре помещение с хаузом (площадью 20 м^2) представлено как место отдыха и место для после банных процедур. Возможно, плохая сохранность стенки хауза – на высоту 30 см позволило заключить авторам, что вокруг хауза была неширокая суфа. Это помещение очень схожее с бухарским и поскольку в плане помещения 9 отрарской бани также просматриваются, сохранившиеся остатки двух перегородок обособленной секции, отходящие от стенки хауза (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 117, рис. 41, 9), то можно утверждать, что они функционально были тождественны друг другу. Характерно наличие водоотводного желоба в стене помещения, соединенного с поглощающим округлым колодцем (диаметром 1 м) за внешней стеной, которое позволило исследователям заключить, что оно не имело подпольного жарового канала и обогревалось посредством дымогарных труб (С. 118-119, рис. 41; 42).

В ташкентской бане (XV-XVI вв.) это помещение имело наилучшую сохранность (Филанович, Алимов, 1988. С.184, рис. 1) и определено авторами как лунги-хона, «где получали набедренную повязку». Под полом этого помещения, как и в отрарской бане зафиксирован плотный грунт, а не отопительная система «каан». В функциональном отношении же помещение являлось конечным пунктом сбора и вывода использованной воды по всей бане – вода по сточной канавке проходила через отверстие внизу стены, попадая в сводчатый тазар, а затем в поглощающий колодец (Филанович, Алимов, 1988. С. 179, 185).

Эта схема также проиллюстрирована и в представленном плане бани, как и в отрарской, где указано наличие водоотводного желоба в стене помещения, соединенного с поглощающим квадратным колодцем за внешней стеной (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 117, рис. 41, III). Однако в отчете данное помещение ташкентской бани отмечено как специальный зал гигиенического назначения – комната интимного туалета с системой стока воды в специальное канализационное устройство (Филанович, Алимов, Грицина, 1984. Л. 35, рис. 39, 4, Т), а не «лунги-хона» как это было сделано в статье. Последнее предположение является более правдоподобным, так как в это помещение посетитель входил в конце всех банных процедур, а набедренная повязка-лунги давалась в раздевальне.

В ранней обобщающей работе об узбекских банях это помещение названо промежуточным (Воронина,1951. С. 119, рис. 2), а в современной – как помещение для индиви-

Рис. 20. Сохранившаяся часть комплекса резервуаров над топкой

Рис. 21. Китайская монета династии Тань 621 г.

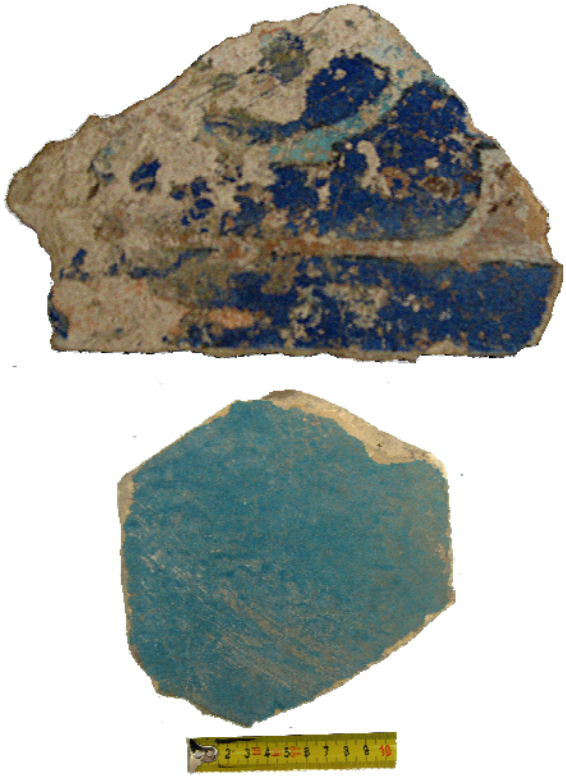

Рис. 22. Майоликовая с полосами растительного орнамента и шестиугольная голубая глазурованная облицовочная плитка

Рис. 23. Сохранившаяся штукатурка темно-красного (обожженного) цвета

дуального туалета – «поки хона» (Уралов, 2002. С. 40-41, рис 26).

Представленный сравнительный анализ позволяет нам заключить, что вскрытое нами помещение 1, также как и «комната отдыха» 9 в отрарской и «лунги-хона» в ташкентской банях, являлось специальным залом гигиенического назначения с секциями для интимного туалета, которое, вероятно, также было снабжено системой стока воды в специальное канализационное устройство, оставшиеся под толщей северной бровки. Необходимо отметить, что в банях система канализации не подразумевала наличия прокладки подпольных керамических труб – кубуров. Использованная вода желобками в полу бани отводилась в каналы и далее в поглощающие колодцы (Воронина, 1951. С. 122). Это также, косвенно, подтверждается тем фактом, что данное помещение являлось последним звеном в общей системе водоотвода банного комплекса.

Выявленные в помещении материалы дают возможность представить его стены облицованными глазурованными (темуридскими) синими плитками, а пол – светло-серым мрамором. Помещение, вероятнее всего, было перекрыто куполом со световыми проемами.

Предварительную датировку бани представляют незначительные по количеству керамические материалы и монеты эпохи Темуридов. Мы не можем включать в эту категорию размеры жженого кирпича, так как исследованные сооружения подобного типа в Средней Азии для различных, иногда близких друг другу хронологически, регионов указывают на использование различных форматов этого строительного материала (Уралов, 2002. С. 50, табл. 4). Более того, в строительстве бухарской бани использовались как малогабаритные, так и жженые кирпичи больших размеров. Хотя последние могут быть использованы в качестве корректирующих косвенных фактов для определения датировок поздних перестроек бани.

Как отмечалось выше, до пола была вскрыта лишь помещение 1, а также до основания – ранняя стена, примыкающая к восточной стене этого помещения. Керамический материал с пола помещения 1 является перемещенным, в основном, относится к периоду заброса бани. В период нивелировки этой местности и последующей закладке кирпичной вымостки, вероятно, под устройство базарной площади у торговых рядов (Ремпель, 1962. С. 232, 238; Сухарева, 1966. С. 50), помещения бани с разобранными куполами[6] были забутованы. Этому способствовало то, что они большей частью располагались намного ниже дневной поверхности. Следовательно, фрагменты керамики, охватывающие период с XVI по XVIII вв. не могут быть датирующими, хотя косвенно указывающие на время окончательной забутовки бани.

Баня возводилась вблизи архитектурных остатков XI-XII вв., с которых, видимо, были заимствованы мелкогабаритные жженые кирпичи для строительства бани, а некоторые стенки более раннего здания использованы в качестве контрфорса. Два фрагмента глазурованных чаш с основания ранней перпендикулярной стены, примыкавшей к восточной стене помещения 1, дает некоторое основание для датировки строительства бани.

Глазурованные полусферические чаши с кольцевым поддоном, слегка расширяющиеся книзу, край венчика прямой и заострен, черепок пористый, желтого цвета[8]. По белому фону нанесен орнамент черной, голубой и синей краской. Изнутри чаши представлены лепестковой розеткой по центру и чередованием растительного и геометрического (косая сетка) орнаментов, включенных в концентрические круги-пояса, выделяющихся двойными горизонтальными линиями. Завершается орнаментация на закраине венчика горизонтальным рядом треугольников острием вниз. Наружный орнамент от-

мечен схематическими арочными мотивами с зеленовато-голубой вертикальной линией по их центру, которые ограничивались по краю венчика двойной горизонтальной линией. Чаши покрыты прозрачной глазурью – полностью по внутренней поверхности, а с внешней – до донца. Сравнительный анализ сосудов с артефактами из других историко-культурных областей Средней Азии показал, что, если орнаментация внутренней части чаши соответствует сосудам Мавераннахра XIV-XV вв. (Golombek, Masson, Bailey, 1996. P. 90-92, fig. 4.9), то наружный мотив характерен для памятников Средней Азии и Южного Казахстана XIII-XIV вв. (Акишев, Байпаков, Ерзакович, 1987. С. 167, рис. 67).

Форма чаш является характерной для сосудов Бухары XV-XVI вв., где отсутствие отгиба закраин венчика является признаком отставания Бухары в развитии форм от ряда ремесленных центров Мавераннахра, таких как Самарканд, Чач, Шахрухия, Эски Туркистон и Ниса (Мирзаахмедов, 2010. С. 260). Отметим, что подобная форма была свойственна сосудам XIII-XIV вв., сохранившим очертание и общие линии профиля XII -XIII вв. (Сайко, 1969. С. 40).

Таким образом, данные сравнительного анализа планировки, использованной штукатурки красного цвета для оформления внутреннего интерьера помещений, а также керамического материала позволяет предварительно датировать начало строительства бани концом XIV – началом XV в. По всей вероятности, строительство бани одновременно результатам победы Амира Темура над Тахтамышханом, с последующим переселением ремесленников и зодчих из Золотой Орды и Закавказья в Самарканд и другие крупные города Маверранахра. Полагаем что, перестройка помещения 1 и, возможно, некоторых других участков бани происходило в первой четверти XV – конце XV в., о которых сигнализируют находки тимуридских монет. Наличие осмолившейся сажи на поверхности темуридской монеты конца XV в. позволяет предположить, что баня достаточно длительное время функционировала после последней очистки системы подпольного отопления. Следовательно, можно определить время разрушения ее, видимо, периодом захвата Бухары Шейбаниханом – кон. XV – нач. XVI в. Однако более точное определение времени возведения и этапов перестроек бани возможно при последующих дополнительных археологических исследованиях этой средневековой бани Бухары.

Примечания

[1] Из-за ограниченности сроков (две недели) инструментальный план не был снят, поэтому представлен приблизительный план бани. Более подробный план будет представлен при следующих исследованиях объекта.

[2] Данные по этим монетам не были предоставлены Бухарским музеем, но так как они являлись артефактами, выявленными с верхних слоев и относились к периодам после разрушения бани, не включены в данную статью.

[3] Монеты очищены М.А. Реутовой и Б.Х. Болиевым, а датировка темуридских монет произведена Л.Ю. Шпеневой. Пользуясь возможностью авторы статьи приносят им свою благодарность.

[4] Подробнее о кубурной линии дается в характеристике помещения 7.

[5] Мы приносим благодарность Ш.Н. Насриддинову за предоставление неопубликованных материалов.

[6] В среднеазиатском регионе металлические трубы заменялись керамическими кубурами.

[7] Кирпичи с рухнувших куполов из помещений, во время раскопок бани, не были обнаружены. Следовательно, они были разобраны в позднем средневековье.

[8] Характеристика черепка аналогична чашам XII-XIV вв. Мерва (Лунина, 1969. С. 136).

Использованная литература:

Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XIV веках. Алма-Ата, 1987.

Алиев М.Г. Баня «Гаджи хамам» // Памятники архитектуры Азербайджана. М. – Баку, 1946.

Анарбоев А.А. Қадим ва ўрта асрларда Ахсикет // Ўзбекистон тарихида қадимги Фарғона. Тошкент, 2001.

Ахраров И. Археологические исследования городища Ахсикет в 1960 г. // ОНУ. 1952. №3.

Бурякова Э.Ю. Раскопки бань на территории средневекового Самарканда // ИМКУ. Вып 20. Ташкент,

1986.

Быков А.А. Монеты Китая. Л., 1969.

Воронина В.Л. Об узбекских банях // СЭ. № 1. 1951.

Калинин Ф.И, Смирнов А.П. Реконструкция Булгарской бани XIV в. // КСИИМК. Вып. XIII. 1946.

Лунина С.Б. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода // ТЮТАКЭ. Т. 14. 1969.

Маньковская Л.Ю. Типологические основы зодчества Средней Азии. Ташкент, 1980.

Мец А. Мусульманский Ренессанс. М., 1973.

Мирбабаев А.К. Хаджентские квартальные бани «мурича» – одна из древнейших традиций среднеазиатской миниатюрной бани // ИИКЛ. Душанбе, 1986.

Мирзаахмедов Д.К. Художественная поливная керамика Бухары эпохи Тимуридов // Цивилизации и культуры Центральной Азии в единстве и многообразии. ММК. Самарканд-Ташкент, 2010.

Насриддинов Ш.Н. Баня XV века у ансамбля Шахи-Зинда // Археологические исследования в Узбекистане 2004-2005 годы. Ташкент, 2006. Вып. 5.

Пугаченкова Г.А. Архитектурные памятники Нисы // Труды ЮТАКЭ. Том I. Ашхабад, 1949.

Ремпель Л.И. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары) // Искусство зодчих Узбекистана. Ташкент, 1962.

Сайко Э.В. Среднеазиатская глазурованная керамика XII-XV вв. Душанбе, 1969.

Смирнов А.П. Волжские Булгары. М., 1951.

Ремпель Л.И. Из истории градостроительства на Востоке (материалы по планировке старой Бухары) // Искусство зодчих Узбекистана. Т., 1962.

Уралов А.С. Бани-хаммам в зодчестве Центральной Азии. Самарканд, 2002.

Филанович М.И., Алимов У., Грицина А.А. Отчет Ташкентского отряда о работах в 1983 году // Архив ИА АН РУз. Ф7, О1, Д. 81.

Филанович М.И., Алимов У. К обнаружению средневековой бани в Ташкенте // ИМКУ. Вып 22. Ташкент, 1988.

Халчаян О.Х. Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). М., 1971.

Хмельницкий С. Между арабами и тюрками. Берлин-Рига, 1992

Шишкина Г.В. Городской квартал VIII—XI вв. // Афрасиаб. Вып. II. 1973.

Шлехт З.П. Возродить народную мудрость // АСУ. № 7. 1989.

Golombek L., Mason R.B., Bailey G. Tamerlane's tableware: A New Approach to Chinoisere Ceramics of Fifteenth and Sixteenth – century Iran. Toronto, Ontario, 1996.

ВНЕМАВЕРАННАХРСКИЕ МЕДНЫЕ МОНЕТЫ В ТЕМУРИДСКИХ КЛАДАХ ИЗ ФЕРГАНЫ И ШАША

© 2012. Л.Ю. Шпенева
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан

При изучении тимуридских кладов северо-восточного Мавераннахра были зафиксированы хорасанские и кашгарские медные монеты. И поскольку все чаще возникают вопросы, связанные с медным чеканом на территории Хорасана, необходимо рассмотреть более конкретно, какие именно внемавераннахрские монеты и в каких количествах попадали на рынки Мавераннахра. Тем более, что предыдущие исследователи при изучении кладов XV - нач. XVI в. с территории Мавераннахра, также отмечали наличие в них привозных монет, но их проникновение и его масштабы фиксировались лишь в общей форме. Обращалось внимание на то, что внемавераннахрская медь в Мавераннахре представлена слабо, а на сотни и тысячи местных монет приходятся единицы и десятки хорасанских и кашгарских (Альхамова, 1949; Бурнашева, 1974). А поскольку их присутствие является немаловажным фактором, необходимо рассмотреть более подробно этот аспект.

Описание типов

Монеты Бадахшана

Тип 1. Бадахшан 868/1463-64 г**.** Рис. 1/1, 2/1.
Л.с. В поле читая сверху вниз **ضرب بدحشان**
И дата цифрами ٨٦٨
О.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом **عدل سلطان**

Тип 2. Бадахшан 875/1470-71 г. Рис. 1/2, 2/2.
Л.с. В квадратном картуше, читая сверху вниз
ضرب دار الاماة بدحشان
Наименование монетного двора с эпитетом, который можно перевести «место пребывание власти». (Орнаментальное обрамление из-за плохой сохранности не восстановлено).
О.с. В поле дата словами.

Монеты Балха

Тип 1. Балх 854/1450 г. Рис.1/3.
Л.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом **بلخ**
О.с. В поле дата словами после **فى التاريخ سنة**

Тип 2. Балх 855/1451 г. Рис.1/4.
Л.с. В квадратном картуше, обрамленном орнаментом в три строки снизу вверх
ضرب دانکی بلد بلخ

О.с. Орнамент.

Тип 9. Герат 893/1487-88 гг. (Тизенгаузен, 1892. С. 256).
Л.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом **ضرب هرة**
О.с. В фигурном картуше **فى تاريخ سنة ٨٩٣**

Тип 10. Герат 895/1489-90 гг. (Тизенгаузен, 1889. С. 81).
Л.с. **ضرب مدينة هراة**.
О.с. **٩٨٥ فى سنة**

Тип 11. Герат 902 /1496-97 гг. (Тизенгаузен, 1892. С. 257).
Л.с. В точечном ободок **ضرب هراة ٩٠٢**
О.с. Орнамент.

Монеты Кабула
Тип 1. Кабул 820/1417-18 гг. Рис. 1/14.
Л.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом снизу вверх дата цифрами **٨٢٠** и **سنة ضرب كا بل**
О.с. Орнамент.

Тип 2. Кабул. Рис. 1/15.
Л.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом **ضرب كابل**
О.с. Надпись сделанная в виде орнамента, состоящая из двух слов подчерком куфи, для которых предложено чтение «данги Кабул».

Монеты Кашгара
Тип 1. Кашгар 858/1454 г. Рис. 1/18,2/10.
Л.с. В крестообразной розетке, образованной двумя сплющенными пересекающимися овалами в четырех лопастях по сторонам размещена надпись **ضرب عدلية فلوس** В центральном квадрате **كاشغار دانكى**
О.с. Дата словами после **فى التاريخ سنة**

Монеты Мерва
Тип 1.Мерв 866/1461-62 гг. Рис.1/16.
Л.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом **مرو ضرب**
О.с. В фигурном картуше в поле дата после **بتاريخ سنة** причем десятки и единицы словами, а сотни цифрами.

Тип 2. Мерв 867/1462-63 гг. (Тизенгаузен, 1889. С. 81).
Л.с. **ضرب بلد مرو**
О.с. Во вписанном в круг квадратном картуше дата словами **سنة ستع و ستين و ثمانماية**

Тип 3. Мерв 874\1469-79 г. Рис. 1/17.
Л.с. В поле сверху вниз **مرو ضرب**
Обрамление из-за плохой сохранности не восстановлено.
О.с. В фигурном картуше дата словами после **سنة**

Тип 4. Мерв 888 /1489-90 г. (Тизенгаузен, 1889. С. 81).
Л.с. **صرب بلد مرو ٨٨٨**

О.с. В поле дата словами после **فى التاريخ سنة**

Тип 3.Балх 860/1455-56 гг. Рис. 1/5.
Л.с. В шестиугольном картуше **ضرب دانکی بلخ**
О.с. В поле дата словами.

Тип. 4. Балх 875/1470-71 гг. Рис 1/6.
Л.с. В квадратном двухлинейном, обрамленном орнаментом картуше (орнамент из-за плохой сохранности воспроизвести не удалось), надпись в три строки сверху вниз **ضرب دانکی بلد بلخ**
О.с. В поле дата словами после **فى التاريخ سنة**

Тип 5. Балх 877/1472 гг. или 879/1474-75 гг. Рис. 1/7, 2/2.
Л.с. В квадратном картуше наименование монетного двора с эпитетом « купол ислама» **قبة الا سلام بلخ**
О.с. в поле дата словами.

Монеты Герата[1]
Тип 1. Герат 798/1395-96 гг. Рис 1/ 8 (Тизенгаузен, 1890. С.309).
Л.с. В фигурном картуше **٧٩٨ فى سنة فى هراة ضرب دار السطانة**
О.с. Орнамент.

Тип 2. Герат 858/1458 г. (Тизенгаузен, 1889. С.81)
Л.с. Наименование монетного двора **هراة**и два нечетких слова по бокам.
О.с. Дата словами.

Тип 3. Герат 863/1458-59, 864/1459-60, 868\1463-64гг. Рис 1/9, 2/4.
Л.с. В круглом картуше, обрамленном орнаментом **هراة** Кругом в шести внешних отсеках картуша **عدلية ضرب فلوس**
О.с. В поле дата словами после **فى التاريخ سنة**

Тип 4. Герат 877/1472-73 или 879/1474-75 гг. Рис 1/10, 2/5.
Л.с. В шестиугольном двухлинейном картуше **هراة ضرب**
О.с. В поле дата словами

Тип 5. Герат 885/1480—81 гг. (Тизенгаузен, 1889. С. 81).
Л.с. **ضرب بلد هراة**
О.с. **فى شهور سنة خمس وثمانين وثمانماية**

Тип 6. Герат 887 /1482-83 г. Рис. 1/12, 2/8 (Тухтиев, 2006)
Л.с. В фигурном картуше, обрамленном орнаментом **هراة**
О.с. В фигурном картуше, обрамленном орнаментом дата цифрами ٧ ٨ ٨ и слово **سنة** между строк.

Тип 7. Герат 888 /1483 г .Рис.1/13,2/9 (Тухтиев, 2006; Тизенгаузен, 1889. С. 81).
Л.с. В фигурном картуше обрамленном орнаментом **ضرب هراة**
О.с. В фигурном картуше снизу вверх **عدل سلطان** и дата цифрами ٨٨٨

Тип 8. Герат без даты. Рис. 1/11.
Л.с. В восьмиугольном картуше, обрамленном орнаментом **هراة**

О.с. Орнамент.

Тип 5. Мерв 899 /1493-94 г. (Давидович, 1979. С. 355).
Л.с. В круглом картуше обрамленном орнаментом ضرب مرو
О.с. Дата словами.

Впервые для XV в. встречены медные датированные монеты Бадахшана. Вообще продукция бадахшанского монетного двора очень редка и немногочисленна, о чем писал еще М.Е. Массон. Для мусульманского периода Бадахшан известен саманидскими дирхемами: первой четверти и конца X в. М.Е. Массоном же разобраны монеты XIII-XIV вв. и упоминается дирхем 807/1404-05 г., чеканенный от имени Бахрам-шаха и единичные серебряные экземпляры середины XVII в., когда Бадахшан в течение двух лет входил в состав империи Великих Моголов (Массон, 1957. С. 22).

У Цамбауэра упоминается бадахшанский чекан Саманидов (293-321 гг.х.), Чагатаидов (694, 747 гг.х.), Темуридов (879 г.х.), если верить синоптическим таблицам, монета 879 г.х. – серебряная (Zambaur 1968, c. 69). Д. Давутовым опубликована медная монета

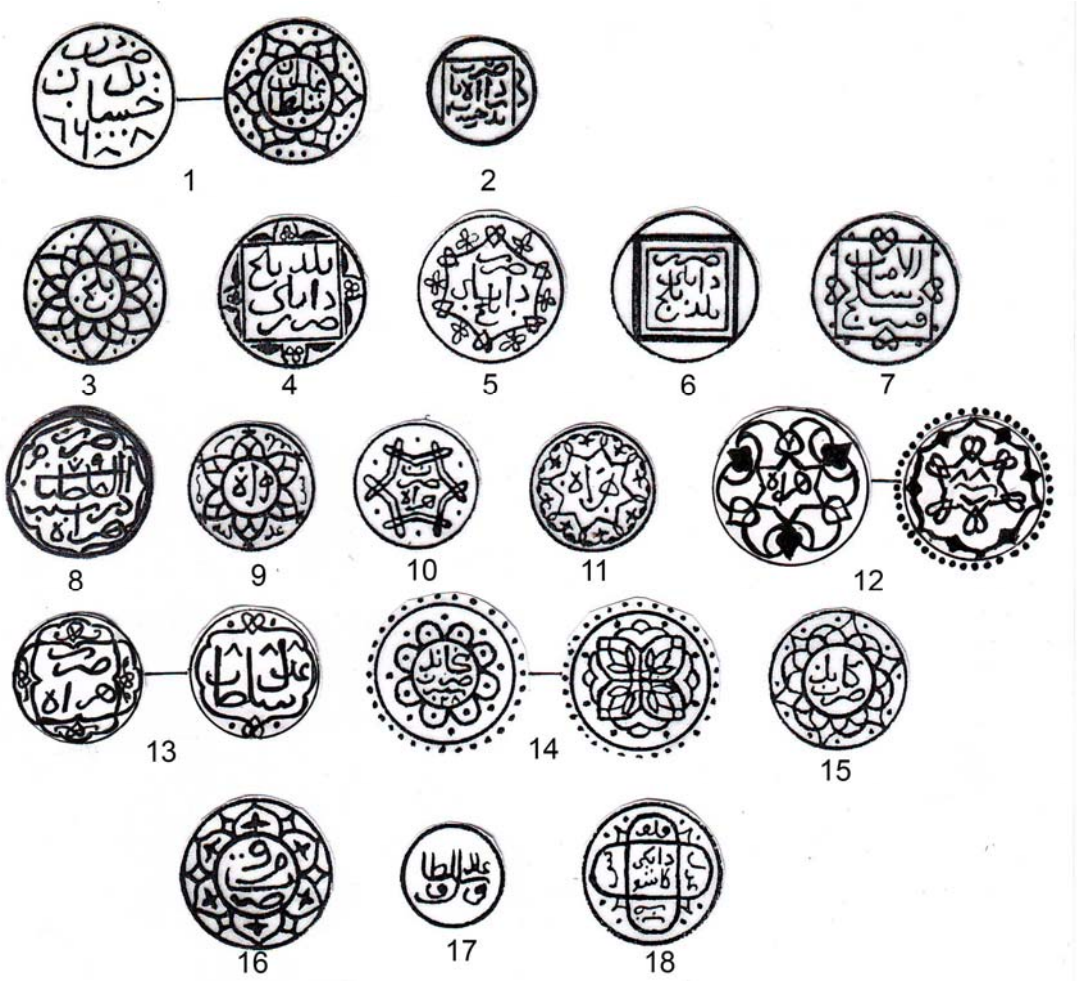

Рис. 1. Реконструкция типов монет.
1. Бадахшан 868 г.х.; 2. Бадахшан 875 г.х.; 3. Балх 854 г.х.; 4. Балх 855 г.х.; 5. Балх 860 г.х.; 6. Балх 875 г.х.; 7. Балх 877 или 879 г.х.; 8. Герат 798 г.х.; 9. Герат 863, 864, 868 гг.х; 10. Герат 877 г.х.; 11. Герат (без даты); 12. Герат 887 г.х.; 13. Герат 888 г.х.; 14. Кабул 820 г.х.; 15. Кабул (без даты); 16. Мерв 866 г.х.; 17. Мерв 874 г.х.; 18. Кашгар 858 г.х.

Рис. 2. Фотографии монет (увеличено).
1. Бадахшан 868 г.х.; 2. Бадахшан 875 г.х.; 3. Балх 877 г.х.; 4. Герат 863 г.х;
5. Герат 877 г.х.; 6. Герат (без даты); 7. Герат 877 г.х.; 8. Герат 887 г.х.;
9. Герат 888 г.х.; 10. Кашгар 858 г.х.

Бадахшана, которая предположительно отнесена им к концу XV или началу XVI в. (Давутов, 1987. С. 169).

Монета Бадахшана 868/1468-69 г. типа 1 (рис. 3/9) относится к периоду правления Абу Бекра, сына Абу Саида. Последний незадолго до того присоединил данную территорию к державе Темуридов, отстранил от власти Султан-Мухаммеда представителя бадахшанской династии, производившей себя от Александра Македонского. Вскоре после этого сын Султан-Мухаммеда изгнал из Бадахшана Абу Бекра и Бадахшан пришлось завоевывать снова. В результате Абу Саид приказал в 871/1466-67 г. убить всех представителей династии (Бартольд, 1965. С. 345).

Монета второго типа 875/1470-71 г., у которой наименование монетного двора с эпитетом دار الامارة «местопребывание власти» также относится к правлению Абу Бекра.

Из всех представленных монетных дворов количественное преобладание приходится на монеты Балха. Пять типов на 32 экземпляра - это свидетельство довольно интенсивной работы балхского монетного двора. По одной монете Балха 855/1451 и 875/1470 -71 г. имеют чечевицеобразный надчекан с надписью "нимданги Балх" типа 3 1 гр. 2 разр. Балх - это новый монетный двор для надчеканов этого типа. Их фиксация на монетах 870-х гг. в указанных выше кладах, позволяет исключить эти надчеканы из числа мероприятий, относящихся к реформе Улугбека, к которым ранее они предположительно относились (Давидович, 1983. С. 121- 122).

Тринадцать монет Балха 860/1455-56 г. из двух кладов перечеканены в 861/1456-57 г. на монетном дворе Урду. Монеты Балха этого типа встречены в рассматриваемых кладах практически только в перечеканенном виде (лишь один экземпляр не перебит). Рис. 3/6. Пока этот факт не находит разумного объяснения. Единственное, что можно отметить, так это то, что они чеканены к концу правления в Хорасане Абу-л Касима Бабура (854-861/1449-1457 гг.), а перечеканены, скорее всего, на территории северо-восточного Мавераннахра, находящегося под властью Абу Саида. Так вот, если предположить, что по каким-то политическим мотивам монеты Балха 860 г.х. были запрещены для хождения в Мавераннахре и перечеканены в Урду в 861 г., тогда не понятно, почему такая же участь не постигла более ранние выпуски Балха.

К периоду правления Султана Хусейна в Хорасане (873-912/1468- 1507 гг.) относятся два следующих типа монет Балха - 4 и 5 (рис. 3/7-8). На монетах типа 5 наименование монетного двора дается вместе с довольно распространенным эпитетом Балха قبة الا سلام «купол ислама». Такое же сочетание есть на сельджукских золотых монетах 465/1072-73 (Ходжаниязов, 1979. С. 122). Оно встречается также и в письменных источниках. Абдурразак Самарканди упоминает Балх с этим эпитетом (Абдуразак Самарканди, 1900. С. 165).

Из всех представленных монетных дворов типовое преобладание приходится на монеты Герата. В результате привлечения данных других исследователей получилось 10 типов, но не для всех удалось сделать графическую реконструкцию. Сложился следующий хронологический ряд 798, 858, 863, 864, 868, 877, 885, 887, 888, 893, 895 и 902 гг.х.

Монета типа 1 Герата 798/1395-96 г.х. относится к периоду окончательного завоевания Ирана Тимуром. Вернувшись в Самарканд в 1396, он назначает правителем Хорасана в Герат Шахруха, который до своей смерти (1446-1447 г.) заботился о процветании и благополучии Герата.

Монета 858 г.х. относится ко времени правления в Герате Абдулкасима Бабура, после смерти которого в 863 г.х., Абу Саид вновь объединил Мавераннахр и Хорасан.

Выпуски 863, 864 и 868 гг.х. типа 3 Герата повторяют бухарскую серию 832/1428-29 г. и чеканены Абу Са'идом. Они также однотипны с ранее известными монетами Буха-

ры 863 х.г. Новый чекан в 863 в Бухаре и Герате, очевидно, связан с важным политическим событием в жизни государства - объединением этих территорий. А однотипность бухарских и гератских динаров выражает стремление к равному общегосударственному обращению медных монет.

Все остальные типы монет Герата относятся к периоду правления Султана Хусейна.

В кладах встречены также и крайне редкие монеты Кабула. В Эрмитаже есть экземпляр Кабула 851/1447-48 г., на оборотной стороне испорченная надпись куфическим почерком.[2] У Митчинера упоминается монета Кабула 876/1471-72 г. (Mitchiner, 1977), надчеканы Кабула есть на шейбанидских серебряных монетах второй половины XVI в. Известен также чекан Кабула периода правления Великих Моголов (Давидович, 1992. С. 400).

Монета Кабула 820/1417-18 г. (рис. 3/11) относится к периоду верховного правления Шахруха, когда Кабул вместе с Кандагаром Газной в качестве удельного владения принадлежал Кайду Бахадуру сыну Мирза Джехангира. Пока это наиболее ранний выпуск кабульского монетного двора. Кайду Бахадур стремился к независимой от центральной власти политике. Абдурраззак Самарканди пишет, что он даже выдвинул Шахруху требование о разрешении ему чеканить от своего имени серебряную монету и упоминать его в хутбе. За что и был впоследствии лишен Шахрухом своего удела (Абдуразак Самарканди, 1969. С. 253).

Второй тип кабульских монет датировать трудно, т.к. надписи на лицевой и оборотной стороне не содержат даты. На нашем экземпляре из клада № 3 оборотная сторона попорчена надчеканом, видно только, что надпись выполнена куфическим письмом.

Таблица 1. Монеты Хорасана и Восточного Туркестана в кладах их Ферганы и Шаша

Монетный двор	№ типа	Год хиджры	Кол-во монет
Бадахшан	1	868	1
,,	2	875	1
Балх	1	854	2
,,	2	855	2
,,	3	860	14
,,	4	875	5
,,	5	877	4
,,	-	стерт	4
Герат	3	863	5
,,	3	864	7
,,	3	868	1
,,	3	стерт	11
,,	4	877-9?	1
,,	4	87.	4
Кабул	1	820	1
,,	1	-	1
Кашгар	1	858	46
,,	1	85.	12
Мерв	1	866	1
,,	1	стерт	2
,,	3	874	1

Таблица 2. Хорасанские и Восточно Туркестанские монеты в кладах из Таджикистана, центрального Мавераннахра, Ферганы и Шаша.

Этап	Регион	Кол-во кладов	В том числе		Чужие монеты	
			с чужими монетами	без них	монетный двор	кол-во
3	Центральный Мавераннахр	9	3	6	Балх Герат Кабул	5 1 1
3	Таджикистан	6	1	5	Балх	1
3	Фергана	13	3	10	Бадахшан Балх Герат Кашгар Мерв	3 3 8 46 3
3	Шаш	8	4	4	Балх Герат Мерв Кабул	13 15 1 1
4	Центральный Мавераннахр	2	2	2	Балх	1
4	Таджикистан	5	1	4	Балх Кашгар	4 1
4	Фергана	4	-	4		
4	Шаш	3	-	3		

Еще одна монета этого же типа обнаружена в кладе, найденном на площади Регистан в Самарканде в 1969 г.[3] На ней оборотная сторона сохранилась несколько лучше, видно, что надпись состоит из двух слов (верхнее полустерто), для которых может быть предложено чтение - "данги Кабул" ? (рис. 3/12).

В трех кладах зафиксированы монеты Кашгара. Все они однотипны, пока для них известна одна дата 858/1458 г. В центральном квадрате надпись "данги Кашгар", т.е. они являются основным медным номиналом. В этих же кладах были выявлены также и надчеканы в квадратном картуше с надписью "нимданги Кашгар", которые давали кашгарскому рынку половинный номинал. Причем надчеканены в основном "чужие" монеты - серии 832 г.х. И монеты и надчеканы относятся к двадцатилетнему периоду правления в Восточном Туркестане Сейида Али, которое расценивается Мухаммадом Хайдаром как обеспечивавшее процветание страны. Сейид Али с 839/1435-36 г, сумел навсегда отвоевать у Улугбека Кашгар (Мухамад Хайдар, 1969). Часть экземпляров Кашгара перечеканена из монет Бухары 832 г.х. На это обстоятельство в свое время обратил внимание М.Е. Массон (Массон, 1960. С. 123). Но это вполне закономерно, поскольку Восточный Туркестан несколько десятков лет входил в состав государства Темуридов и, естественно, был подчинен единой общегосударственной монетной политике, проводимой Улугбеком в Мавераннахре. И поэтому частично для выпуска своей монеты в Кашгаре были использованы скопившиеся где-то в казне экземпляры серии 832 г.х.

Выпуски Мерва представлены четырьмя типами, два из которых зафиксированы в кладах из северо-восточного Мавераннахра, два других привлечены из работ других исследователей, так же как и для монет Герата, и для них не удалось сделать графиче-

ские реконструкции. Монеты Мерва имеют следующие даты 866, 867, 874 и 888 гг.х. Два первых типа относятся к периоду правления Абу Саида. После смерти последнего его дети отказались от претензий на Хорасан и правили в пределах Мавераннахра. И два последних относятся к периоду правления в Хорасане Султана Хусейна.

Клады из северо-восточного Мавераннахра, имеющие в своем составе рассмотренные выше монеты, относятся к третьему этапу денежного обращения периодизации Давидович Е.А., хронологические рамки, которого с начала 50-х годов до начала 90-х годов XV в.

Проведенный сравнительный анализ составов кладов из Мавераннахра и Таджикистана показал, что хорасанские и восточно-туркестанские монеты проникали больше на территорию северо-восточного Мавераннахра на третьем этапе. И здесь они составляли, в сущности ничтожную долю общей монетной массы. Так из изученных нами 7154 медных монет в составе шашских кладов, внемавераннахрских 64 экземпляра. Для Ферганы соответствующие цифры 3419 и 58.

Давидович отметила, что медь обеспечивала внутреннюю, межобластную и отчасти межрегиональную торговлю (Давидович, 1983). "Чужие" монеты, особенно надчеканенные, показывают, что в определенной степени, пусть очень небольшой, медные монеты принимали участие даже в межгосударственном обращении.

Сноски

[1] При описании типов монет Герата и Мерва были использованы данные других исследователей.
[2] Инвентарный № 3 1 0 9 4 .
[3] Клад хранится в Самаркандском музее КП 3419, обработан Е.А.Давидович, не опубликован.

Использованная литература:

Абдуразак Самарканди. Матлай саъдайи ва матмай бахрайн. Ташкент, 1969.
Альхамова З.А. Зарегистрированные монетные находки в Южном Туркменистане // Материалы Южно-Туркменистанской археологической экспедиции. Ашхабад, 1949. Вып.1.
Бартольд В.В. Бадахшан. Статьи из энциклопедии ислама // Собрание сочинений в IX т. М., 1965. Т.3.
Бурнашева Р.З. Материалы с городища Отрар-тобе за 1969-70 гг. // Археологические исследования в Казахстане. Алма-Ата, 1974.
Давутов Д. Первая тимуридская медная монета чекана города Бадахшана // Актуальные вопросы гуманитарных наук на современном этапе. Душанбе, 1987.
Давутов Д. Монетные клады Таджикистана. Душанбе, 2009.
Давидович Е.А. История денежного обращения средневековой Средней Азии. М., 1983.
Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет Таджикистана. М., 1979.
Давидович Е.А. Корпус золотых и серебряных монет Шейбанидов. М., 1992.
Массон М.Е. Исторический этюд по нумизматике Джагатаидов // Труды САГУ. Археология Средней Азии. Ташкент, 1957. Вып. IV.
Массон М.Е. Клад медных монет из Оша // Эпиграфика востока. М.-Л., 1960, Вып. XIII.
Мухамад Хайдар. Тарих-и Рашиди// Материалы по истории казахских ханств XV-XVII вв. Алма-Ата, 1969.
Настич В.Н. Каталог монет с городища Отрар Тобе // Акишев К.А., Байпаков К.М., Ерзакович Л.Б. Отрар в XIII-XV вв. Алма-Ата 1987.
Тизенгаузен В.Г. Новое собрание восточных монет А.В. Комарова // Записки восточного отделения императорского русского археологического общества. СП-б., 1889. Т. №3.
Тизенгаузен В.Г. Восточные монеты Линевича. СП-б., 1890. Т.4.
Тизенгаузен В.Г. Нумизматические новинки. СП-б., 1892. Т.6.
Тухтиев И. Амир Темур ва темурийларнинг молия-пул сиесати. Ташкент, 2006.
Ходжаниязов Т. Каталог монет с городища Великих Сельджукидов. Ашхабад, 1979.
Mitchiner M. Oriental Coins and their values // The World of Islam. L., 1977.
Zambaur E. Die Munzpragunden des Islams // Wiesbaden. 1969.

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

MOUNTING QARAKHANID WALL PAINTINGS FROM SAMARKAND ON ALUMINIUM: A NEW METHOD OF RESTORATION

© 2012. M.A. Reutova, G. Fray
Institute of Archaeology of Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan,
Centre Nationale de Recherches Scientifique (France)

Qarakhanid wall paintings have been unearthed from 2000 to 2004 by Yury Karev, member of the French-Uzbek archaeological mission in Sogdiana (MAFOUZ-Sogdiane)[1], on the Afrasiab site which is the location of ancient Samarkand before the Mongol invasion. They come from a palace in the lower terrace of the northeastern part, considered as the administrative centre of the old city, but since 90's we know that this part of the terrace was also a zone of palaces where structures dating from the eigh to the thirtheenth century have been brought to light (Karev, 2003. p.1687; Karev, 2005. p. 49)[2].

The excavation lead by Yury Karev on this lower terrace led to the discovery of an important pavilion. More than 600 fragment of wall paintings were found in the destruction layer of this twelfth century building (Karev, 2005. p.50)[3].

The fieldwork on the wall paintings was carried out in collaboration with the restorers of the Institute of archaeology of Samarkand, and after excavation the fragments were progressively transferred to the Institute for restoration.

The Qarakhanid pavilion

The pavilion comprises four iwans opening into a square courtyard, 6x6 m ; the gallery of each iwan being three meter wide. The overall size of the pavillion is 12x12 m (Karev, 2003. p. 1690; Karev, 2005. p.50). (Fig. 1 : plan of the pavilion. Fig 2 : general view of the pavilion) The architectural construction is relatively weak, with thin mud bricks, framed by pieces of wood reinforcing the structure of the walls which were more than four meter high.

The eastern wall included a podium which can be a niche looking into the courtyard. It could be the place of honor for the prince. Ancillary rooms such as kitchen and baths where found around the pavilion, which indicates the private character of the complex despite the rich decoration painted on the walls (Karev, 2003. p. 1691; Karev, 2005. p. 52).

Several pavilions were found in this area but only one was decorated with paintings.

Archaeological context of the paintings.

The cleaning and lifting of paintings in the excavation were carried out by the restorer of the Institute of Archaeology of Samarkand: J. Soukasjan and V. Rusanov, under the direction of M. Reutova, director of the laboratory.

The peintings were found as fragments lying on the ground because of the destruction of pavilion, which was probably razed. In some areas they were very densely crushed (Fig 3: example of a zone of very densely crushed fragments in the field), but in other areas some large fragments had fallen entirely face down of the wall and their original situation

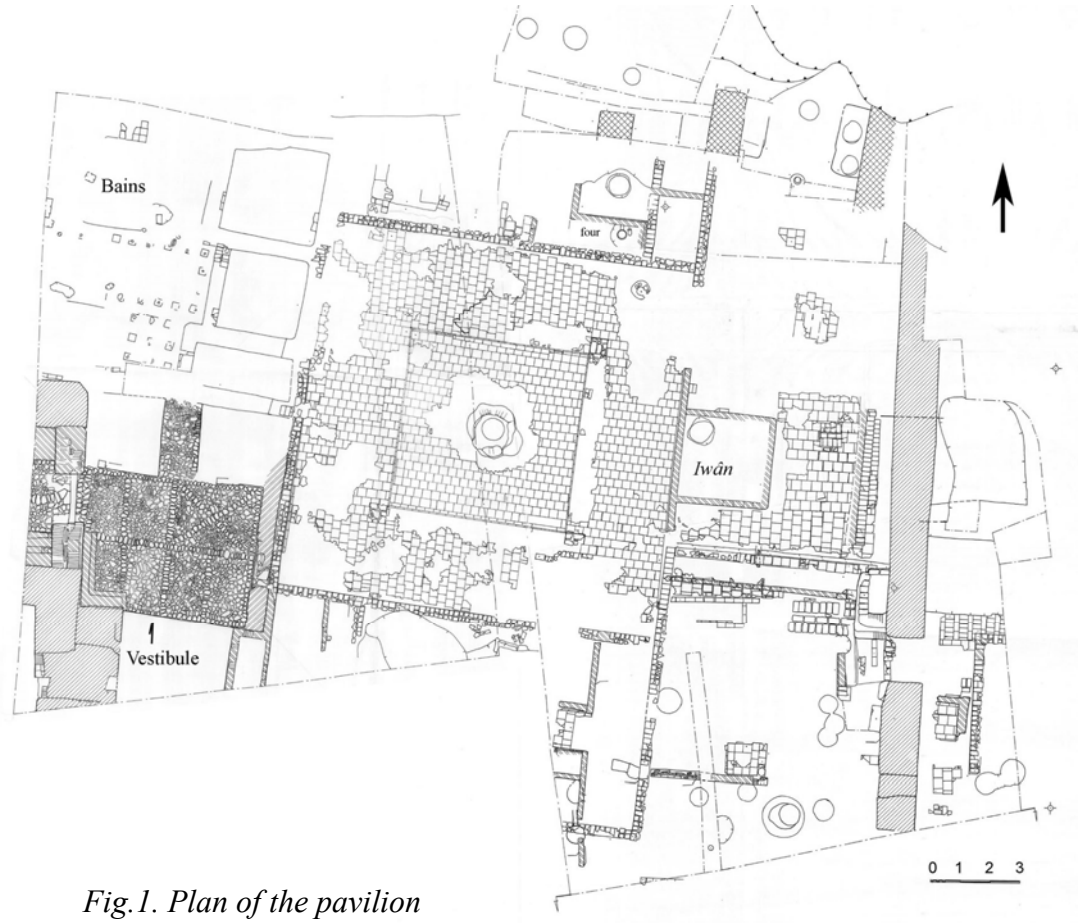

Fig.1. Plan of the pavilion

Fig.2. General view of the pavilion

Fig.3. Situation of crushed fragments in the field

was more easily understandable[4].

It seems that each wall was divided into several horizontal registers including important figurative scenes such as a Turkic warrior on the eastern wall or a throne scene with the sovereign sitting on a throne. The different register were formed by decorative elements such as figurative scenes with animal processions, hunting or banqueting scenes with dancers (Fig 4. animal procession with a wolf and decorative elements). Other registers are decorated with Arabic and Persian inscriptions wich were important for their meaning as well as for their esthetic value. The overall program should be considered in relation with the sovereign power as most of the scene are related to court life.

The dating of the wall paintings rests on ceramic and numismatic material characteristic of the second half of the twelfth century. They did not remain for a long time on the walls because the building was destroyed just before 1220 when the citadel was reinforced in fear of the approaching Mongols (Karev, 2005. p. 69-70 and p.81).

Painting technique

The paintings, as usual in Central Asian, were executed on a mud layer about two centimeters covered by a thin plaster layer on which the colours were applied (Fig 5 stratigraphy of the wall covered by wall painting and Fig 6: stratigraphy of the wall paintings). The mud plaster was made of clayish alluvium, mainly biotite, with an addition of chopped straw about 1 to 4 mm thick, representing about 20–25% of the mud plaster. This mud is covered by a thin layer of pure plaster (ganch) from 1 to 2 mm[5] on which colours were applied, composed of pigments agglomerated with a vegetal binder, probably tree gum or arabic gum[6]. The various pigments were analysed and revealed a wide palette composed of gypsum (white), black carbon (black), lazurite (blue), cinaber and red ochre (red), yellow ochre (yellow). Different hues were obtained by mixing various pigments,

but as happens frequently in Central Asian paintings the green is absent[7]. Some fragments include details executed with gold foil applied on a oil layer mixed with lead as siccative agent[8].

In some places the first layer of painting is covered by a second layer of plaster, partly repainted with non figuratives images. This covering might have been a response to a partial degradation of the painting exposed to rain and wind, but one can also suggest an intentional change of iconography, maybe after a clash between sovereigns. This interpretation is reinforced by the intentionally damaged figure as the sovereign on the throne scene (Karev, 2003, p.1695-1696).

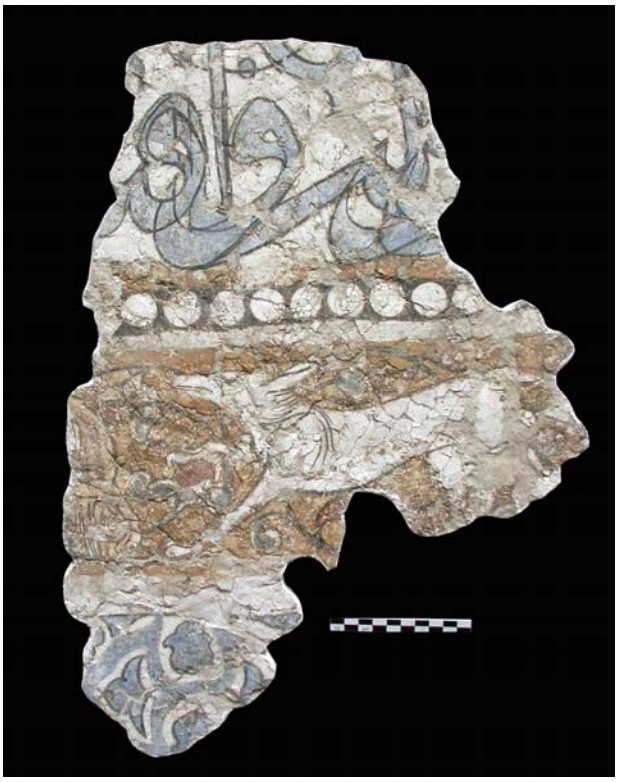

Fig.4. Loup

The style of painting is quite realistic, the volumes being suggested by a technique of colour gradation with light or dark lines, despite all motif are surrounded by a black line contour (Fig 7. detail of a decorative elements with rendering of the volume). Only exposed body parts such as hand or head are surrounded with red lines.

Most of the composition was painted without a preparatory drawing, which indicates the high skills of the painter. Some motifs such as human figures were maybe first drawn with a more dilute black contour, while a composition with a wide arch present some incisions executed with compasses (Fig 8. decorative detail draw with two circles executed by a compass).

Restoration of the painting

After being excavated, the fragments were progressively transferred to the Institute of

Fig.5. Stratigraphy of the wall covered by wall paintings

Fig.6. Stratigraphy of the wall paintings

Archaeology of Samarkand where they are currently being restored under the direction of M. Reutova with the participation of J. Soukasjan, G. Akhatova and G. Pulatova. As usually in Central Asia the restoration method used in Samarkand comes from the Hermitage technique based on the use of an acrylic polymer: polybutyl métacrylate (PBMA) (Cheinina, 2002; Bliakher et Fominykh, 2007). This technique was developped first in Pendjikent (Tadjikistan) in the 40's – early 50's by P.I. Kostrov, chief conservator of the Hermitage, and is now widely used in Central Asia.

Fig.7. Detail of a decorative elements with rendered of the volume

Vera Fominykh, restorer at the Hermitage, came in 2003 especially to update the training of the Samarkand restorers and to improve this technique.

In the field

This method is first applied in the field. After cleaning, fragments are consolidated with a solution of PBMA with increasing percentage and then reinforced with a gauze applied with a more concentrated solution of PBMA diluted at 20% in acetone. According to the situation of the fragments in the field, the face or the back are treated. If the fragment is face down, the mud layer on the back is removed until the plaster is reached to keep just the ganch. In most cases this mud layer cannot be preserved because of the important deformations of the fragments.

Fig.8. Decorative detail draw with 2 compasses circle

In the laboratory

In the laboratory, the first process is the removal of the soiling on the fragments, which is of course more easy for fragments found face down because in this case the painting is not covered by gauze. The process of cleaning is long and delicate, implying mechanical tools (scalpel or peak). In some cases it is necessary to take away the second white layer of plaster and in some other cases the two layers can be completely separated, conserving both. After cleaning the face, the painting is consolidated with the PBMA solution and then a mastic of loess mixed with chalk bound with PBMA is applied on the back. In case of important deformation of the fragments they are levelled at this stage.

For fragments found face up, the back is first cleaned in order to remove the mud until the plaster layer is reached, then they are consolidated by the back, reinforced with a gauze. Then the mastic of loess and clay bound with PBMA is applied to the back in order to allow to take away the gauze on the face. The excess of polymer is then cleaned from the face.

In both cases, gaps are fillep up with the same mastic used on the back, but with more chalk to light the colour.

Mounting the fragments on a new support

Traditionally, fragments of wall paintings are mounted on a polystyrene support on which they are fixed with PVA, an acrylic emulsion in water (Fig 9 : Fragment mounted on a polystyrene support). This kind of material presents the advantage of being very light, but its conservation is not very good in the long term and it creates difficulties for hanging up fragments in museums. The Afrasiab painting of the Sogdian period known as the «Ambassador' Painting», exhibited in the Afrasiab Museum, is an example of this kind of presentation carried out in the early 80's and now creating many conservation problems because of the degradation of the polystyrene and the assembling of numerous pieces on a wooden frame.

Since the first mission of Géraldine Fray in 2008 in collaboration with the French-Uzbek expedition, we decided to develop another method for mounting the Qarakhanid

paintings, using aluminium sheets made of honeycomb panels of aluminium covered by two layers of glass fiber and epoxyde on both side. In our case, because of the small weight of the painting, we decided to use 13 mm thick aluminium. This kind of support has been widely used for mounting wall paintings since the 70's and 80's in Europe (Brajer, 1999). Nowadays some Central Asian wall paintings are mounted on aluminium (Kim et Kang, 2007). It present the advantages of being very strong, light and not liable to putrefaction. Moreover, it is possible to assemble different sheets and a hanging system can easily be fixed at the back.

Fig. 9. Fragment mounted on a polystyrene support

In consideration of the different states of conservation of the wall paintings fragments, we decided to use two different methods. Important complete scenes are mounted on a big sheet which allows a whole restitution of the scene (Fig 10: example of a big composition: medallion with birds mounted on a single sheet of aluminium). As the aluminium sheets are cut out in order to receive them, they need to be assembled to reach the good dimension. The assembling is achieved by taking away the honeycomb aluminium and keeping one layer of fiber glass on one side and taking away just one layer of fiber glass on the other side by (Fig 11: assembling aluminium sheets). Then they are assembled and glued with epoxyde glue[9] and for high dimension sheets, the assemblage is reinforced with fiber glass material applied with the same epoxyde glue. For very large scene such as the throne scene or the Turkic warrior, the panel is reinforced with a metallic structure on the back, or with metallic corners fixed with bolts, the female bolt being inserted in the aluminium (Fig 12: reinforcing the back of the aluminium support).

Before gluing the fragments a hanging system is fixed on the back with a female bolt inserted in the aluminium and fixed with epoxyde (Fig 13: hanging system).

For small independent fragments, the aluminium is cut in strict accordance with the outline of the fragments (Fig 14: aluminium cut according to the outline of small independent fragments). As for the large scene, hanging systems are inserted on the back before gluing the fragments. Female bolts are fixed around the contour, enabling to fix the fragment for a provisional presentation on wood or other material.

In case of architectural fragments including a corner, the aluminium can be formed with an angle obtained by cutting half of the sheet which is then maintained in this position with epoxyde glue reinforced with fiber glass tissue (Fig 15: preparation of the aluminium for an architectural fragment).

After the preparation of the support, fragments are glued on the aluminium with plugs

Fig. 10. Example of a big composition - medallion with birds

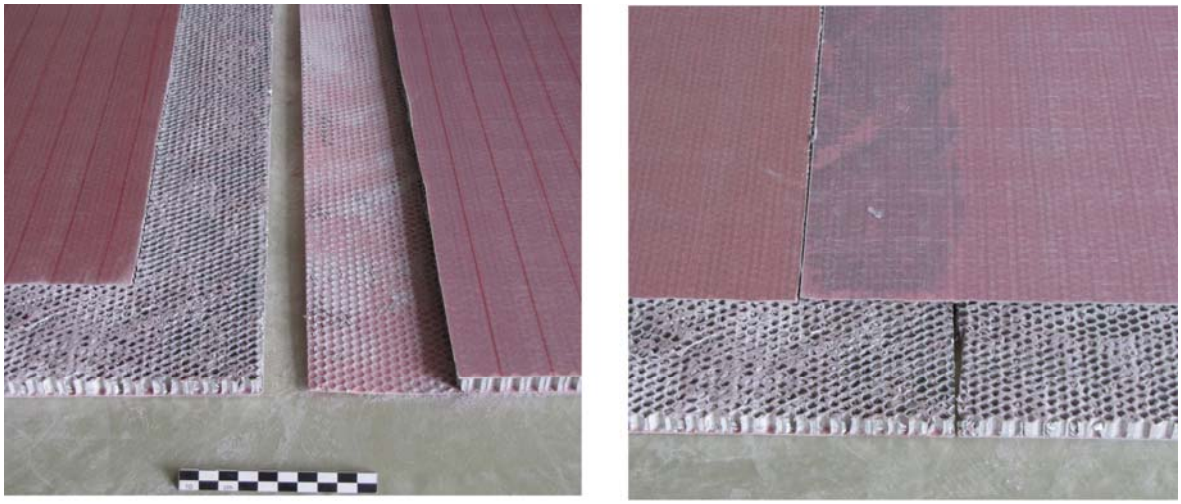

Fig.11. Assembling aluminium sheets

of epoxyde glue, which facilitates the reversibility of the mounting (Fig 16: gluing fragments on the aluminium). For the large scenes, gaps between fragments are filled up with mastic prepared with chalk and loess binded with acrylic emulsion Acril 33 diluted at 50% in water. Nylon fiber are added to the mixture to avoid shrinkage during drying. This aqueous mastic is used at this stage because of its highest facilities to apply on big surface. To be sure to obtain a good adherence between mastic and aluminium, small holes are preliminary drilled on the aluminium in order to increase the adherence. The level of the mastic is kept 2 mm under the original surface to improve wall paintings. The same

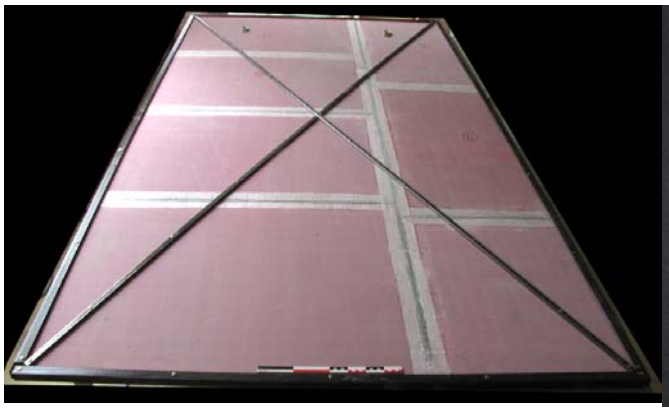

Fig.12. Reinforcing back of the aluminium

Fig.13. Hanging system

Fig.14. Aluminum cut according to contour of small independent fragments

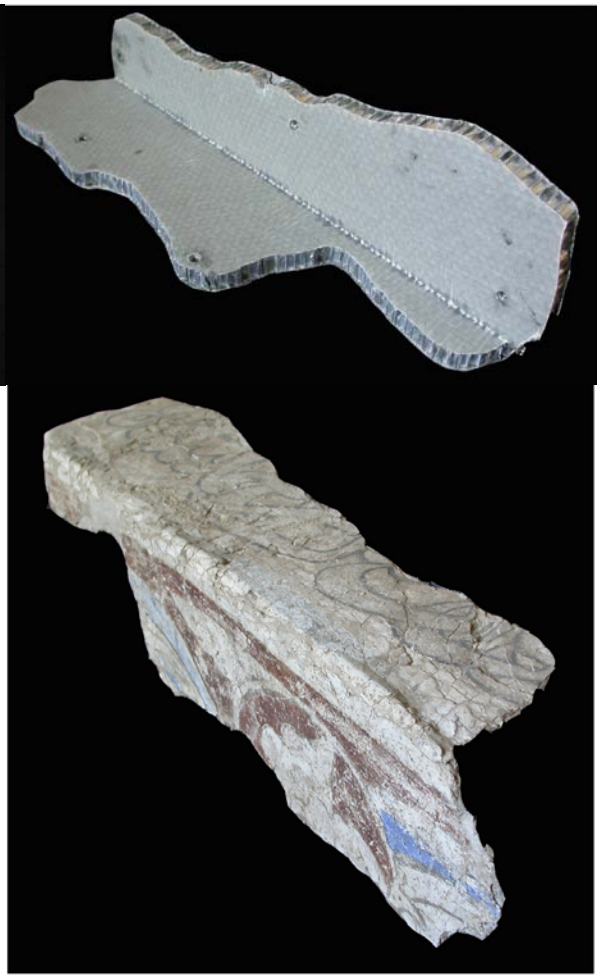

Fig.15. Preparation of the aluminum sheet for an architectural fragment

mastics are applied on the edges of each fragment.

In the case of small independent fragments which can be assembled but for which we cannot be sure of the position, we opted for a reversible presentation directly on the aluminium or on an independent wood panel. The emplacement of each fragments is cutting out of the wood panel and fragments are inserted in each hole and maintained at the back with metallic fixation (Fig 17: petit médaillon en cours). This methods allows to dismount the presentation and the wood can be used because it is not in direct contact with the fragments and it enables to economize the aluminium.

This method of mounting the fragments is applied since 2008 and it has been used for an important number of fragments. Mounted fragments are now more stable and can be shown vertically. Some are exposed in the Institute Museum, others in the current exhibition ar Afrasiab Museum.

Fig.16. Gluing fragments on the aluminum

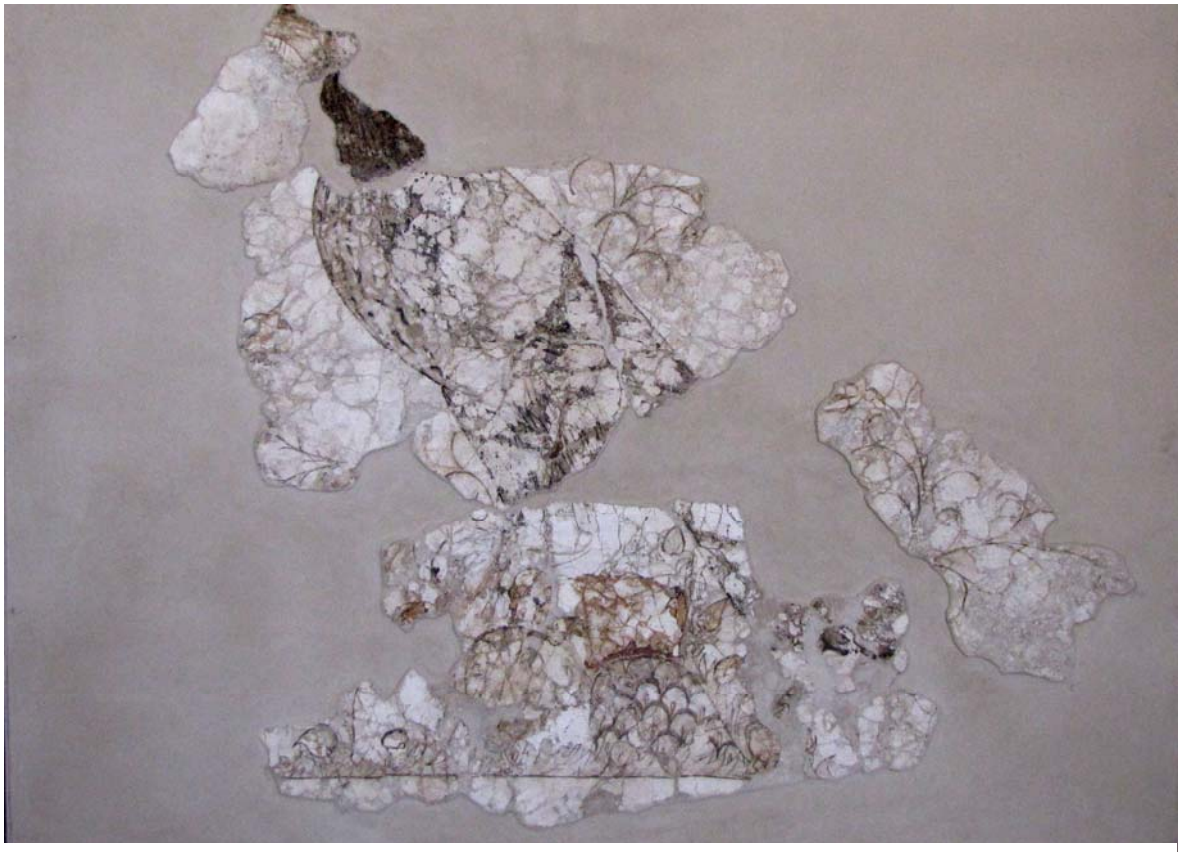

Fig.17. Eagle

Notes

[1] The French-Uzbek archaeological mission in codirected by Frantz Grenet (ENS-CNRS) and Marina Reutova (wall painting restorer of the Institute of Archaeology of Samarkand).

[2] The presence of the palace on the lower terrasse was detected in 1989-1991 by excavations of the French-Uzbek Mission.

[3] The twelfth century pavilion is itself built on the remains of an early Abbasid palace which had been destroyed in the tenth century.

[4] See the location plan of the fragments (Karev, 2003. p. 1694). The Turkic warrior is the best example of fragments having fallen entirely off the wall as one bloc divided in few fragment still well positionned.

[5] Petrographic analysis realised by Arnaud Coutelas, Arkemine laboratory in June 2009 (unpublished).

[6] The last analysis conducted by Emilie Checroun and Géraldine Fray in November 2011 at the European Synchrotron of Grenoble (ESRF) could not determine exactly the nature of the binder beacause of its high degradation but some spectre as glucose or sachharose validated the hypothese of tree gum or arabic gum (unpublished).

[7] Pigment analysis by Odile Cristini, Spectrochimie and Infrered Raman Laboratory, UMR 8516 CNRS-USTL, 2008 and 2009 (unpublished).

[8] Analysis realised at the ESRF could determine the mixing under gold details.

[9] Araldite 2012, high viscosity epoxyde glue.

BIBLIOGRAPHY

Birstein V. On the Technology of Central Asia Wall Painting : the problem of binding media // Studies in Conservation. Vol.XX, n°1, février 1975.

Bliakher Adelia, Forminykh Vera. Conservation and restoration of monumental painting from archaeological excavations, Mural Paintings of the Silk Road : Cultural Exchanges Between East and West, Proceedings of the 29th Annual International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property, National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo, (January 2006), 2007, p. 152–156.

Brajer Isabelle. Pressure, heat and humidity treatments for detached wall paintings // Triennal Meeting (12th) ICOM, Lyon (29 août – 3 septembre 1999), Prepints, vol 2, London, 1999, p. 461-465.

Coutelas Arnaud. Etude pétroarchéologique des couches de support des peintures murales de Samarkand (Ouzbékistan), Afrasiab, pavillon Qarakhanide, XII-XIII° sc., juin 2009 et mai 2010 (non publié).

Cristini Odile. Samarkand : analyses des peintures murales, Laboratoire de spectrochimie et d'Infra-rouge Raman (UMR 8516 CNRS – USTL), 2008 et 2009, (non publié).

Hanna S.B., Dinsmore J.K. Conservation of Central Asian Wall Painting Fragments from the Stein Collection in the British Museum // The Conservation of Wall Paintings, Proceedings of a Symposium organized by the Courtauld Institute of Art and the Getty Conservation Institute (Londres, 13-16 Juillet 1987), J. P. Getty, Trust, 1991, p77-86.

Karev Yuri. Un cycle de peintures murales d'époque Qarakhanide (XII – XIIIème sc.) à la citadelle de Samarkand : le souverain et le peintre. Académie des inscriptions & des belles lettres, comptes-rendus des séances de l'année 2003, novembre-décembre, Paris, Diffusion de Broccard, 2003, p.1685-1730.

Karev Yuri. Qarakhanid wall paintings in the citadel of Samarqand : first report and preliminary observations // Muqarnas : an Annual on the Visual Culture of the Islamic World, vol. 22, Leiden – Brill, 2005, p.45-84.

Kim Y.M. et Kang H.T. Conservation treatment for the wall paintings of Central Asia possessed by the National Museum of Korea // Mural Paintings of the Silk Road : Cultural Exchanges Between East and West, Proceedings of the 29th Annual International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property, National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo, (January 2006), 2007.

Kossolapov A.J., Marshak B.I. Murals along the Silk Road. Saint Pétersburg, Formika, 1999.

Miller Eric G., Nicholas J. Lee, Diane R. Ellam. Remounting and Conservation of Archaeological Wall Paintings at the British Museum // Recent Advances in the Conservation and Analysis of Artefacts, Institute of Archaeology Jubilee Conference, London, Summer School Press, 1987, p.289-295.

Шейнина Е.Г., Винокуроба М.П. Методика реставрации монументальной живописи из археологических раскопок. Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2002.

СОВРЕМЕННЫЙ МЕТОД В РЕСТАВРАЦИИ ФРАГМЕНТОВ НАСТЕННОЙ ЖИВОПИСИ ЭПОХИ КАРАХАНИДОВ ИЗ САМАРКАНДА. МОНТАЖ НА ОСНОВУ ИЗ ЯЧЕЕСТОГО АЛЮМИНИЯ

© 2012. М.А. Реутова, Ж. Фрей
Институт археологии Академии наук Республики Узбекистан,
Национальный Центр научных исследований (Франция)

Настенные росписи эпохи Караханидов на Афрасиабе были обнаружены в ходе археологических раскопок Французско-Узбекской археологической экспедицией в Согдиане, г. Самарканд (MAFOUZ-Sogdiane[1]). Фрагменты были найдены в дворцовой части, в районе нижней террасы северо-восточной части городища, которая являлась административным и военным центром города. В ходе археологических исследований в 90-х годах прошлого века выявилось, что эта часть цитадели была местом расположения дворцовых построек, начиная с VII в. (Karev, 2003, p. 1687, Karev, 2005, p. 49)[2].

Раскопки под руководством Юрия Карева на нижней площадке цитадели привели к открытию большого павильона, где было найдено более 700 фрагментов настенной живописи в завалах здания XII века (Karev, 2005, p. 50)[3].

Полевые работы по консервации росписей проведены с реставраторами Института археологии АН РУз, в ходе которых, фрагменты живописи поэтапно перевозились в Институт для проведения реставрационных работ.

Павильон Караханидов

Павильон размерами 12х12 м состоит из четырех айванов, обращенных вовнутрь квадратного открытого двора (Karev, 2003, p. 1690, Karev, 2005, p. 50), (рис. 1: План павильона. Рис. 2: Общий вид павильона). Это была каркасная постройка с толщиной стен около 30 см. Высота стен павильона составляла около 5 м.

По середине восточной стены находилась ниша, шириной около 3 м, в которой на небольшом возвышении должен был сидеть правитель. Вспомогательные помещения, такие как кухня и бани, располагались вокруг павильона, что указывает на приватный характер комплекса, несмотря на богатый живописный декор стен (Karev, 2003, p. 1691; Karev, 2005, p. 52).

В процессе археологического исследования нижней площадки цитадели было обнаружено сразу несколько павильонов, но только один из них был украшен настенной живописью.

Археологический контекст

Расчистка и снятие фрагментов росписей в поле были проведены сотрудниками Института археологии Самарканда: Реутовой М.А., Рузановым В.Д., Сукасьян Ж.В.

Росписи найдены во фрагментарном состоянии, в завале павильона, который был целенаправленно разрушен. Как показала расчистка завалов, в некоторых местах

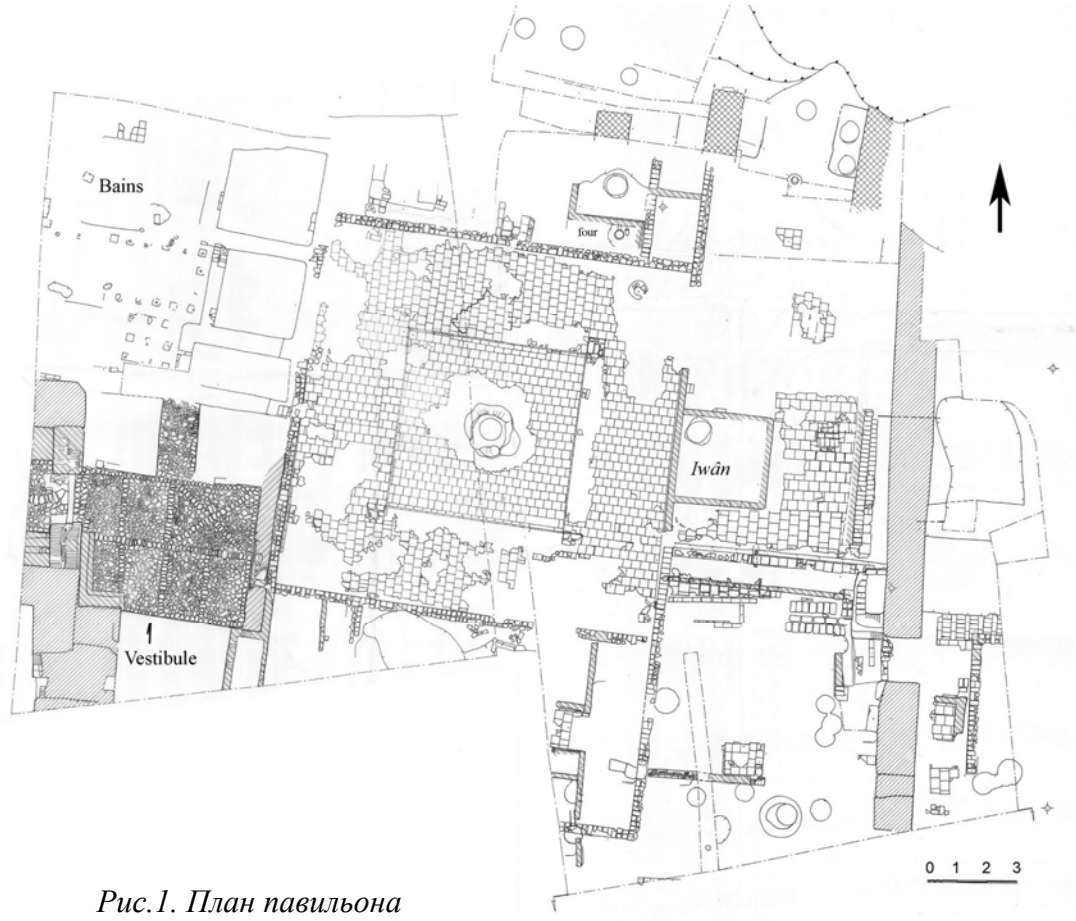

Рис.1. План павильона

Рис.2. Общий вид павильона

живописная штукатурка была раздавлена кусками обвалившихся конструкций. В других частях комплекса крупные фрагменты росписей были обнаружены лицом вниз, упавшими плашмя вблизи стен, и их оригинальная привязка к архитектуре становится более понятной (Karev, 2003, p. 1694)[3].

Вероятно, что роспись на каждой стене была разделена на несколько горизонтальных регистров, включая наиболее интересные жанровые сцены, такие как «Тюркский воин» найденный в районе восточной стены или сцена с властителем, восседающим на троне. Различные регистры были сформированы широким спектром декоративных элементов, таких как фигуративные изображения шествий с животными, сцены охоты или пиршеств с танцорами (рис. 4). Другой тип регистров украшен арабской и персидской эпиграфикой и имеет важное значение как в информативном, так и эстетическом плане. В целом, в тематике монументальной росписи просматривается явная связь с верховной властью, поскольку большинство сцен иллюстрируют сюжеты придворной жизни.

Основными критериями датировки живописи являются керамический и нумизматический материалы, характерные для второй половины XII века. То, что касается живописи, она не оставалась в течение длительного времени на стенах. Очевидно, что здание комплекса было разрушено незадолго до 1220 года, когда укреплялась цитадель города в страхе перед надвигающимися ордами монголов (Karev, 2005, p. 69-70, p. 81).

Техника живописи

Метод исполнения настенной живописи эпохи Караханидов является типовым для полихромного монументального искусства в Средней Азии. На глиняную штукатурку слоем около двух сантиметров, служащего основой, нанесен слой ганча в

Рис. 3. Вид очень плотно спрессованных фрагментов росписи в завале

виде грунта, на который в свою очередь наносился красочный слой (рис. 5; рис. 6). Глиняная штукатурка состоит из глинистых, главным образом биотита, с добавлением измельченной соломы, толщиной примерно от 1 до 4 мм, которая составляет около 20-25% её содержания. Поверхность штукатурки покрыта тонким слоем чистого гипса (ганч) в среднем от 1 до 2 мм[5], на который были нанесены краски. Полихромный слой состоит из пигментов, замешанных на растительном связующем. Вероятно, в качестве связующего использовались смолы растительного происхождения камеди местных древесных пород или завезенный гуммиарабик[6]. Анализ пигментов, показал, что основными составляющими богатой палитры являются: гипс (белый), древесный уголь (черный), лазурит (синий), киноварь и красная охра (красный), охра (желтый). Различные цвета и полутона получались путем смешивания основных пигментов, но зеленый цвет отсутствует[7], что типично для настенной живописи Средней Азии. Некоторые фрагменты включают в себя детали, выполненные с использованием сусального золота наносившегося на слой сикативного масла[8]. Местами первый слой живописи покрыт вторым слоем - слоем ганча, который частично расписан орнаментальным изображением. Данный факт подталкивает на следующие размышления: либо предыдущий красочный слой был поврежден дождем и ветром, и ввиду этого был обновлен с применением иного декора, или данное обстоятельство говорит о преднамеренном изменении иконогра-

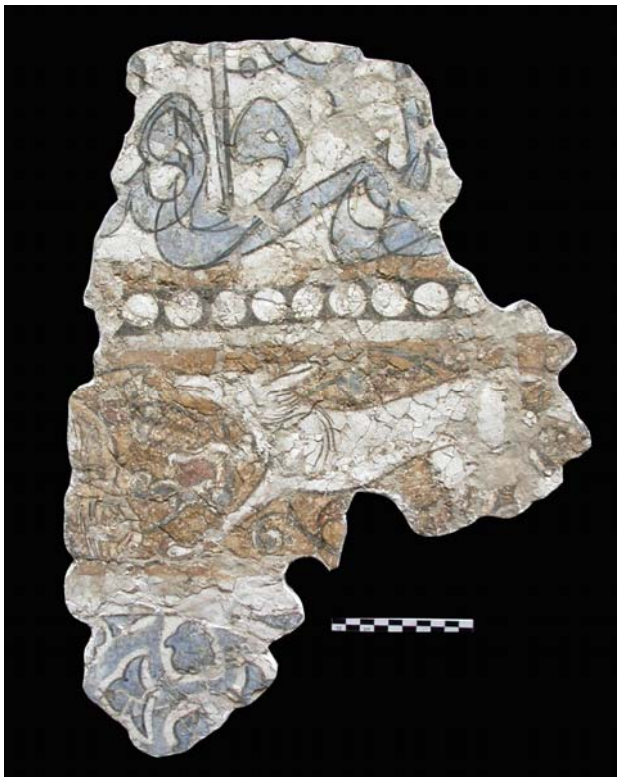

Рис. 4. Фрагмент с волком, обрамленный орнаментальным декором

Рис. 5. Стратиграфия стены для настенной живописи

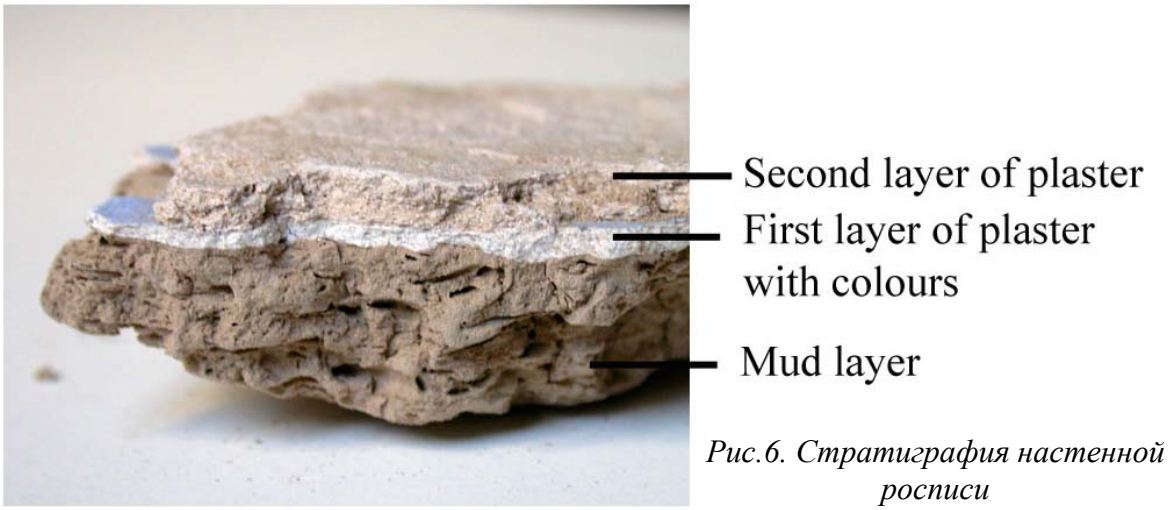

Рис.6. Стратиграфия настенной росписи

фии, ввиду смены владельца комплекса в процессе междоусобных противостояний. Такое толкование также подкрепляется самовольным разрушением изображений, как например, на фрагменте росписи, изображающей сцену с восседающим на троне властителем (Karev, 2003, p. 1695-1696). Нанесённые изображению правителя повреждения явно носят черты умышленного вандализма.

Стиль живописи приближен к реалистичному. Попытки художника создать пространственное изображение методом градации цветов, чередованием светлых или темных линий создают ощущение объема. Несмотря на это присутствует стремление оконтурить изображение, что говорит о тяготении к прикладной орнаментальности (рис. 7).

В основном все элементы изображения обведены черным контуром и только обнажённые части тела, такие как руки или голова, оконтурены красной линией.

Большая часть композиции была выполнена без использования подготовительного рисунка, что указывает на высокое мастерство художника. Но при исполнении некоторых деталей композиции требующего четко неотступного решения, такие как изображения персонажей, вероятно, сначала был нанесен подготовительный контурный рисунок с использованием разбавленной черной краски, менее интенсивной, чем на основном изображении. А также в композиции с широкой аркой художник применял точные инструменты - орнаментальные вставки выполнены с использованием циркуля (рис. 8).

Реставрация

После полевой консервации, фрагменты были переданы в Институт археологии АН Узбекистана в Самарканде, где в настоящее время они проходят реставрацию под руководством М. Реутовой, зав. реставрационной лабораторией, с участием реставраторов; Ж. Сукасьян, Г. Ахадовой и Г. Пулатовой. Как правило, в Средней Азии метод реставрации археологической настенной живописи на лёссово-ганчевых основаниях, в частности, используемый в Самарканде, основывается на технике Государственного Эрмитажа с использованием акриловых полимеров: полибутилметакрилата (ПБМА) (Шейнина, Винокурова, 2002; Bliakher, Fominykh, 2007). Этот метод был разработан и применен впервые в Пенджикенте (Таджикистан) в конце 40-х начале 50-х годов П.И. Костровым, зав. лабораторией научной реставрации монументальной живописи Государственного Эрмитажа, который и в

Рис. 7. Детали росписи с тенденцией к объемному изображению

наши дни широко используется при реставрации среднеазиатской настенной живописи.

В 2003 году реставратор Гос. Эрмитажа В. Фоминых была приглашена для проведения совместных работ по реставрации живописи и метода моделирования и консервации к технологическим особенностям караханидской живописи.

Полевая обработка

Метод ленинградских ученых был применён при полевой обработке фрагментов живописи эпохи Караханидов. После механической очистки, фрагменты были укреплены раствором ПБМА различной концентрации. В качестве профилактической заклейки был наклеен

Рис. 8. Декоративная деталь, выполненная циркулем

слой марли с использованием более концентрированного раствора ПБМА - 20% в ацетоне. Оклейка марлей производилась в соответствии с позицией фрагмента (лицевой стороной вверх или вниз). При обнаружении фрагмента лицевой стороны вниз, лёсс с тыльной стороны полностью удалялся до слоя ганча, на который впоследствии наклеивалась профзаклейка. В большинстве случаев слой лёсса не сохраняется из-за сильной деформации фрагментов живописи.

Камеральная обработка

В лабораторных условиях первоначально удаляются лёссовые наслоения с поверхности фрагментов снятых лицевой стороной вниз. Факт отсутствия марли и адгезива на лицевой стороне способствует тому, что к очистке возможно приступить в первую очередь без предварительной обработки. Процесс механической очистки длительный, осуществляется с использованием скальпеля или иглы. В некоторых случаях, когда фрагменты представляют собой «сендвич» из слоев штукатурки, покрывающий живописный слой, слой белой штукатурки без рисунка, может быть удален. В других же случаях два слоя могут быть полностью отделены друг от друга и сохранены как два отдельных фрагмента. После очистки лицевой стороны, фрагменты пропитываются раствором ПБМА. Затем приступают к мастиковке тыльной стороны с использованием композиции из вымоченного лесса и мела, замешенных на растворе ПБМА. В случае сильной деформации фрагментов они выравнивание происходит на данном этапе. Если поверхность деформирована, то перед мастиковкой ее выпрямляют с использованием ацетоновых компрессов. Если поверхность деформирована, то перед мастиковкой ее выпрямляют с использованием ацетоновых компрессов.

Когда фрагменты сняты лицевой стороной вверх, обработка начиналась с тыльника. Лёссовая штукатурка была удалена до слоя ганча. Затем была выполнена мастиковка тыльника с использованием композиции лесса с ПБМА. При высыхании мастика служит новой основой для живописного слоя, которая позволяет снять профзаклейку с лицевой стороны без повреждений последнего. Избыток полимера, с лицевой стороны был убран в ксилольной бане.

В обоих случаях утраты красочного слоя и ганча дополнялись тем же составом мастики, но количество мела варьировалось для достижения более светлого тона мастиковочного состава.

Монтаж фрагментов живописи на новую основу

Традиционно, фрагменты настенных росписей монтировались на пенопластовые плиты с использованием ПВА или акриловых водных эмульсий (рис. 9). Преимущество этого материала заключается в том, что он обладает небольшим весом, но в долгосрочной перспективе он теряет свои механические качества, что создает проблемы в вопросе консервации фрагментов археологической живописи в музейных коллекциях. Настенная живопись Афрасиаба согдийского периода, известная как «Сцена Послов» в Музее Афрасиаба, является ярким примером такого рода монтажа, практикуемого в начале 80-х годов. В настоящее время существует множество проблем, связанных с сохранностью росписей из-за деревянных конструкций, которые являются несущей инструкцией щитов для фрагментов живописи.

Во время обсуждения вопросов монтировки, было решено разработать другой метод монтажа караханидских росписей, используя панели из ячеистого алюминия, покрытого двумя слоями стекловолокна на эпоксидной смоле с обеих сторон. В данном случае, из-за малого веса фрагментов живописи было решено монтировать

панели толщиной 13 мм. Данная основа широко используется для монтажа настенной живописи в Европе, начиная с 70-х и 80-х годов (Brajer, 1999). В настоящее время некоторые образцы среднеазиатских настенных росписей успешно установлены на алюминиевую основу (Kim et Klang, 2007). Эта реставрационная основа имеет ряд значительных преимуществ: прочная структура, небольшой вес, устойчивость к биодеструкции. Кроме того, панели легко составляются между собой для получения нужного размера для монтажа фрагментов живописи, а подвесная система легко устанавливается с тыльной стороны.

Рис. 9. Фрагмент монтирован на пенопластовую основу

С учетом различного состояния сохранности фрагментов, было решено применить два метода монтажа. Группы фрагментов, собранные в законченные сцены монтировались на едином большом панно, который позволяет в целом реконструировать композицию (Рис. 10). Алюминиевые панно могут быть легко моделированы посредством резки и последующего составления. Нарезанные части должны быть смонтированы посредством стыковки между собой, чтобы получить необходимый, заданный размер для монтажа фрагмента. Высокая прочность монтажа достигается за счет поперечного углового среза, при этом слой стекловолокна с одной стороны оставляется после резки на срезе каждого панно. При соединении двух панно в форме углового паза слой стекловолокна с каждой стороны заходит в нахлёст для обеспечения прочной стыковки (рис. 11). Фиксирование панно между собой, выполняется с помощью эпоксидной смолы[9], но следует отметить, что при соединение панелей больших размеров, необходимо дополнительно наложить полосу стекловолокна на эпоксидной смоле для усиления соединения. Для композиций более крупных форматов, таких как «Тронная сцена» или «Тюркский воин», панель была усилена металлической структурой с тыльной стороны. Можно использовать металлические уголки крепящимися болтами при этом гайка вставляется в алюминиевую основу и фиксируется эпоксидной смолой (рис. 12).

Перед монтажом фрагментов на алюминиевую основу, система для экспозиционной подвески панно крепится с тыльной стороны посредством болтов и гаек, которые фиксируются в толще алюминиевой основы эпоксидной смолой (рис. 13).

Для небольших отдельных фрагментов, алюминиевая основа нарезается в соответствии с контуром фрагментов (рис. 14). Как и в случае монтажа больших композиций, подвесные системы крепятся с тыльной стороны перед фиксированием фрагментов живописи на основе. Гайки болтов крепятся по контуру в реставрационную основу, что позволяет зафиксировать фрагмент для предварительного экспонирования на деревянную или основу из другого материала.

Рис. 10. Монтаж фрагментов медальона с птицей, установленные на едином панно

В случае монтажа элементов архитектурного декора, включая детали в форме уголка, алюминиевая основа может быть моделирована по заданной форме посредством поперечной резки, соединение которого затем фиксируется с помощью эпоксидной смолы армированной стеклотканью (рис. 15).

После подготовки реставрационной основы, фрагменты живописи фиксируются на ней с использованием промежуточного слоя, который способствует обратимости монтажа из прессованной пробки и эпоксидной смолы (рис. 16). При обработке

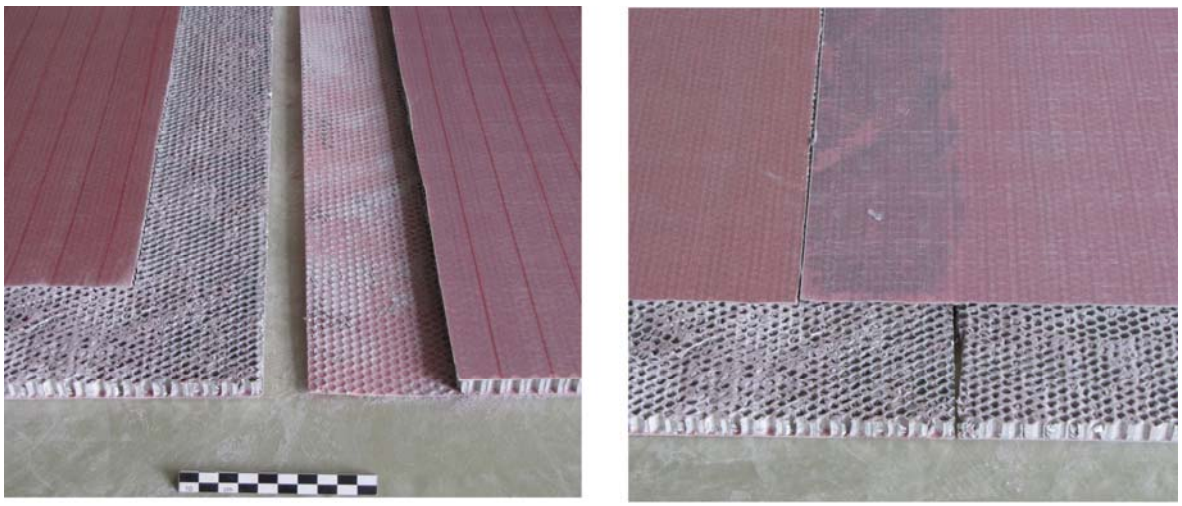

Рис.11. Подготовка к монтажу алюминиевых листов

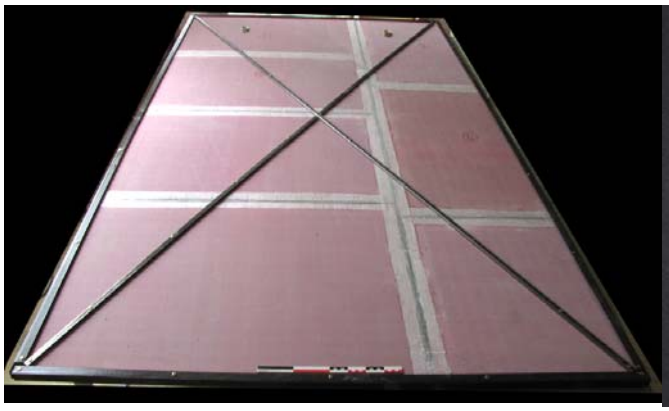

Рис.12. Укрепление реставрационной основы с тыльной стороны

Рис.13. Элементы для крепления и подвески готовых фрагментов

Fig.14. Алюминиевая основа вырезанная по контуру отдельных фрагментов

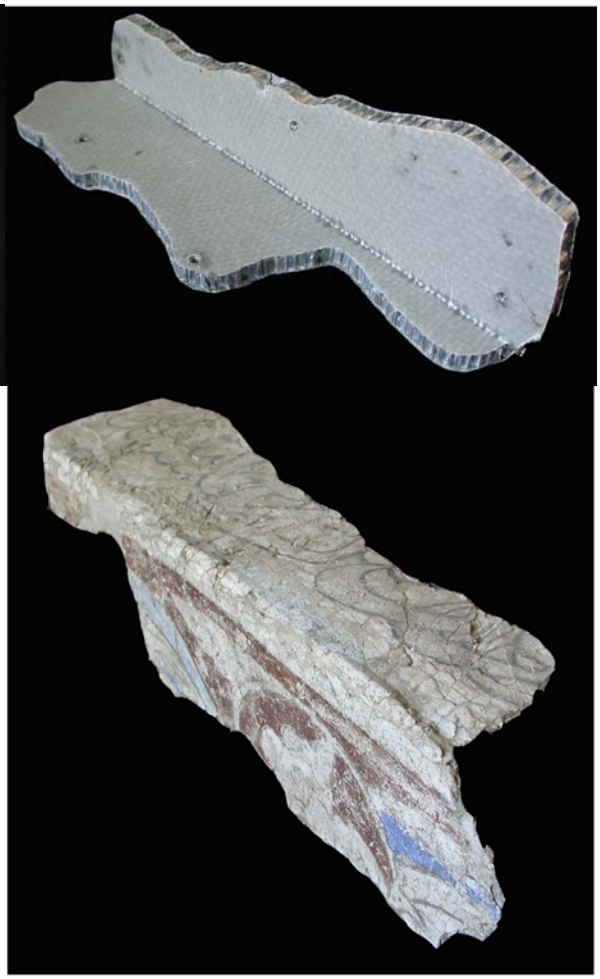

Fig.15. Способы подготовки алюминия для угловых архитектурных фрагментов

больших фрагментов, утраты между фрагментами заполняются мастикой включающей в себя мел, лесс заведенной на акриловой эмульсии Acril 33 разбавленной до 50% водой. Нейлоновые волокна добавляются в мастику во избежание растрескивания во время сушки. Данная мастика на водной эмульсии используется ввиду ее преимущества, позволяющего осуществлять обработку большой поверхности без специальных условий. Необходимо отметить, что для получения хорошей адгезии между мастикой и алюминиевыми панелями, делаются небольшие дырки в алюминиевой основе. Уровень декоративной мастики составляет 2 мм, ниже уровня фрагмента для улучшения читаемости разницы между оригинальной поверхностью настенных росписей и декоративной мастикой. То же тип мастики применяется при обработке краев каждого фрагмента.

Рис.16. Монтаж настенной росписи на алюминиевую основу

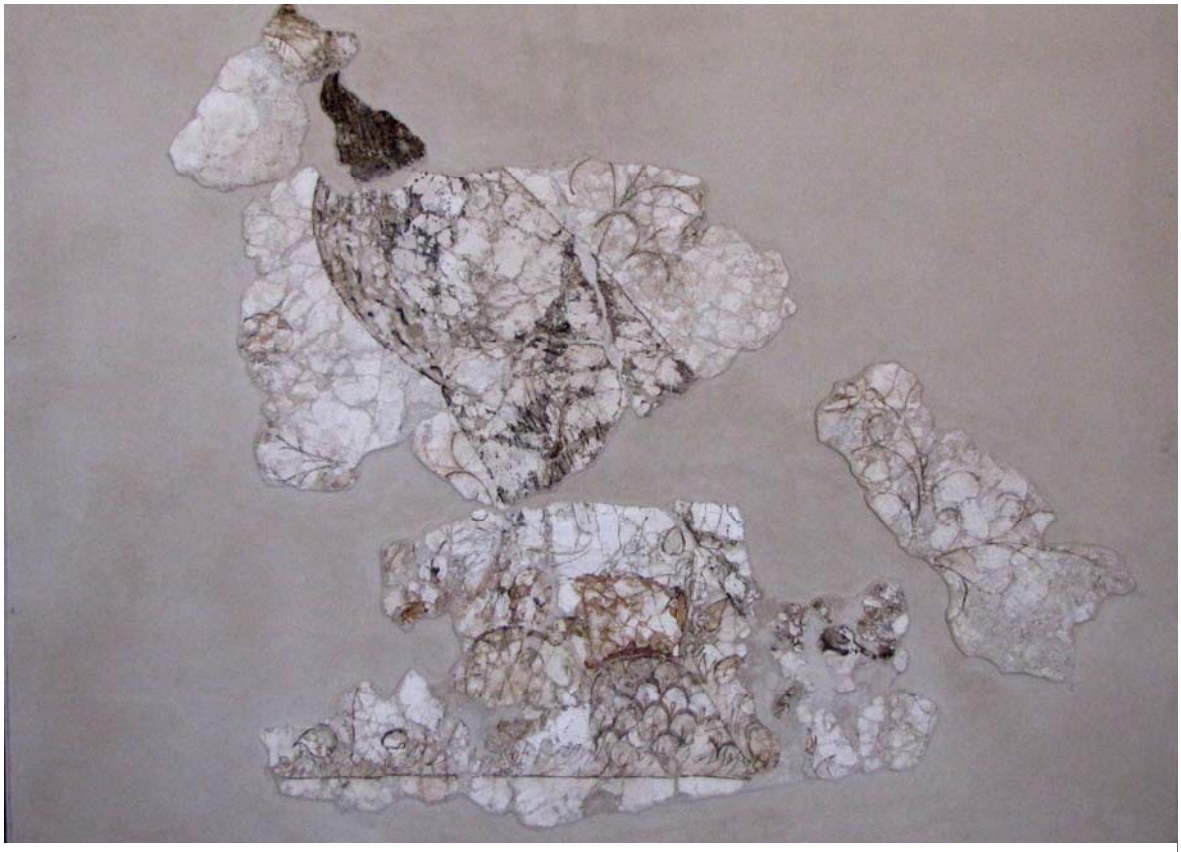

Рис.17. Сцена с орлом готовая для экспозиции

В случае обработки небольших отдельных фрагментов, чье оригинальное местоположение не определено и которые могут в будущем быть присоединены к более крупной композиции, был выбран обратимый метод приведения к экспозиционному виду. Фрагменты живописи уже смонтированных на алюминиевую основу инкрустируются и непосредственно на деревянные или панели из другого материала. Фиксации осуществляются с тыльной стороны посредством металлических лапок и болтов (рис. 17). Этот метод позволяет исключить присутствие древесины в составе основы, находящейся в прямом контакте с фрагментами живописи и позволяет сэкономить количество используемых алюминиевых панелей.

Данный способ монтажа фрагментов археологической живописи применяется в лаборатории Института археологии АН РУз с 2008 года и он был освоен при реставрации большого числа фрагментов живописи эпохи Караханидов. Фрагменты, прошедшие реставрацию по данной схеме, в настоящее время могут быть экспонированы в вертикальном положении. Ряд фрагментов, обнаруженных в павильоне Караханидов, уже выставлены в музее Института археологии, а часть из них экспонируется на выставке в музее Афрасиаба.

Сноски

[1] Узбекско-Французская археологическая миссия под руководством содиректоров Франца Гренэ (ENS-CNRS) и Марины Реутовой (зав. Лабораторией реставрации Института археологии АН РУз).

[2] Местонахождение дворца на нижней террасе было определено в 1988-1991 годах в ходе раскопок Узбекско-Французской археологической миссии.

[3] Павильон XII века был построен на месте аббасидского дворца, разрушенного в X веке

[4] Местонахождение фрагмента, «Тюркский воин» яркий пример, когда фрагмент целиком упал со стены одним блоком, разделенным при падении на несколько фрагментов в «правильном» положении.

[5] Петрографический анализ проведен Арно Кутелас, Arkemine в июне 2009 г. (не опубликован).

[6] Последний анализ проведен Э. Шукрун и Ж. Фрэ в ноябре 2011 г. на базе европейского научного центра, Гренобль(ESRF). Связующее не было точно определено в виду сильной диструкции красочного слоя на образце, но некоторые спектры показывали присутствие глюкозы и сахарозы, что поддерживает предположение о применении камеди или гомарабика (не опубликован).

[7] Анализ пигментов проведен Одиль Кристини, спектрохимический и инфракрасный Raman лаб. (не опубликован).

[8] Анализ, выполненный на базе ESRF, показал присутствие состава под слоем золота.

[9] Смола высокой вязкости, Araldite 2012

Bibliography

Birstein V. On the Technology of Central Asia Wall Painting: the problem of binding media // Studies in Conservation, vol. XX, n°1, février 1975.

Bliakher Adelia, Fominykh Vera. Conservation and restoration of monumental painting from archaeological excavations // Mural Paintings of the Silk Road: Cultural Exchanges Between East and West, Proceedings of the 29th Annual International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property, National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo, (January 2006), 2007.

Brajer Isabelle. Pressure, heat and humidity treatments for detached wall paintings // Triennal Meeting (12th) ICOM, Lyon (29 août – 3 septembre 1999), Prepints, vol 2, London, 1999.

Coutelas Arnaud. Etude pétroarchéologique des couches de support des peintures murales de Samarkand (Ouzbékistan), Afrasiab, pavillon Qarakhanide, XII-XIII° sc., juin 2009 et mai 2010 (non publié).

Cristini Odile. Samarkand: analyses des peintures murales, Laboratoire de spectrochimie et d'Infra-rouge Raman (UMR 8516 CNRS – USTL), 2008 et 2009, (non publié).

Hanna S.B., Dinsmore J.K. Conservation of Central Asian Wall Painting Fragments from the Stein Collection in the British Museum // The Conservation of Wall Paintings, Proceedings of a Sympo-

sium organized by the Courtauld Institute of Art and the Getty Conservation Institute (Londres, 13-16 Juillet 1987), J.P. Getty, Trust, 1991.

Karev Yuri. Qarakhanid wall paintings in the citadel of Samarqand: first report and preliminary observations // Muqarnas: an Annual on the Visual Culture of the Islamic World, vol. 22, Leiden – Brill, 2005.

Karev Yuri. Un cycle de peintures murales d'époque Qarakhanide (XII–XIIIème sc.) à la citadelle de Samarkand: le souverain et le peintre. Académie des inscriptions & des belles lettres, comptes -rendus des séances de l'année 2003, novembre-décembre, Paris, Diffusion de Broccard, 2003.

Kim Y.M., Kang H.T. Conservation treatment for the wall paintings of Central Asia possessed by the National Museum of Korea // Mural Paintings of the Silk Road: Cultural Exchanges Between East and West, Proceedings of the 29th Annual International Symposium on the Conservation and Restoration of Cultural Property, National Research Institute for Cultural Properties, Tokyo, (January 2006), 2007.

Kossolapov A.J., Marshak B.I. Murals along the Silk Road // Saint Pétersburg, Formika, 1999.

Miller Eric G., Nicholas J. Lee, Diane R. Ellam. Remounting and Conservation of Archaeological Wall Paintings at the British Museum // Recent Advances in the Conservation and Analysis of Artefacts, Institute of Archaeology Jubilee Conference, London, Summer School Press, 1987.

Шейнина Е.Г., Винокуроба М.П. Методика реставрации монументальной живописи из археологических раскопок // Эрмитаж, Санкт-Петербург, 2002. (Méthodes de restauration pour les peintrues murales issues de fouilles archéologiques, Ermitage, Saint Pétersbourg, 2002).

TEXTILE PRINTS ON THE CLAY BULLS FROM KANKA

© 2012. Gennadiy Bogomolov, Tomomi Murakami
Institute of Archaeology of Academy of Sciences of Republic of Uzbekistan,

Introduction

Chach is cultural historical area Central Asia corresponding with the modern region of Tashkent in the Republic of Uzbekistan. In the Tang historical records "後漢書", Chach was called Stone country "石国"and Kanka was one of the biggest cities and the their first capital. The oasis was situated between Fergana and Sogdiana. The Silk Road connected the city with northern Semirech'e and Samarkand (Fig. 1). Fragments of textile from Kanka reveal some information on the textile culture of the area. The climatic circumstances are not ideal for the preservation of organic substances. Although, wall paintings and terracotta provide a good supplement, where illustrative materials cannot give us any information on the techniques of manufacturing, the textile prints on the bulls from Kanka are essential for our understanding of textile production in Chach.

The archaeological site and its material culture

Kanka is situated on the right bank of the Syrdarya River, approximately 80km south-west of present day Tashkent. The site was first inhabited around the end of the 4th century. The surface is more than 220 hectares. There are a citadel, a shakhristan and a rabad (Fig. 2). The main periods, represented, are the Classical Age, the early Medieval and the Karakhanid period. Dating to the early medieval period, the archaeologists excavated a castle, a tower, and an altar on the citadel and a Zoroastrian temple at the shakhristan (Fig. 3). The bulls in this paper were found in the Zoroastrian temple. The temple was constructed in the 6th century AD. Destroyed by an earth quake, it was rebuilt in the beginning of the 7th century. A little later, in the 7th century, The temple was caught in a fire. By consequence, the bulls and their context were preserved in good condition. Imprints on the walls suggested, that textiles used to cover the walls. Two horses were excavated in the center of the temple and on the northern side of the room the inhabitants had constructed the altar. The bulls were discovered scattered over a surface of 3m in the temple.

Result of Observation

Of the 33 bulls that were found there, 17 had clear textile prints, 15 textile prints were plain (Fig. 4, 5) and 2 bore possibly the imprints of cross knitted textiles (Fig. 6, 7). One of the 15 bulls showed the imprint with a Z-twisted warp and

Fig.1: Location of the site Kanka

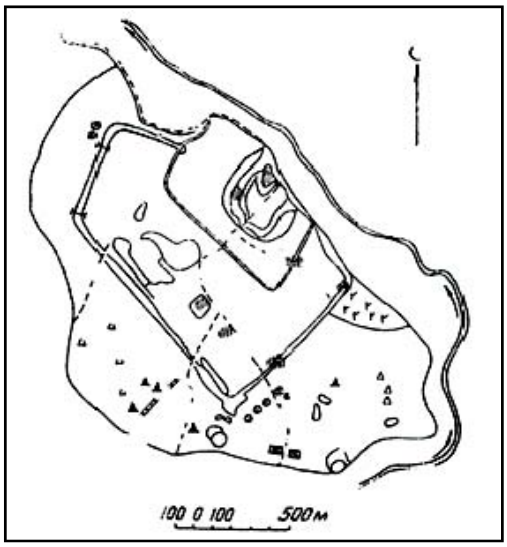

Fig.2: Plan of the site Kanka

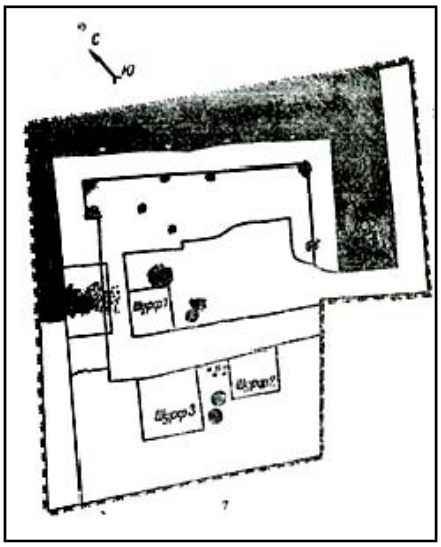

Fig.3: Plan of the Zoroastrian temple

Fig. 4:A-17 bull with plain textile print (front)

Fig.6: D-5 bull with prints of knitted textile (Front)

Fig. 5:A-17 bull with plain textile print (back)

Fig. 7: D-5 bull with prints of knitted textile (Back)

Fig.8 : Z-twisted textile print

Fig.9: Sinkers (spindles) unearthed from Kanka

wept (Fig. 8). The Z-twisted thread is originally considered to be used in wool production of Central Asia and the Middle East. The plain textile mostly held the warp of 20 threads and the wept of 12~16 threads per cm,. The diameter of each single thread is up to 0.5mm and dense. The

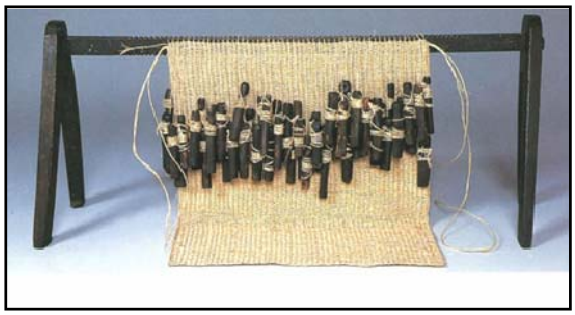

Fig.10: Knitted textile making instrument

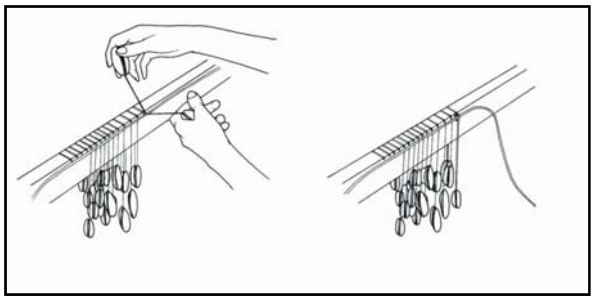

Fig.11 : Knitted textile making

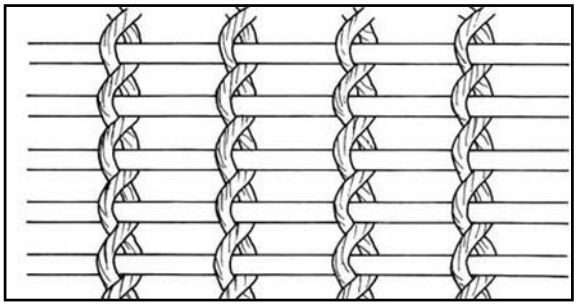

Fig.12 : Spindle diverted to sinker (with ditch)①

Fig.13 : Graph of cross knitting (Mojiri-ami)

Fig.14 : Spindle diverted to sinker (with ditch)②

Fig.15: Z-twisted thread remain

Fig. 16:B-7 Round bottom bull without textile prints

Fig. 17:F-1 Flat bottom bull without textile prints

use of thin threads makes the material soft, dense and well woven. As a result the textile must have been pleasant to ware.

Both the warp and the weft of the cross knitted textile imprints were considered to be knited textiles, consisted of 14 threads each and were coarser than the plain textiles. Cross-knitting

(Mojiri-ami) is a method of hanging a great number of the warp threads with sinkers on a horizontal wood and tying the wept up by them (Fig. 10, 11, 12). The warp was diagonal which is peculiar for cross knitted textile (Mojiri-ami). These textiles were made by clay spindles and sinkers, which is confirmed by clay spindles and sinkers found in Kanka. Because some articles bore ditches, they were identified as sinkers (Fig. 13, 14). The 15 plain textiles were made, using a loom (Fig. 9). The knitted and plain textiles were intended for daily use. The knitted textiles give the impression that they were rougher than the plain ones. This does not give any information about the general knowledge on knitting techniques existing at the time. Various kinds of fine knitted textiles were well known to circulate in Sogdiana, China, Japan and other East Asian countries.

Directions of almost all warps of the textile prints are parallel to the short side of the bulls. Only rarely, the textile gave a diagonal imprint on the bull. There are longitudinal and lateral cylindrical uneven hollows on the back (textile print) side. Every bull has 4-6 holes, some of which hold Z-twisted threads (Fig. 15). These bulls were probably used for sealing the mouth of textile bags. The conditions of the textile prints and the direction of the hole through which the thread passed, shaped the imprint on the back side of the bull. Possibly, the bags were used for donations to the gods to whom the temple was devoted and the bulls identified the donor: The images on the bulls clearly distinguish the individuals. No textile fragments were found with the bulls. The bullets may therefore have been taken off and preserved in a different place. Some of the bulls had round (Fig. 16) and flat (Fig. 17) bottoms. These bulls did not bear textile prints and had different shapes. We imagine they must have been used to seal different items.

Conclusion

Much information was obtained from the textile prints on the clay bulls unearthed from Kanka. Not all textile prints were well preserved and could be easily analyzed. But the Kanka clay bulls are very precious, being one of the few materials showing concrete example of manufacturing textiles during the 7th century. Our analysis of the textile prints on the bulls demonstrated that both weaving textiles and knitted textiles were widely used. The Z-twisted thread may provide information about the persistence of traditional techniques. The Appliqué and handwoven textiles excavated from Kanka disclose part of the textile culture of the area.

Резюме

Настоящая статья посвящена анализу оттисков текстиля на буллах из храмового комплекса начала VII века городища Канка, первой столицы Ташкентского оазиса.

References

Древний и средневековый город Восточного Мавераннахра. Фан, Ташкент, 1990.

Bogomolov G.I., Burjakov Ju.F. Sealings of Kanka. In the land of gryphons // Papers on Central Asian archeology in antiquity. Roma, 1995.

Rtveladze Edvard. Civilizations, States and Cultures of Central Asia. Kato Kyuzo (trans.), Heibonsha 2011.

○***エドヴァルド***・ルトヴェラゼ［加藤九祚訳］『考古学が語るシルクロード史中央アジアの文明・国家・文化』平凡社　2011年

Tokaidaigaku kouchinaiiseki chosadan press “dai 15kai ashimotoni nemuru rekishiten ami to ori no kokogaku” Tokai University 2007

○東海大学校地内遺跡調査団編「第15回足元に眠る歴史展　編みと織の考古学」東海大学2007年

Murakami Tomomi. Chuoajia no chachshutsudo orimononitsuite. RAFIDAN ＸＸＸⅢ　2012.

○村上智見「中央アジアのチャチ出土織物について」ラーフィダーン第ＸＸＸⅢ　2012年

※Fig.1 is reprinted from (エドヴァルド・ルトヴェラゼ［加藤九祚訳］『考古学が語るシルクロード史中央アジアの文明・国家・文化』平凡社　2011年) and changed.

※Fig.12，13，14 are reprinted from（東海大学校地内遺跡調査団編「第15回足元に眠る歴史展　編みと織の考古学」東海大学2007年）

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

ИЛК ЎРТА АСР МАНБАЛАРИДА СУҒД ШАҲАРЛАРИНИНГ ИЖТИМОИЙ ҲАЁТИ ТЎҒРИСИДА АЙРИМ МАЪЛУМОТЛАР

© 2012. Х. Сориев
Самарқанд давлат Университети

Ўрта Осиё шаҳарлари, хусусан Суғддаги шаҳарларнинг ижтимоий-маданий ҳаёти тўғрисида илк ислом даврига оид бўлган манбалар унчалик кўп эмас. Ўзининг мазмун моҳияти ва хусусиятига кўра, бу манбаларни бешга бўлиш мумкин. Биринчи гуруҳга хитой манбаларини (Бичурин, 1950–1953. С.327), иккинчи гуруҳга илк ўрта аср тарихчи сайёҳлари томонидан келтирилган маълумотларни (Белазури, 1950; Беруний, 1966; Бетгер, 1957; Гардизий, 1991; Ибн Хордадбех, 1986; Ибн–Хаукал, 1939; История ат–Табари, 1987; Кандия Малая, 1906; Малявкин, 1989; Худуд ал–алем, 1930), шаҳарларнинг иқтисодий-маъмурий мавқеини белгилаб беришда муҳим манба саналган тангаларни ҳамда уларнинг тарихий талқини билан боғлиқ илмий адабиётларни (Baratova, 1999. С. 219-292), араблар босқинига қадар Суғд шаҳарларидаги ижтимоий-маданий муносабатлар тўғрисида муҳим бирламчи манба саналган Муғ тоғи суғдий ҳужжатлари (Согдийские документы..., 1962. Вып.I; Вып.II; Вып.III) ҳамда шаҳарлар тарихининг моддий манбалари саналган археология материалларини киритиш мумкин.

Илк ўрта асрлардаги Суғд шаҳарларининг сони, Сюань-Цзан (629-630) маълумотига кўра, марказ Кан (Самарқанд) Мимокия / Мимохэ (Маймурғ), Цзебудана (Кабудан), Цюйшуанницзя (Кушония), Бухэ (Бухоро), Цзешуанна (Кеш) кабиларданиборат бўлган (Бичурин, 1950–1953. С. 280–286, 323). VIII аср бошларида ҳам, Хой Чао (726) маълумоти бўйича, “Ху мамлакати” – Ан (Бухоро), Цао (Иштихон), Ши (Кеш), Ши-ло (Чоч ва Илоқ) (Отахўжаев, 2010. С.72-73), Ми (Маймурғ) ва Кан (Самарқанд) мулкларини ўзида мужассамлаштирган. Ҳар бир мулк ҳукмдори оз сонли қўшинига эгалик қилган (Отахўжаев, 2010. С. 72).

Жанубий ва шимолий сулолалар даврида (375-583) хитой йилномаларида биринчи маротаба «Сутэ» – «Суғд» атамаси маркази Кан – Самарқанд бўлган қадимги мамлакатнинг номи сифатида тилга олинади (Бичурин, 1950–1953. С.280-286).

Хитой буддавий роҳиби Сюань Цзян (VII аср) Суғднинг чегарларини шимолий-шарқда Чу дарёсидан, жанубий-ғарбда Бойсун тоғларигача бўлган улкан ҳудуд деб кўрсатади. Албатта, бу Суғднинг чегараси бўлмай балки, суғд тилида гаплашувчи халқлар яшайдиган ҳудудларга нисбатан ишлатилганлиги кўриниб турибди. Шунинг учун ҳам кўпроқ маҳаллий манбаларга мурожаат қилиш лозим бўлади.

Сюань Цзяннинг маълумотларига кўра, «Самокиен» (Самарқанд) мулки (Гойибов, 2011. С. 25) шарқдан ғарбга қараб чўзилган. У ҳар томондан мустаҳкам девор билан ўралган бўлиб, Термиз шаҳри майдонига тенг ҳудудга эга. Аҳолиси зич жойлашган.

“Тан шу” йилномасида Суғднинг маркази бўлган Самарқанд аҳолисининг ўйин кулгуни хуш кўришлари келтирилади. Худди шу манбада Хитойнинг бой хонадонларида Суғддан борган машшоқлар ва раққосалар доимий равишда хизматда бўлганликлари айтиб ўтилган (Бичурин, 1950–1953. С. 311).

Э. Шефер уларнинг мусиқа асбоблари, ижроси, кийимлари, рақс турлари тўғрисида маълумот беради. Унинг маълумотларида “Суғдликлар шароб ичаяптилар”, “Тўп ўйинда мусиқаси”, “Қордаги сув билан чўмилиш рақси” каби алоҳида мусиқа ва рақс номлари келтирилади (Шефер, 1981. С.80-82).

Ўрта Осиё халқларининг мусиқаси арабларни ҳам ҳайратда қолдирган. Халифа Волид II (История ат–Табари, 1987. С.278) Хуросон ноибидан (бу даврда ноиб Наср ибн-Саййор бўлган) Хуросондан зиёфат учун машшоқларни юборишни сўраган.

Аксарият ҳолларда, ёзма манбалардаги малумотларни археологик маълумотлар ҳам тасдиқлайди. Муғ қалъаси харобаларида олиб борилган қазишмалар чоғида узунлиги 27 см бўлган най топилган. Лайлак суягидан ясалган бу найнинг тешиклари 6 та бўлиб улар турли масофада жойлашган. Ушбу най қалъанинг хазина қисмида олиб борилган тадқиқотлар натижасида топилган (Эргашева, 2010. С. 80).

Археологик маълумотлар асосида баъзи тахминий хулосага келинса, ёзма манбалар эса уларни тўлдиради. А.М. Беленицкийнинг маълумотларига кўра, тадқиқотчи Э. Шаванн Хитой йилномаларида янги йилда Суғд аҳолиси янги кийим кийиб, соч-соқолларини олганлар деб келтирилади. Шунингдек, бу кунда мерганлик мусобақаси уюштирилиб, кимда-ким қоғозга ёпиштирилган олтин тангани камон билан бехато нишонга олса, у мусобақа ғолиби саналиб, бир кунлик подшо бўлиш ҳуқуқини қўлга киритган (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 129). Суғднинг қарийб барча шаҳарларида йилнинг ўн биринчи ойида совуқ чақириш маросими бўлиб, унда маросим қатнашчилари бир-бирларининг устларидан сув қуйганлар (Бичурин, 1950–1953. С. 310). Бунга ўхшаш маросимлар туркий ва форсий халқларнинг ижтимоий турмушида ҳам кузатилади. Масалан, ёмғир чақириш, шамол тўхтатиш маросимлари, кун тутилган вақтда дўмбира чалиш анъаналари ҳалигача учрайди.

Археологик тадқиқотлар Ўрта Осиё аҳолиси орасида кенг ўйналган шахмат Суғд аҳолисининг севимли ўйини бўлганлигини тасдиқлайди. Бу ҳақда Панжикентдаги тадқиқотлар даврида топилган 100 жуфтдан кўпроқ бронза ва темирдан ясалган шахмат тошлар гувоҳлик беради (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 129). Бу тошлар билан биргаликда бир жуфт тумор ҳам топилган. Бу тумор ўйинда омад келтириш учун тақилган. Бундай туморларнинг омад келтиришига, нафақат Панжикентда, балки бошқа ҳудудларда ҳам ишонишган (Толстов, 1946. С. 175). Панжикентда шахматни ёшу-қари ўйнаган ва унинг ихлосмандлари бўлганлар.

Панжикент тадқиқотлари давомида бўйи 5-7 см дан ошмайдиган, лойдан ясалган, қўл меҳнати асосида ясалганлиги учун бир-бирига ўхшамайдиган, анчайин қўпол итни эслатувчи шаклдаги узунчоқ ашёлар топилган. Бундай геометрик шаклдаги ўйин тошларини Беруний ўзининг “Минералогия” асарида нарда ўйинида ишлатилганлигини келтиради. Суяк билан турли ўйинларнинг ўйналганлиги тўғрисидаги маълумотни Панжикент деворий суратларида жой олган қуйидаги манзара тасдиқлайди. Деворий суратда бир тўда одамлар акс эттирилган бўлиб, улардан иккитаси ўйин билан машғул. Улар орасида икки томони икки хил бўялган ўйин тахтаси тасвирланган. Тахтанинг икки қисми ҳам беш горизонтал қисмга бўлинган. Ҳамма ўйин тошлари бир хил кўк рангга бўялган. Ўйин бошланмаганли-

гини ўйинчиларнинг бири суякни энди ташлашга чоғланганлигидан билса бўлади (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С.130). Бу ўйин нарда ўйини эканлигига шак-шубҳа йўқ.

Ўрта Осиё халқларининг нарда ўйнаганликлари манбаларда ҳам келтирилади. Турк шаҳзодаси Курсулнинг Тургаш хоқони Сулухон билан тустовуқни гаровга қўйиб нарда ўйнаганликлари ва Курсулнинг ўйинда ютганлиги Табарийнинг 119 / 737 йил воқеалари баёнида келтирилади (История ат–Табари, 1987. С.253).

Юқорида келтирилган маълумотлардан кўриниб турибдики, илк ўрта асрлар даврида Суғд шаҳарларида ижтимоий-маданий ҳаёт юқорида даражада бўлиб, аҳоли турмуш анъаналари қадимий тарихга эгадир.

Сюань Цзян маълумотларига таянган ҳолда айтиш мумкинки, ушбу муносабатларда Самарқанд етакчи мавқени эгаллаган бўлиб, унга қўшни бўлган халқлар ундан ўрнак олганлар. Бундан ташқари буддавий роҳиб Суғддаги йирик савдо ва маданий йирик шаҳарларни санаб ўтган. Улар: Мимохэ (Маймурғ), Цзебудан (Кабудан), Цюйшуанницзя (Кушонию), Бухэ (Бухоро) и Цзешуанна (Кеш) (Малявкин, 1989. С. 77). Уларга фақат қисқа изоҳ берилган ва бу шаҳарларнинг ҳажми ҳамда марказ Самарқандга нисбатан мавқеи кўрсатилади. Лекин ушбу маълумотларга танқидий ёндашмоқ лозим. Чунки Сюань Цзян ушбу шаҳарларда бўлмаган бўлиши ҳам мумкин.

Яна бир хитой буддавий роҳиби Хой Чао, Сюань Цзяндан қарийб юз йилдан кейин Суғдда бўлган (726 йй.). Унинг маълумотларида ҳам “Ху мамлкатлари” тўғрисида умумлашган маълумотлар келтирилади. Ху атамаси остида хитойликлар ўз мамлакатларига нисбатан ғарбда жойлашаган ерларни “Ғарбий ерлар”, деб билганлар (Малявкин, 1989. С. 70). Хой Чао бу мамлакатда унча катта бўлмаган олтита ҳукмдорлик бўлганлигини, уларда ўзларининг қўшини ва ўз ҳукмдори бўлганлигини ҳамда ушбу ҳукмдорлар арабларга бўйсунганликларини келтиради. Бу шаҳарларнинг аҳолиси пахта ва ипакдан тикилган мато кийганлар. Аҳолиси зардуштийликка сиғинади. Будда динига эътиқод қилувчилар жуда кам. Фақат Самарқанддагина битта будда ибодатхонаси бор (Гафуров, 1989. С. 314).

Суғднинг йирик ҳукмдорликларидан бири бу Маймурғ бўлган. Хитой манбаларида Маймурғ – Ми марказ Самарқанддан жанубий-шарқда 100 ли узоқликда жойлашган деб тилга олинди. Баъзи манбаларда Ми Мимохэ деб келтирилади. XI асрда тузилган Синь Таншу йилномасида, 618-906 йиллар воқеаларини баён этиш асносида Ми (Маймург) Мимо ёки Мимохэ деб келтирилган (Малявкин, 1989. С. 257). Бэй шу йилномасида келтирилишича, Маймурғ ҳукмдорлар ва Самарқанд ҳукмдорлари ўртасида қариндошлик муносабатлари бўлганлиги айтиб ўтилади (Бичурин, 1950–1953. С. 274). Ҳақиқатдан ҳам Маймурғ Самарқанд ихшидларининг фарзандлари бўлган валиаҳдлар томонидан бошқарилганлиги тўғрисида манбалардан маълум (Смирнова, 1970. С.277).

Бей шу ва Суй шу каби хитой йилномаларида тилга олинган яна бир ҳукмдорлик Цао – Иштихон бўлган. Бу йилномаларда “Цао ҳукмдорининг қароргоҳи Нами (Зарафшон) дарёсидан бир неча ли узоқликда жойлашган” деб кетирилади. Цао ҳам марказ Самарқанддан туриб бошқарилган. Ҳукмдор қароргоҳи деворининг узунлиги уч ли масофада. Қўшиннинг умумий сони 1000 кишига тенг. Суғднинг барча шаҳарларида Дэси руҳига сиғинганлар. У олтин қадаҳ кўринишда тасвирланган ва унинг шарафига ҳар йили бешта туя, ўнта от ҳамда юзта қўй қурбонлик қилинган (Бичурин, 1950–1953. С. 188).

Яна бир йирик ҳукмдорлик Кушония бўлиб, у Самарқанддан шимолий-ғарбда жойлашган. Хитой йилномалари Кушония – Хэ деб келтирилади. Лекин Синь Тан шу йилномасида Гуйшуанни ёки Цюйшуанницзя деб келтирилади (Малявкин, 1989. С.261). Ҳозирги кунда Хэ атамасининг нима маъно англатиши масаласи ёпиқлигича қолмоқда. Кушония Суғд ҳукмдорликлари орасида энг бойи бўлиб, унинг ҳукмдорлари чжао-у дейилган. Улар ҳам Самарқанд ҳукмдорлари хонадонидан бўлганлар. Кушония ҳукмдорлари қароргоҳи деворининг узунлиги икки лидан иборат. Ҳукмдор қўл остида 1000 га яқин чокар хизматда бўлган.

Ҳукмдор "олтин қўчқор" шаклида тасвирланган тахтда ўтирган. Шарқдан Цао – Иштихонгача 150 ли, ғарбдан кичик Ань ҳукмдорлигигача 300 ли, шарқдан Гаучжеугача 6750 ли» (Бичурин, 1950–1953. С.286-287). VII-IX асрнинг бошларида тузилган хитой йилномаси Тан шуда, айтилишича, «Хэ ҳукмдорлигида қадимий Фумо шаҳри бўлиб, бу шаҳар кичик кангуй ҳукмдорларига тобе бўлган. Шаҳарнинг шарқий томони икки қаватли иморатлар билан ўралган. Унинг ҳукмдори 641 йилда Хитой императорининг ҳузурига элчи юборганлиги тўғрисида манбаларда маълумотлар келтирилган (Бичурин, 1950–1953. С.350).

Манбаларнинг иккинчи гуруҳига илк ислом даврига оид бўлган тарихчи-сайёҳларнинг берган маълумотларини (Белазури, 1950; Беруний, 1966; Бетгер, 1957; Гардизий, 1991; Ибн Хордадбех, 1986; Ибн–Хаукал, 1939; История ат–Табари, 1987; Кандия Малая, 1906; Малявкин, 1989; Худуд ал–алем, 1930) киритиш мумкин.

Ибн Хурдодбеҳ (820-891 йй.) араб маъмуриятининг кўрсатмасига асосан, ал-Жибал вилоятида почта хизматчиси вазифасини ўтаган. Шунинг билан бирга, ўзининг Ўрта Осиё ва унга қўшни бўлган мамлакатларнинг географияси, маъмурий бўлиниши, солиқ тизими каби муҳим маълумотлар берувчи «Китаб ал-масолик ва-л -мамолик» («Мамлакатлар ва йўллар китоби») ҳисобланади (Ибн Хордадбех, 1986. С.428). Маълумотларга кўра, ушбу Хурдодбеҳ арабларнинг кўрсатмасига асосан иш олиб борган. Хурдодбеҳ, асосан VIII-IX асрларга оид манбаларга асосланган ҳолда иш олиб борган. Лекин унда воқеалар ривожини кўрсатиб бериш асносида қадимги Эрон халқ оғзаки ижоди намуналари билан боғлиқ воқеалар ҳам келтирилади. Шунингдек, Фирдавсий «Шоҳнома»сидан лавҳалар келтирилган (Фирдавсий, 1984. С.7). Ушбу маълумотлар ўрта асрларда Суғддаги шаҳарларидаги маданий-маиший ва ижтимоий ҳаётнинг ўзига хос хусусиятларини ёритишда муҳим саналади.

Ушбу манбадан фойдаланган ҳолда Қудома ибн Жаъфар ўзининг "Китаб ал-харож" асарини яратган. Қудома ибн Жаъфар ҳам Хурдодбеҳда келтирилган йўллар ва молиявий масалаларни келтириб ўтган (Biblioteka geograforum..., 1877. С.269). Чунки ушбу географларнинг ҳаммаси арабларнинг кўрсатмасига асосан иш олиб борганлар. Бу асарлардаги маълумотлар муҳим ҳисоблансада, уларни тадқиқ этишда танқидий ёндашув лозимдир.

Бу манбаларда Суғднинг бир қатор шаҳарлари тўғрисида маълумотлар келтирилади. Ибн ал-Факиҳ (903 й.)нинг «Китоб ал-булдони» да Самарқанд ҳақида келтирилган маълумотлар шаҳарнинг IX асрдаёқ йирик шаҳар бўлганлиги тўғрисидаги фикрни яна бир бор тасдиқлайди. Ушбу асарнинг қиммати тўғрисида тўртта манбада маълумот келтирилади. Улар қуйидагилар: ал-Истахрийнинг 930-933 йилларда ёзилган «Китаб ал-масолик ва-л-мамолик» («Мамлакатлар ва йўллар китоби») Ибн Хауқалнинг «Сурат ал-арз» («Ернинг кўриниши»), бу асар 967 йилда ёзиб тугалланган бўлиб, «Китаб ал-масолик ва-л-мамолик» номи билан ҳам машҳур, 985-989

йилларда ёзилган ал-Мукаддасийнинг «Ахсан ат-тақосим» ва X асрда ёзилган номаълум муаллиф қаламига мансуб «Ҳудуд ул-олам» (Biblioteka geograforum..., 1877. С. 295). Бухоро ва Самарқанд тўғрисида анчайин кенг маълумот берган муаллиф ал - Истаҳрий бўлиб, у, нафақат бу шаҳарларда бўлган, балки уларда яшаган. Шунинг учун ҳам, унинг маълумотларини бирламчи манба деб ҳисоблаш мумкин. Кейинги даврларда амалга оширилган ал-Истаҳрий асарининг форсча таржимаси унинг арабча нусхасини ўрганишда муҳим ҳисобланади.

Ибн Хауқал эса ал-Истаҳрий маълумотларини тўлдириш билан бирга ундаги баъзи муҳим жараёнларни назардан четда қолдирган. Масалан, Самарқанд рустоқлари тўғрисидаги маълумотлар бўлиб унда муаллиф Кушонияни Суғд шаҳарларининг “юраги” деб келтириб воқеалар марказида ушбу шаҳарни келтиришга ҳаракат қилган (Бетгер, 1957. С. 19). Рабинжон ва Дабусиянинг Зарафшон дарёсидан жанубда жойлашганлиги тўғрисида ҳам ушбу муаллиф маълумотлар келтиради.

Ал-Муқаддасий келтирган маълумотлар ҳам Суғддаги шаҳарлар тарихи ва улардаги ижтимоий-маданий маълумотларни тадқиқ этишда муҳим аҳамият касб этади. Тадқиқотчи О.Г. Большаковнинг фикрига кўра, ал-Муқаддасий Жайҳоний маълумотларига (афсуски, бу асар бизнинг кунларгача етиб келмаган) суянган. Ал-Муқаддасий берган маълумотлардан унинг узоқ вақт Бухорода яшаганлигини билиш мумкиндир (Беленицкий, Бентович, Большаков, 1973. С. 137). Ал-Муқаддасийнинг берган маълумотлари унинг шахсий кузатишлари асосида бўлиб, у воқеалар ривожини бир тизимга солган ҳолда тадқиқ этган. Ал-Муқаддасий Суғд шаҳарларидаги савдо муносабатлари, бозорлар ва уларнинг ўзига хос хусусиятлари, шаҳар аҳолисининг кундалик турмуш тарзи тўғрисида йирик маълумотлар мажмуини ёзиб қолдирган.

Зарафшон дарёси бўйлаб жойлашган Суғд шаҳарларининг топонимикаси ва тарихий географияси тўғрисида маълумотлар келтирилган «Ҳудуд ул-олам» асари муҳим аҳамият касб этади. Унда Суғд шаҳарлари номлари қисман ўзгарган ҳолда келтирилади. Масалан, «Ҳудуд ул-олам» да Панжикент шаҳри «шаҳрак» деган атама остида изоҳ берилган. “Шаҳрак” атамасини этимологик жиҳатдан таҳлил қилишга интилган В.В. Бартольд уни “шахсий шаҳар” деб изоҳлаган (Худуд ал–алем, 1930. 34а). Бироқ “шаҳрак” атамасидаги “ак” қўшимчаси шаҳарни “кичик” деб таърифлашга имкон беради. Яъни Панч “Ҳудуд ул-олам” да “кичик шаҳар” деб келтирилади (Ҳудуд ул–олам, 2008. С. 13-28).

IX-X асрларда ижод қилган ат-Табарий бўлиб, унинг «Тарих ар-русул ва-л-мулук» («Подшолар ва пайғамбарлар тарихи») асари маълум бўлиб, тарихчи ўз асарини ёзишда кўпроқ ал-Мадоиний маълумотларига (афсуски, ал-Мадоинийнинг асари бизгача етиб келмаган) таянади.

Табарийнинг «Тарих» асарида келтирилган Суғд конфедератив тузилмасининг бир қатор маҳаллий мулклари ҳамда вилоят марказий ҳокимиятига тегишли ноёб маълумотлар диққатга сазовордир. Булар орасида Суғднинг нисбий дипломатик мустақиллигини тасдиқловчи бир далилга диққат қаратмоқ зарур. Бу ҳам бўлса, Тархуннинг (700-710 йилларда Суғд подшоси бўлган) Суғд ҳукмдори сифатида Қутайба ибн Муслим (705-715) билан тузган тинчлик сулҳи эдики, унинг баёни “Тарихи Табарий” да алоҳида қайд этилган. Ушбу маълумот ҳам Суғд шаҳарлари ва уларнинг араблар билан олиб борган дипломат муносабатларни ўрганишда муҳим саналади.

Табарий маълумотларида Бухоро, Самарканд, Кушония, Панжикент ва бошқа бир қатор шаҳарлар тўғрисида маълумотлар келтирилган.

Суғд шаҳарларидаги ижтимоий муносабатлар масаласида Абу Саид Гардизийнинг «Зайн ул-ахбор» асарида келтирилган маълумотларни (Гардизий, 1991. С.30) таҳлил қилиш натижасида, Араб халифалиги истилоси ва ундан олдинги ҳамда кейинги даврларга оид кўплаб шахслар фаолиятини ёритиш асносида умумий тарихий жараёнга баҳо берилган.

Гардизийнинг бу асари Табарий асари каби ўрганилаётган давр ҳақида бизга тўлиқ малумот беролмайди. Бу эса ўрганилаётган мавзунинг асл моҳиятини батафсил ёритиш имкониятини бермайди.

Ан-Наршахийнинг «Бухоро тарихи» асарида Суғдга араблар босқини воқеаларининг ўзига хос тафсилоти келтирилади (Наршахий, 1966. С. 120). Шу билан бирга, бу даврда шаҳарлардаги ижтимоий муносабатлар масаласи алоҳида келтирилган. Асардаги маълумотлардан Бухоронинг Суғддаги мавқеи тўғрисида тушунчаларга эга бўламиз. Унинг бошқаруви ҳам ўзига хос: олий ҳукмдор “бухорхудот” деб аталади. У ўз номидан танга зарб этганлиги маълум.

Араб халифалиги қўшин тортган вақтда Бухоро маликаси уларга қарши кураша олмаслигини англаб, Суғд подшоси Тархундан ёрдам сўрайди. Тархун бошчилигидаги юз йигирма минг кишидан иборат қўшин ёрдамга келади. Лекин ёрдам кучлари мағлубиятга учраб, малика иложсиз Қутайба ибн Муслим билан сулҳ тузиб, унга дарвозаларни ва ташқарида бўлган кўшк эшикларини очади ва шаҳарни унинг ихтиёрига топширади (Наршахий, 1966. С. 42). Аммо иттифоқчилар қўшини бир юз йигирма мингта бўлмаган деган фикрлар ҳам мавжуд. Агарда қўшин сони шунчалик кўп бўлганда малика араб халифалиги аскарларига шаҳарни топширмаган бўларди (Отахўжаев, 2010. С. 112).

Бу воқеа тафсилотларини аниқлаш мураккаблик туғдиради. Лекин тарихий манбаларни таҳлил қилиш натижасида қуйидагича хулосаларга келиш мумкин. Тархун умумий душманга қарши Бухорога ёрдам беришни ўз вазифаси деб билган ва ёрдамга етиб келган. Қутайба ибн Муслим иттифоқчилар орасига иғво солиши, Тархун бошчилигидаги иттифоқда бўлиниш юз беришига олиб келган. Натижада, малика иттифоқчилар ёрдамидан умидини узган ва шаҳар дарвозаларини душманга очиб берган.

Ан-Наршахий яшаган даврдан асардаги маълумотлар келтирилган давр қарийб икки асрга фарқ қилади. Чунки унинг таржимонлари асарга қўшимча қилишган ва ўз замонларигача бўлган воқеаларни асарга қўшганлар. Ан-Наршахий эса муаллиф сифатида қолаверган. Бу асар даставвал ан-Наршахий томонидан араб тилида ёзилган. 1128 йили ал-Қубовий томонидан форс-тожик тилига таржима қилинган.

Мазкур асарда Марказий Осиёда араблар истилоси натижасида ислом динининг тарқалиши (VIII аср) ҳамда IX-XII асрлардаги Бухоро ва Бухоро воҳасидаги шаҳар ва қишлоқларнинг иқтисодий, сиёсий ва маданий тарихига оид маълумотлар берилади (Отахўжаев, 2010. С. 24-34). Асарда яна Бухоро халқининг Туркистон ва Еттисув турклари билан ўзаро сиёсий ва этник алоқалари ва бошқа бир қанча масалалар ёритилган.

Шу каби асарлар қаторига Самарқанд шаҳри тарихига оид ан-Насафийнинг (1142 йил вафот этган) «Китоб ал-Қанд фи тарихи Самарқанд» (“Самарқанд тарихидаги ширин китоб”) асарини киритиш мумкин. Афсуски, унинг арабча матни етиб

келмаган. Лекин, унинг форсча таржимада, қисқа шаклдаги турли нусхалари «Қандия Хурд» номи билан маълум (Кандия Малая, 1906. С.310).

Демак, илк ўрта аср муаллифлари асарларини ўрганиш асносида маълум бўладики, улар берган маълумотлар анчайин чекланган бўлиб, уларни тўлдириш учун аксарият ҳолларда археологик маълумотларга суянишга тўғри келади.

Бундан ташқари уларнинг баъзиларигина бу ерларга келган бўлиб, ушбу шаҳарлар тўғрисида кўпроқ эшитганларини ёзганлар. Шунинг учун ҳам уларни танқидий ўрганиш мақсадга мувофиқдир.

Фойдаланилган адабиётлар:

Белазури. Извлечения из книги “Китоб футух ал–Булдон” / Перевод извлечений С. Волина в кн. Туркмены. – Ашгабад: 1950. – Т. I.

Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. –Л: Наука, 1973.

Беруний, Абу Райҳон. Қадимги халқлардан қолган ёдгорликлар / А. Расулов таржимаси. Танланган асарлар. 1–жилд. – Тошкент: Фан, 1966.

Бетгер Е.К. Извлечение из книги «Пути и страны» Абу–л–Касыма Ибн–Хаукаля // Археология Средней Азии, выпуск IV. Труды САГУ, новая серия, вып. XI. Ташкент, 1957.

Бичурин Н.Я. (Иакинф). Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. – М.–Л.: АН ССР, 1950–1953.

Гардизий Абу Саид. Зайн ал–ахбар / Перевод с персидского языка А.К. Арендса. – Ташкент: Фан, 1991.

Гафуров Б. Г. Таджики. Древнейшая, древняя и средневековая история. Кн. 1. – Душанбе: Ирфон, 1989.

Гойибов Б. Место владения Панча в конфедерации Согда (на примере раннего средневековье). Автореф. на соискание ученой степени кандидата ист. наук. – Ташкент, 2011.

Ибн Хордадбех. Китаб ал–масалик ва–л–мамалик (Книга путей и стран) / Перевод с арабского, комментарии, исследование, указатели и карты Наили Велихановой. – Баку: Элм, 1986.

Ибн–Хаукал Абул–Касим. Китаб ал–Масалик вал–Мемалик / Перевод с арабского языка С. Волина. – Л., 1939.

История ат–Табари / Перевод с арабского В.И. Беляева. – Ташкент: Фан, 1987.

Кандия Малая. Перевод В.Л. Вяткина / Справочная книга Самаркандской области. – Самарканд, 1906.

Малявкин А.Г. Танские хроники о государствах Центральной Азии. Новосибирск. Наука, 1989.

Наршахий Абу Бакр Муҳаммад ибн Жаъфар. Бухоро тарихи / Форс–тожик тилидан таржима А.Расуловники. Тошкент. Фан, 1966.

Отахўжаев А. Илк ўрта асрларда Марказий Осиёда турк–суғд муносабатлари. – Тошкент: ART–FLEX, 2010.

Смирнова О.И. Монеты древнего Пенджикента // МИА, № 66 – М., 1959.

Смирнова О.И. Каталог монет с городища Пенджикент. – М: ИВЛ, 1963.

Смирнова О.И. Очерки из истории Согда. – М: Наука, 1970.

Смирнова О.И. Сводный каталог согдийских монет. – М: Наука, 1981.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. I. / А.А. Фрейман. Описание публикации и исследование. – М: Изд. Вост. лит–ры, 1962.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. II. / Юридические документы и письма. Чтение, перевод и комментарии В.А. Лившица. – М: Наука, 1962.

Согдийские документы с горы Муг. Вып. III: Хозяйственные документы / Чтен., пер. и коммен. М.Н. Боголюбова и О.И. Смирновой. – М.: ИВЛ, 1962.

Толстов С.П. К вопросу о датировке культуры Каунчи // ВДИ. – М., 1946. – №1.

Фирдавсий. Шоҳнома / Ўзбек тилига Ш. Шомуҳаммедов таржимаси. – Тошкент: Адабиёт ва санъат нашриёти, 1984.

Худуд ал–алем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В.В. Бартольда. – Л., 1930.

Ҳудуд ул–олам. (Мовароуннаҳр тавсифи) / Форсчадан таржима, сўз боши, изоҳлар ва жой ном. кўрс. О. Бўриев. – Тошкент: O’zbekiston, 2008.

Шефер Э.Х. Золотые персики Самарканда. Книга о чужеземных диковинах в империи Тан. – М: Наука, 1981.

Эргашева Б.С. Суғд ва Уструшона заргарлик санъати ҳунармандчилиги асбоблари ва буюмларини археология манбаларида ёритилиши / Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида. Конференция материаллари. – Самарқанд, 2010 йил 25–26 ноябр.

Baratova L. Alttürkische Münzen Mittelasiens aus dem 6. –10. Jh. N. Chr. Typologie, Ikonographie, historische Interpretation // Archalogische Mitteilungen aus Iran und Turan. Band 31. – Berlin, 1999.

Beal S. Buddhist records of the Western Word. – London, 1906. – vol. I.

Biblioteka geograforum arabikorum edidit M.J.De.Goeje. I–III. Lugduni Batavorum, I, Viae regnorum….. auctore Abu Ishak al–Istakhri, 1870; III, Descriptio imperii moslemiki auctore…. Al–Mokaddasi, 1877.

Chavannes E. Documents sur les Tou–kiue (Turks) occidentaux // Сборник трудов Орхонской экспедиции. – СПб., 1903. – Вып. 6.

Schefer Ed. The golden peaches of Samarkand: A study of Tang exotics. – Berkley and Los Angeles, 1963.

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

PIDAEV SH, ANNAYEV T., FUSSMAN G.
MONUMENTS BOUDDHIQUES DE TERMEZ
College de France, édition diffusion De Boccard, 2011. - 280 S. : Ill. - (Publications de l'Institut de Civilisation Indienne ; 79)

© 2012. Ж. Аннаев, М. Норқобилов
Мирзо Улуғбек номидаги Ўзбекистон Миллий университети,
Термиз давлат университети

Ватанимиз ҳудудидаги ҳар бир археология ёдгорлигини муфассал ўрганиш ва нашр қилиш ишига турли соҳа мутахассисларининг яқин ҳамкорлиги, шубҳасиз, ўзининг ижобий самараларини беради. 2011 йилда Ш. Пидаев, Т. Аннаев ва Ж. Фуссман ҳаммуаллифлигида Н. Симс-Вильямс, Э. Оливье иштирокида “Термизнинг буддавийлик ёдгорликлари” асарининг чоп этилиши бу каби ёндашувнинг ижобий маҳсулидир.

XX асрнинг 60-йилларида мунтазам ўрганила бошланган Термизнинг буддавийлик ёдгорликларидан ноёб бадиий санъат намуналари (деворий суратлар, ганч ва тошдан ясалган ҳайкаллар ва ҳ.к.) қатори қадимги ҳинд (кхароштҳи ва брахма), бақтрия ва номаълум хат намуналари ҳам кўплаб топилган. Ҳозирга қадар мавжуд маълумотларга қараганда Қоратепа буддавийлик иншоотлари мажмуидан 300 га яқин (Пидаев, 2011, 32-бет), Фаёзтепа буддавийлик ибодатхонаси 100 дан ошиқ (Воробьева-Десятовская, 1983, с. 34-42; Вертоградова, 1998, с. 200; Аннаев Дж, Аннаев Т, 2010, с. 56) сопол идишлар ва бўлакларда сақланиб қолган қадимги бақтрия, қадимги ҳинд (кхароштҳи ва брахма) ёзувлари ва номъалум хат намуналари топилган. Бугунда бу икки буддавийлик иншоотлари мажмуида 400 дан ортиқ эпиграфика намуналари тўпланган.

Муаллифлар жамоаси томонидан эълон қилинган икки жилдли “Термизнинг буддавийлик ёдгорликлари” асарида Термиз ва унинг атрофидаги археология ёдгорликларидан топилган эпиграфика намуналарини ўрганиш натижаларини шарҳлашдан олдин, бу обидаларда XX асрнинг 60-90 йиллари оралиғида тўпланган ёзувларнинг таҳлилига қисқача тўхталсак мақсадга мувофиқдир.

Эски Термиз буддавийлик ёдгорликларида тўпланган эпиграфика намуналари Т.В. Грек (Грек, 1964, с. 62-81; Грек, 1972, с. 114-117; Грек, Лившиц, 1972, с. 118-121) Я. Харматта (Харматта, 1969, с. 40-46), В.А. Лившиц (Лившиц, 1969, с. 47-81), В.А. Воробьева-Десятовская (Воробьева-Десятовская, 1983, с. 29-63), В.В. Вертоградова каби лингвистларнинг қатор мақолалари (Вертоградова, 1982, с. 134-159; Вертоградова, 1982, с. 169-167) ва бир монографияда (Вертоградова, 1995) ўз аксини топган.

Ўз навбатида икки жилддан иборат “Термизнинг буддавийлик ёдгорликлари” асари ҳеч бир муболағасиз бу кўп йиллик тадқиқотларнинг мантиқий якунидир.

Монографиянинг биринчи жилди асосан матн қисмидан иборат бўлса, унинг иккинчи жилди Термиз ва унинг ҳудуди хариталаридан, шу жумладан, Эски Термиз ёдгорлиги, Қоратепа, Фаёзтепа буддавийлик иншоотларининг космик хариталари, Эски Термиз археология ёдгорлиги топографик тарҳи, Қоратепа ва Фаёзтепа монастирларини меъморий тарҳлари ва сопол идишларга битилган эпиграфика намуналарининг оқ-қора суратларидан

иборат. Шунингдек, бу жилддан библиографик рўйхат, топонимик лўғат, инглиз ва рус тилларида баён этилган резюме ҳам ўрин олган. Монографиянинг биринчи жилдида Ж.Фуссманнинг сўзбошисидан сўнг Қоратепа ва Фаёзтепа буддавийлик монастирлари таърифланган. Эътиборли томони шундаки, бу бобда Қоратепа ва Фаёзтепада XX асрда амалга оширилган тадқиқотлар натижаларига ҳурмат билан қаралган ҳолда эпиграфика намуналарини ўрганиш давомида эришилган янгиликлардан кенг фойдаланилган. Асарда ўз ечимини топган қатор масалаларнинг аксарияти бевосита Тармита (Термиз) буддавийлик иншоотларидан топилган эпиграфика намуналарининг ўқилиши ва таҳлили натижаларига боғлиқ. Монографияда Термиз ва унинг атрофидан топилган жами 345 та эпиграфика намуналари таҳлил этилган. Шундан 226 таси бевосита Қоратепа буддавийлик иншоотлари мажмуидан топилган. Ўз навбатида 169 та ёзув бўлаги соф кхароштҳи ёзувида битилган бўлиб, шундан 3 та идишга битилган ёзув бўлаги мил. I асрнинг 20-50-йиллари, 11 та ёзув намунаси 50-йиллари билан саналанган.

Фаёзтепа буддавийлик монастиридан топилган 94 та ёзув намунасининг 8 таси бевосита мил. I асрнинг 50-йиллари билан саналанган. Шундай қилиб, эпиграфика намуналари ҳам нумизматика манбалари каби археология ёдгорликларини, шу жумладан Тармита (Термиз) нинг буддавийлик иншоотларини мутлақ саналашда муҳим манба бўлиб хизмат қилади. Эпиграфика манбаларининг ўрганилиши ва таҳлили натижаларига таянсак, Тармита (Термиз)да энг дастлабки буддавийлик иншооти Қортепа ўрнида милодий I асрнинг 20-50 йиллар оралиғида, Фаёзтепа ўрнидаги буддавийлик монастири милодий I асрнинг 50-йилларида барпо этилган. Қоратепа ўрнида буддавийлик иншооти бунёд этилган бўлса, Фаёзтепада узунлиги 118,40 м, томонлари 53,00 ва 54,00 метрли икки қисмли маҳобатли монастир қурилади (Дж. Аннаев, Т. Аннаев, 2010, с. 56). Фаёзтепа ўрнида ундан ҳам бурун буддавийлик билан боғлиқ иншоот мавжуд бўлган.

Бу монографияда Кампиртепадаги меъморий иншоотлардан бирининг пештоқига "Дама (Дама ушбу бинони қурдирган аёл исми) қурдирган" сўзини кхароштҳи ёзувининг эволюциясидан келиб чиққан ҳолда, милодий 100-250 йй. билан қайта саналаниши жуда муҳимдир. Маълумки, Э.В. Ртвеладзе томонидан Кампиртепадаги бу ёзув намунаси милоддан аввалги II-I асрлар билан саналанган (Ртвеладзе, 2009, с. 491).

"Термизнинг буддавийлик иншоотлари" асаридан маълум бўлмоқдаки, Шимолий Бақтриядаги энг қадимги ҳинд ёзуви намуналари мавжудлигига кўра, Окс (Амударё)дан шимолий тарафда буддавийлик даставвал Тармита (Термиз)га кириб келган.

Қадимги ҳинд ёзувининг иккинчи бир гуруҳи брахмада битилган бўлиб, уларнинг бир қисми 250-500 йиллар билан саналанган. Фаёзтепадан топилган брахма ёзувлари орасида бир дона хат бўлаги 400-500 йилларга оид деб аниқланган. Қоратепадан энг сўнгги ёзув намунаси *proto-s`aradā* бўлиб, 620-670 йилларга оид.

Шундай қилиб, монографияда баён этилган қадимги ҳинд эпиграфикаси намуналари Тармита (Термиз) буддавийлик иншоотларини даврлаштиришда муҳим манба бўлиб хизмат қилади.

Эпиграфик манбалар таҳлили натижаларидан яна бир муҳим хусусияти бу ёзувларда буддавий роҳиблар (Живананда, Буддашира, Сангхамирта ва Тармита қавмидан бўлган ҳадячиларнинг исмлари) тилга олинади. Қоратепа ёзувлари орасида Буддашира исми жуда кўп учрайди. Шу боис, монографиянинг биринчи жилдида бир боб бевосита Буддашира номи битилган ёзувларга бағишланган. У дхарма билимдони-юксак савияли илоҳиёт олими деб аталган. Асарда баён этилган илмий хулосалардан яна бири бу бевосита Қоратепа буддавийлик иншоотлари мажмуида ва Фаёзтепа ўрнида мавжуд бўлган монастирлар номининг ўқилишидир. Фаёзтепа ўрнидаги буддавийлик монастири ўзининг бутун фаолияти давомида "h*aya-vihara*" ("отли монастир") деб аталган.

Ўз даврида ҳиндшунос В.В. Вертоградова ҳам Фаёзтепа ўрнида мавжуд бўлган монастир номини "h*aya -vihara*" тарзида ўқиган, аммо олима бу ном "ҳали ўзининг илмий ечимини топиш учун изланишларни талаб этади" деб таъкидлаган эди.

Ж. Фуссман таъкидлашича, Қоратепа буддавийлик маркази ўзининг бутун фаолияти давомида икки ёки уч ном билан аталиб келинган.

«Khadeuk*a-vihara» ёки «*Khad*evaka-vihara»,* "ҳукмдор монастири" (В.В. Вертоградова ҳам айни шу тарзда изоҳлаган), "dramila-vihara" "Тамил монастири" (бу Жанубий Ҳиндистон ҳудуди билан боғлиқликни кўрсатади) ва "Oka-vihara". Аммо деб такидлайди Ж.Фуссман, бу сўнгги ном ҳали тўлалигича ўқилмаган бўлиши мумкин.

Асарнинг қисқача тафсилотидан ҳам англашиладики, Қоратепа ва Фаёзтепа буддавийлик монастирларидан топилган эпиграфика манбалари ўзида кўплаб маълумотларни қамраб олиб, ҳар бир иншоот тарихини яхлит ўрганишда муҳим манба бўлиб хизмат қилади.

Шарҳимиз сўнггида "Термизнинг буддавийлик ёдгорликлари" асарининг муаллифларига ўз миннатдорчилигимизни билдириб қоламиз.

Адабиётлар рўйхати:

Аннаев Дж, Аннаев Т. Архитектурно-планировочная структура и датировка буддийского монастыря Фаязтепа. - Традиции Востока и Запада в античной культуре Средней Азии. Ташкент, 2010.

Вертоградова В.В. Об одной индийской надписи на Кара-тепе. – Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М.,1975.

Вертоградова В.В. Индийские надписи на керамике из раскопах 70-х годов на Кара-тепе. – Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.,1982.

Вертоградова В.В. Находка надписи неизвестным письмом на Кара-тепе. – Буддийские памятники Кара-тепе в Старом Термезе. М.,1982.

Вертоградова В.В. Индийская эпиграфика Кара-тепе в Старом Термезе. Проблемы дешифровки и интерпретации. М.,1995.

Вертоградова В.В. Находка индоязычных буддийских письменных памятников в Средней Азии. В книге: Ставиский Б.Я. Судьбы буддизма в Средней Азии. М., 1998.

Воробьева-Десятовская В.А. Памятники письмом кхароштхи и брахми из Советской Средней Азии. - История и культура Центральной Азии. М., 1983.

Грек Т.В. Индийские надписи на керамике из Кара-тепе. - Кара-тепе буддийский пещерный монастырь в Старом Термезе. М.,1964.

Грек Т.В. Новые индийские надписи из раскопок на Кара-тепе.-Буддийский культовый центр Кара-тепе в Старом Термезе. М.,1972.

Грек Т.В, Лившиц В.А. Двуязычная надпись из Кара-тепе. - Кара- буддийский культовый центр в Старом Термезе. М.,1972.

Лившиц В.А. К открытию бактрийских надписей на Кара-тепе.-Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М.,1969.

Лившиц В.А. К интерпретации бактрийских надписей из Кара-тепе. - Новые находки на Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1975.

Пидаев Ш.Р. Қадимги Ўзбекистонда буддавийлик ва буддавий мерос. Тошкент, 2011.

Ртвеладзе Э.В. Система письменности. – В кн: История государственности Узбекистана. Ташкент, 2009.

Харматта Я. К интерпретации надписей на керамике из Кара-тепе.-Буддийские пещеры Кара-тепе в Старом Термезе. М., 1969.

Oskar von Hunűber. A Brahmi-Inscription from Kara-tepe.-Studies in Indo-Asian Art and Culture, 6, New-Delhi, 1980.

Oskar von Hunűber. Inscribed Vessels from Buddhist Monasteries in Termez and Salihundam.- Pakistan Archeology 26-1, 1991.

СОБИРОВ Қ. ХОРАЗМНИНГ ҚИШЛОҚ ВА ШАҲАРЛАРИ МУДОФАА ИНШООТЛАРИ (мил. авв. VI - милодий IX асрлар).
Тошкент, "Фан", 2009, 195 бет.

© 2012. М. Пардаев
Ўзбекистон Республикаси Фанлар академияси Археология институти

Марказий Осиёнинг кўҳна тарихий-маданий ўлкаларидан бири, Амударёнинг қуйи ҳавзасида вужудга келган Хоразм воҳаси минтақадаги қадимги суғорма деҳқончилик ва шаҳарсозлик маданияти шаклланган, истиқболда тараққий этган маданий марказлардан бири ҳисобланди. Инсоният тарихининг барча даврларидаги ижтимоий, иқтисодий, маданий тараққиёт жараёнлари ва хусусиятларини ўзида мужассам этган Хоразм цивилизацияси тизимида қадим ва ўрта асрлар даври қишлоқ ва шаҳарлари тарихи алоҳида ўрин тутади. Хусусан, қадимги қишлоқ маконлари ва уларнинг такомиллашувидан ҳосил бўлган шаҳарсозлик маданияти, шаҳар турмуш тарзи ва анъаналари, жамият тараққиётининг асосий ҳаракатлантирувчи кучи бўлган илм-фан, маънавий ҳаёт, ишлаб чиқариш, савдо-сотиқ каби муҳим аҳамиятга молик омиллар учун муайян шароитларга эга, бехатар макон ҳисобланган. Қадимги давр жамиятининг иқтисодий ҳаётида ишлаб чиқарувчи хўжалик устувор мавқега эга бўлиб, эндиликда, аввалги даврларга нисбатан моддий -товар бойликлари яратиш ҳажмининг кескин ошиши сабабли, ўтроқ деҳқон хўжаликлари яшаётган маконларнинг хавфсизлигини таъминлаш долзарб масалага айланган. Шу мақсадда, турар-жой мавзеларини пахса, хом ғишт, гувалаклардан кўтарилган деворлар билан ўраб олиш бошланиб, дастлабки мудофаа иншоотларини бунёд этилишга сабаб бўлган. Шаҳарсозлик маданияти, қишлоқ қурилиш тарихида катта аҳамият касб этган, ушбу бунёдкорлик ишларининг узвий, ажрамас таркибий қисми бўлган мудофаа иншоотлари тизими, ўзбек халқининг шаҳарсозлик, давлатчилик тарихи учун қимматли маълумотлар берадиган моддий-маданият обидалари бўлиб, уларни ўрганиш ҳар доим археология фанининг долзарб мавзулари сирасига кирган. Тажрибали археолог Қурбонбой Собировнинг ушбу мавзуга бағишланган мазкур монографиясида Хоразм воҳасининг қадим ва илк ўрта асрларда фаолият кўрсатган қишлоқ ва шаҳарлари мудофаа иншоотлари тарихи қазиб очилган археологик ёдгорликлар ва ёзма манбалар маълумотлари асосида тадқиқ қилинган.

Монография кириш, 6 та параграфдан иборат 3 та боб хулоса ва библиографиядан иборат. "Хоразм воҳаси қадимги ва илк ўрта асрлар даври шаҳарлари мудофаа иншоотларининг археологик жиҳатдан ўрганилиши" деб аталган дастлабки бобда, тадқиқ этилаётган воҳанинг физик-географик тавсифи, инсон истиқомати ва хўжалик юритиши учун азалий қулай табиий-иқлим шароити ҳамда

қадимги қишлоқ ва шаҳар ёдгорликларининг қарийб 130 йил мобайнидаги археологик ўрганилиши тарихи анча муфассал ёритилган ва таҳлил қилинган. Бунда, муаллиф Хоразм воҳаси мудофаа иншоотлари тарихига оид тўпланган маълумотларнинг таҳлилига кўра, муаммони беш даврга ажратиб ўрганишни тавсия қилади.

Китобнинг "Хоразмнинг қадимги ва илк ўрта асрлар қишлоқ ва шаҳарлари мудофаа иншоотларида археологик тадқиқотлар" номли II бобида воҳадаги мил. авв. VI - милодий IX асрларга оид қишлоқ ва шаҳар ёдгорликларида ўтказилган археологик изланишлар натижалари таҳлил қилинган. Таҳлил учун 126 та ёдгорлик жалб қилинган бўлиб, Катқалъа (Шовот), Тупроққалъа (Шовот), Хазарасп, Қалажиқ, Олмаотишган-2 каби қалъалар мудофаа иншоотлари тизими муаллиф томонидан шахсан ўрганилган.

Китобнинг III боби "Хоразм мудофаа иншоотларининг тарихий илдизлари ва асосий ривожланиш босқичлари" деб номланган бўлиб, унда ўрганилаётган давр мудофаа иншоотларининг таҳлили, қурол-аслаҳа ва ҳарбий техниканинг аниқ вазифалари атрофлича баён қилинган. Хулосада Хоразм мудофаа иншоотларининг шаклланиши, босқичма-босқич ривожланиши ва ҳар-бир навбатдаги босқичларда (мил. авв. VI-V аср; мил. авв. IV- мил. III аср; IV-IX аср) мудофаа тизимларининг ўзгариши, такомиллашуви муайян ёдгорликлар мисолида аниқланган.

Назаримда, монография баъзи бир камчиликлардан ҳоли эмас:

1. I бобнинг мавзунинг ўрганилиши тарихига бағишланган 2-параграфида (16-бет) манбашунослик (1-давр) ва тарихшуносликка (2-5 давр) оид маълумотлар аралаштириб юборилган;

2. Монографиянинг режавий тузилиши (мундарижа)да айрим номутаносибликлар мавжуд. Хусусан, мавжуд 3 та бобнинг параграфлари, нафақат, сон жиҳатидан, (I боб 2 та; II боб 1 та, III боб 3 та параграфдан иборат), балки мазмунан ҳам ғайритабиий кўринишга эга. Масалан, II бобнинг ягона "Милоддан аввалги VI - милодий IX асрлар қишлоқ ва шаҳарлар мудофаа тизимининг археологик жиҳатдан ўрганилиши" деб номланган параграфи ўз номи (мавзуси)га кўра, I боб номининг айнан ўзи бўлгани ҳолда, нима учундир кейинги бобдан ўрин олган. Шундай эътирозли фикрни III бобнинг 1 ва 2 - параграфларига нисбатан ҳам билдириш мумкин;

3. Ўзбекистон археологиясининг долзарб, махсус мавзусига бағишланган ушбу тадқиқотда қарийб 130 га яқин қишлоқ ва шаҳар ёдгорликлари мудофаа тизимлари ўрганилиб таҳлил қилинган ҳолда, ишга уларнинг чизмалари, тегишли жадвал ва хариталари илова қилинмаган.

Лекин, алоҳида таъкидлаш лозимки, мазкур камчиликлар тадқиқотнинг мақсади, вазифалари, илмий янгилиги каби сифатларини, мавзунинг тавсифи ва таҳлили орқали чиқарилган хулосаларнинг илмий аҳамиятини, бу борадаги муаллиф Қ. Собировнинг хизмати даражасини пасайтирмайди. Монография Марказий Осиё халқларининг қишлоқ ва шаҳар қурилишининг муҳим таркибий қисми мудофаа иншоотлари тарихига оид ўзбек тилида ёзилган илк илмий асарлардан бири сифатида, унда қайд этилган маълумотлар Ўзбекистон тарихи, Хоразм цивилизацияси масалалари билан шуғулланувчилар учун жуда муҳим ва фойдали қўлланма бўлиб хизмат қилади. Китобга академик А. Асқаров муҳаррирлик қилган.

АХБОРОТ

ХРОНИКА

“ЎЗБЕКИСТОН ТАРИХИНИНГ ДОЛЗАРБ МУАММОЛАРИ ЁШ ТАДҚИҚОТЧИЛАР ТАЛҚИНИДА”

(2012 йил 5-6 апрел кунлари бўлиб ўтган ёш олимларнинг Республика илмий амалий конференцияси)

Маьлумки, 2010 йил ЎзР ФА Археология институти “Ёш олимлар Кенгаши” томонидан ўтказилган ёш олимлар илмий амалий конференциясининг якуний қарорида конференцияни аньанавий равишда хар йили ўтказилиш лозимлиги келишиб олинган эди. Шу сабабли, 2012 йил 5-6 апрел кунлари кенгаш аьзоларининг ташаббуси ва институт маьмуриятининг кўмаги ёрдамида навбатдаги конференция ўз ишини бошлади.

Шуни алоҳида таькидлаш лозимки, жорий йилдаги конференция ўтган йилдаги конференцияга нисбатан муаллифлар “география”сининг кенгайганлиги, мақолаларнинг сони ва илмий жиҳатдан сифат даражаси ошганлиги билан алоҳида аҳамиятлидир. Хусусан, конференцияга иштирок этиш истагини билдирган ёшлардан 50 дан зиёд мақолалар келган бўлиб, унинг каттагина қисмини илм соҳасида катта тажрибага эга бўлган ёш тадқиқотчилар, фан номзодлари ташкил этди. Бу эса ўз навбатида конференциянинг ва унинг натижаларига бағишлаб чоп этилаётган тўпламни ҳам илмий доираларда аста-секин ўз ўрнига эга бўлаётганлигидан далолат беради. Хусусан, бу борада юртимизнинг деярли барча вилоятлардаги ОЎЮ ларининг, ИТИ нинг ёш тадқиқотчилари билан бирга Франция, Япония ёш мутахассисларинг ҳам мақолаларини ушбу тўпламда чоп этлиши юқоридаги фикримизни тасдиқлайди.

Конференциянинг тантанали очилишида сўзга чиққан Археология институти директори А.Э. Бердимуродов, ФарДУ профессори М.Ҳ. Исамиддинов, Самарқанд Давлат музей қўриқхонаси директори М.Х. Бобоёров , “Мозийдан садо” журнали бош муҳаррири З. Хакимов, Маданий обьектларни қўриқлаш ва муҳофаза қилиш Самарқанд вилояти инспекцияси бошлиғи М. Набераевалар конференция ҳамда “Ёш олимлар Кенгаши” фаолиятини юқори баҳолаб, ғоят машаққатли, лекин ўта маьсулиятли бўлган илм фан йўлида фаолият юритаётган ёшларни табриклаб, ўз тилакларини билдириб ўтишди. Хусусан, улар томонидан мустақиллик йилларида ҳукуматимиз томонидан ёшларга катта эьтибор берилаётганлиги, жумладан, уларнинг илмий фаолиятлари ҳар томонлама қўллаб-қувватланаётганлиги алоҳида таькидлаб ўтилди.

Шундан сўнг, конференция шўьбаларга бўлинган ҳолда ўз ишини давом эттирди. Жумладан, археология шўьбасида ҳар бир маъруза кескин мунозара, баҳс остида ўтиб бу ёш олимларга ўз соҳалари буйича янги маьлумотлар олиш, тажриба ва кўникмага эга бўлиш имконини берди. Хусусан, япониялик ёш тадқиқотчи Томоми Мураками “Chemical study of metal thread unearthed in the site of Dabusia” мавзуидаги мақоласи конференция қатнашчилари орасида катта қизиқиш ўйғотди. Мақола Дабусия ёдгорлигида олиб борилган қазишмалар натижасида топилган мис ва пахта

толаси билан аралашган ипнинг кимёвий тадқиқотига бағишланган бўлиб, у ўрта аср саноатида кам учрайдиган топилма ҳисобланади. Ёш олиманинг ушбу топилманинг кимёвий жихатлари, унинг ўзига хос хусусияти, тарқалиш географияси ва унинг бошқа минтақаларда аниқланган шундай топилмалар билан қиёсий таҳлили конференция аъзоларида катта таассурот қолдирди. Шунингдек, Шарқшунослик институти илмий ходими, тарих фанлари номзоди Ғ. Бобоёровнинг “Доисламские монеты Самаркандского Согда: новые чтения и интерпретации легенд” номли маърузаси эса илк ўрта аср Суғд тангаларига бағишланган бўлиб, тадқиқотчи тангаларнинг ўқилиши, улардаги ҳукмдор суратларининг янгича талқинда берилиши нафақат, конференциянинг ёш иштирокчилари, балки етук мутахассисларда ҳам катта қизиқиш ўйғотиб, қизғин баҳсларга сабаб бўлди. Худди шундай жараён Тарих ва манбашунослик шуьбасида ҳам кузатилди. Жумладан, Қорақалпоқ Давлат университети тадқиқотчиси Б. Бекниязовнинг “Ёзма манбаларда Хоразмшоҳлар даври шаҳарлари ҳақида” мавзуидаги маърузаси ҳам конференция аъзолари томонидан илиқ кутиб олинди. Маърузада Абу Саид ас-Самоний, ал-Йақут, ал-Ҳамавий, Ибн ал-Асир, ал-Жувайний, ал-Қазвиний каби ўрта аср тарихчи олимларининг Хоразмшоҳлар даври шаҳарларининг маьмурий, жуғрофик қиёфаси, маданияти, топонимикаси, ҳудуди, ҳунармандчилиги, савдо алоқалари борасидаги атрофлича таҳлил қилинган маьлумотлари анжуман иштирокчиларида катта таассурот қолдирди.

Конференция якунида унинг юқори савияда ўтказилганлиги алоҳида таькидланиб, унда ёш олимларга ўз салоҳиятларини намойиш қилиш ҳамда бошқа илмий муассасалар ва олий ўқув юртларидан келган ёш мутахассислар билан танишиш ва тажриба алмашиш имкониятини берганлиги қайд этилди. Конференция ишида фаол қатнашган бир гуруҳ ёшлар институт ва “Ёш олимлар кенгаши”нинг фахрий ёрлиқлари билан тақдирландилар.

К.А. Раҳимов, М.М. Саидов

ЮБИЛЯРЛАРИМИЗ

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 80 ЛЕТИЮ ЗАМИРЫ ИСМАИЛОВНЫ УСМАНОВОЙ

Усманова Замира Исмаиловна родилась 10 августа 1932 г. в г. Самарканде в семье служащих: отец Исмаил Усманов – сотрудник Гражданского Аэрофлота, мать Зарифа Юнусовна Тахирова – комсомольско-партийный работник. Счастливое детство и школьные годы связаны с Туркменией, семья жила в основном в авиагородках с русскоязычным населением и поэтому с детства она хорошо говорила на русском языке. После ашхабадского землетрясения в 1948 г. семья переехала в Ташкент, где закончила женскую школу № 39 в г. в 1950 г. и поступила в САГУ (позже ТашГУ) на исторический факультет на кафедру археологии Средней Азии, которой руководил проф. Михаил Евгеньевич Массон.

В период учебы Замира Исмаиловна была активным членом Студенческого научного кружка (СНАК) и совместно со Светланой Луниной, при сопровождении ее отца Бориса Владимировича, по заданию М.Е. Массона, обследовали ряд памятников Ташкентской области, результаты которых были темами научных студенческих работ, опубликованные затем в соответствующих сборниках. В процессе учебы участвовала в полевых работах ЮТАКЭ, где проходила археологическую практику.

З.И. Усманова является первой девушкой-узбечкой, окончившей кафедру археологии. В связи с этим проректор Дмитрий Дмитриевич Столяров передал с кафедры политэкономии на кафедру археологии специально для Замиры Исмаиловны аспирантское место. Сама Замира Исмаиловна часто добрым словом вспоминает Д.Д. Столярова и декана А.Х. Хамраева.

После успешного окончания учебы в аспирантуре при кафедре (1955-1958 гг.), Усманова З.И. была принята на работу в качестве преподавателя. Ею в разные годы читались спецкурсы: «Основы археологии» для историков. «Археология СССР» для археологов, «Искусство Древнего Востока», «Методика полевых исследований», «Керамическое производство Средней Азии», «История развития архитектуры Средней Азии с древнейших времен», «История материальной культуры Ирана и Афганистана» и «Искусство арабских стран» для студентов восточного факультета; «Искусство древнего Востока и Средней Азии» - для студентов театрального института.

Учителями и наставниками были проф. Михаил Евгеньевич Массон и Галина Анатольевна Пугаченкова, которые с большой теплотой и пониманием относились к ней и помогали в научно-педагогической деятельности.

Замирой Исмаиловной осуществлялось руководство полевой археологической практикой, а также историко-архитектурной практикой студентов в г. Самарканде.

Помимо основной педагогической деятельности Замира Исмаиловна занималась научно-исследовательской работой по двум темам: на кафедре – «Историческая топография г. Шахрисабза» и «Своду археологических памятников области Кеш». По ЮТАКЭ – «История городища Эрк-кала Старого Мерва» в историко-археологическом аспекте. По этой теме защитила кандидатскую диссертацию в 1969 г., а затем получила диплом на звание доцента.

Занимаемая должность обязывала З.И. Усманову выступать в качестве оппонентов при защите дипломных работ студентов, диссертаций, готовить отзывы на научные рукописные сборники Института искусствознания и других организаций, подготовленных к публикации, а также рецензии на уже опубликованные работы, отзывы на авторефераты кандидатских и докторских диссертаций. Приходилось работать в тесном контакте с Институтом археологии АН РУз, музеями, Республиканским обществом охраны памятников, совместно с которым организовывали «Массоновские чтения».

Замира Исмаиловна принимала участие в научных конференциях и симпозиумах, где выступала с докладами и сообщениями, а также, будучи заведующей кафедрой археологии Средней Азии (1981-1992 гг.), принимала участие в ежегодных отчетных конференциях по итогам археологических исследований, которые проходили в столичных городах Закавказья, Средней Азии, Москве, Ленинграде, Киеве.

Организованная в начале 90-х гг. экспедиция «Великий шелковый путь» ЮНЕСКО, посетила городища Старого Мерва и ознакомилась с большим объемом работ на Эрк-кале, а в г. Мары на заседании был заслушан отчет З.И. Усмановой о результатах многолетних работ на цитадели древнего Мерва. За успешную работу З.И. Усманова была премирована медалью ЮНЕСКО. В Узбекистане такую медаль получила Г.А. Пугаченкова. На материалах Эрк-калы был отмечен 2700 – летний юбилей Мерва.

Сотрудники кафедры под руководством Замиры Исмаиловны вели многолетние раскопки по изучению исторической топографии и определению возраста г. Шахрисабза – родины Амира Темура. Был опубликован сборник «Шахрисабз» в двух частях (Ташкент, 1993). К Шахрисабзу было уделено особое внимание в связи с празднованием 600-летнего юбилея Амира Темура, награждением города орденом «Амира Темура» и открытием в Ташкенте музея и памятника Сахибкирану – великому государственному деятелю и полководцу Амиру Темуру. В январе 1997 года на собрании актива и общественности г. Шахрисабза обсуждался вопрос изучения истории древнего Кеша и проведения археологических работ. В этой связи было принято решение обратиться к ученым кафедры археологии Средней Азии, которые работали много лет по изучению исторической топографии города Шахрисабза (З.И. Усманова) и всего Кешского региона - на памятниках с эпохи поздней бронзы и раннего железа. Установлено, что столичный центр области Кеш перемещался от Узынкыра к Китабу и далее. Город Кеш в письменных источниках отождествляется с г. Шахрисабзом. Таким образом, на археологических материалах кафедры археологии стало возможным определить возраст Шахрисабза, и принять решение ЮНЕ-

СКО о праздновании в 2002 году его 2700-летнего юбилея. Ему было посвящено юбилейное издание истории города - «Шахрисабз. Наследие тысячелетий» (Ташкент, 2002). В написании этой книги основной неоценимый вклад был сделан академиком Э.В. Ртвеладзе - воспитанником кафедры археологии ТашГУ.

По просьбе директора Института археологии АН РУз акад. А.Р. Мухамеджанова доцент З.И. Усманова со студентами кафедры археологии принимала участие в работах на городище Ахсикет в 1980-1981 гг., некоторые из числа этих бывших студентов успешно защитили кандидатские диссертации и работают в настоящее время в Институте археологии АН РУз. Следует особо отметить инициативу Замиры Исмаиловны по подготовке национальных кадров для археологии Узбекистана и республик Средней Азии и Кавказа, большинство из них в настоящее время работают в музеях и Институте археологии Узбекистана. В период заведования кафедрой Замирой Исмоиловной подготовлено 10 археологов из Азербайджана, а в 1993 г. кафедру закончили 16 иностранных студентов из Афганистана, Йемена, Мали, Эфиопии и Мозамбика.

З.И. Усманова вела постоянно общественную работу. Являлась членом месткома ТашГУ от истфака, трижды исполняла обязанности председателя избирательной комиссии университетского округа Сабир-Рахимовского (ныне Алмазарского) района и выполняла ряд неотложных поручений по факультету. Замира Исмаиловна проработала в университете более 40 лет (1959-1996), ее научно-педагогический труд был отмечен множеством почетных грамот, медалью «Ветеран труда» за долголетний и добросовестный труд, а в юбилейном году в честь 70-летия ТашГУ парткомом была персонально выделена машина «Москвич 412». С 1996 г. Замира Исмаиловна на пенсии, но не прерывает связь со своими учениками – коллегами и продолжает принимать участие в научных конференциях, выступая с докладами.

Для многих студентов кафедры З.И. Усманова является не только учителем и наставником, ее связывают с ними дружеские отношения. Некоторые помнят ее почти материнскую заботу. Она никогда не равнодушна к проблемам своих питомцев. Со многими она ведет многолетнюю переписку, дружит с родителями выпускников. Ее энергии и отзывчивости хватает на всех без исключения. Наши дети также чувствуют тепло и поддержку Замиры Исмаиловны.

Замира Исмаиловна является одной из хранительниц и продолжательницей традиций массоновской археологической школы, не только в плане археологических раскопок, но и в организации бытовых условий жизни во время экспедиций. Распорядок в лагере был заведен железный, вечером после ужина каждый день проходили отчеты начальников раскопочных площадок, а также периодически проводились заседания СНАКА, обычно в воскресные дни.

Ее семья, в лице супруга Ахрарова Инколоб Ахраровича, сестры Ахунбабаевой Назиры, также археологов по специальности, дочери Сайеры и зятя Ибрата, внуков является ее поддержкой. Ее внучка Камила продолжает традиции бабушки, учится в Сорбонне по специальности «Искусствоведение». Внук Иззат имеет востоковедческое образование.

Мы в лице всех выпускников кафедры археологии, а также всех коллег-археологов Узбекистана желаем Замире Исмаиловне здоровья, творческого долголетия и благополучия ее близким.

С.Р. Ильясова, Л.С. Баратова

СПИСОК НАУЧНЫХ ТРУДОВ З.И. УСМАНОВОЙ

1955.

1. Средневековая поливная керамика Ташкента // Сборник студенческих работ САГУ. Вып. X. Ташкент, 1955.

1956.

2. Из археологических наблюдений на Кугаит тепе близ Ташкента // Труды САГУ. Вып. LXXXI. Ташкент, 1956. (в соавторстве с С.Б. Луниной).

1957.

3. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназа и Занги-Ата // Труды САГУ IV (Вып. CXI). Ташкент, 1957. (в соавторстве с С.Б. Луниной).
4. Первая Среднеазиатская студенческая археологическая конференция // СА. М, 1957. № 2. (в соавторстве с С.Б. Луниной).

1960.

5. О времени возникновения поселения на месте городища Эрк-кала // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1960. № 4.
6. Керамические ядра из Мерва // Труды ТашГУ. Вып. 172. Археология Средней Азии V. Ташкент, 1960.
7. Керамика с поселения Ногай-Курган близ Ташкента // Труды ТашГУ. Вып. 172. Археология Средней Азии V. Ташкент, 1960. (в соавторстве с С.Б. Луниной).

1961.

8. Новые находки фрагментов древних тканей из Эрк-калы в Старом Мерве // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1961. № 2.

1963.

9. Бусы из Кувы // Труды ТашГУ. Вып. 200. Археология Средней Азии. VI. Ташкент, 1963. (в соавторстве с И.А. Ахраровым).
10. Коринфизированная капитель из Мерва // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1963, № 1. (в соавторстве с Г.А. Кошеленко).
11. Эрк-кала (по материалам ЮТАКЭ 1955-1969) // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.
12. Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Труды ЮТАКЭ. Т. XII. Ашхабад, 1963.

1964.

13. К истории городских укреплений древнего Мерва // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1964. 1. (в соавторстве с Г.А. Кошеленко).
14. Новые данные к исторической топографии г. Шахрисабза // Материалы сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1964 г. в СССР. Тезисы докладов. Баку, 1965.

1966.

15. Арчевые строительные балки античного времени из раскопок на городище Старого Мерва // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1966. № 1.
16. Раскопки арсенала сасанидского времени в Эрк-кале // Археология Средней Азии. VII. Труды ТашГУ. Вып.295. Ташкент, 1966.
17. Виноградодавильни конца XVII – первой половины XIX в. на городище Анау // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1966. № 6.

1967.

18. Южно-Туркменистанской археологической экспедиции двадцать лет // СА. М.,

1967, № 1. (в соавторстве с В.И. Сарианиди).

1969.

19. Новые данные к археологической стратиграфии Эрк-калы // Труды ЮТАКЭ. Т. XIV. Ашхабад, 1969.
20. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции // АО 1968. М., 1969. (в соавторстве с С.Б. Луниной).
21. Эрк-кала – городище Старого Мерва поры античности и раннего средневековья (к истории развития древних городов Средней Азии). АКД. Ташкент, 1969.

1970.

22. Раскопки в Эрк-кале // АО 1969. М., 1970.
23. К вопросу о времени сложения первого городского центра на территории Средней Азии // Материалы по истории и археологии Средней Азии. Научные труды ТашГУ. Вып.392. Ташкент, 1970.

1971.

24. Коллекция каменной утвари // Памятники Туркменистана. № 2 (12). Ашхабад, 1971. (в соавторстве с С.В. Тихомировым).

1972.

25. Раскопки в Мерве // АО 1971. М., 1972.
26. Кашкадарьинская экспедиция // АО 1971. М., 1972. (в соавторстве с С.Б. Луниной, Н.П. Столяровой).
27. Эрк-кала // Памятники Туркменистана. № 2-14. Ашхабад, 1972.

1973.

28. Древний город Мерв // Древний город Средней Азии. Л., 1973.
29. Новые данные к истории Шахрисабза // Материалы по истории и археологии Узбекистана. Научные труды ТашГУ. Вып.441. Ташкент. 1973.
30. Новые данные к истории памятников среднего течения Кашкадарьи // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых исследований 1972 года. Ташкент, 1973. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской).
31. Работы в Кашкадарье // АО 1972. М., 1973. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской).
32. К вопросу о ранней античной керамике древней области Кеш // ИМКУ. Вып. 10. Ташкент, 1973.

1974.

33. Раскопки в Старом Мерве // АО 1973. М., 1974. (в соавторстве с Т. Ходжаниязовым).
34. Новые данные к изучению памятников среднего течения Кашкадарьи // Научные труды ТашГУ. Вып.473. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1974. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской).

1975.

35. К стратиграфии верхних культурных слоев средневековых городищ Камашинского района // Материалы по истории, историографии и археологии. Научные труды ТашГУ. Вып.482. Ташкент, 1975. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской).
36. Раскопки в Мерве в 1974 г. // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Ч. II. Киев, 1975.
37. Продолжение раскопок в Старом Мерве // АО 1974. М., 1975.
38. К стратиграфии верхних (VIII – XIII вв.) наслоений памятников зоны Чимкурганского водохранилища // ИМКУ. Выпуск 12. Ташкент, 1975. (в соавторстве

с С.К. Кабановым).

1976.

39. Раскопки на городищах Старого Мерва // АО 1975. М.,1976. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской).
40. Археологические раскопки в Мерве // Тезисы докладов XIV Международной конференции античников. Ереван, 1976.
41. Изучение крепостных стен и буддийского памятника в Мерве // Сборник научных трудов ТашГУ. Вып.517. Ташкент, 1976.
42. К истории Кеша (в помощь лектору) //Общество охраны памятников истории и культуры Узбекистана. Ташкент, 1976.
43. Историческая топография области Кеша и Несефа. Археологическое изучение городов и поселений. Ташкент, 1976. УДК 902.6 (575.I), Гос. Рег. 71071045, инв. № 5504597. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, Н.И. Крашенниниковой, С.Б. Луниной.

1977.

44. Новое о раннесредневековом гончарном производстве в долине Кашкадарьи // ОНУ. Ташкент, 1977, № 4. (в соавторстве с С.Б. Луниной).
45. Работы маршрутного отряда Кешской экспедиции // АО 1976. М., 1977. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, Е.Б. Пругер).
46. Классификация раннесредневековых памятников среднего течения Кашкадарьи // Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции в городе Пенджикенте Тадж. ССР 26 -31 августа 1977 г. Душанбе, 1977. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, А.С. Сагдуллаевым).
47. Памятники буддизма в раннесредневековом Мерве //Раннесредневековая культура Средней Азии и Казахстана. Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции в городе Пенджикенте Тадж. ССР 26-31 августа 1977 г. Душанбе, 1977.
48. Историческая топография Шахрисабза в свете новых данных // Научные труды ТашГУ. Вып.533. Ташкент, 1977.
49. ЮТАКЭ и краеведение // Памятники Туркменистана. № 1-23. Ашхабад, 1977.
50. Буддийский памятник в Мерве // Научные труды ТашГУ. Вып.583. Ташкент, 1977.

1978.

51. Разведки в Южном Согде // АО 1977. М., 1978. (в соавторстве с А.С. Сагдуллаевым).
52. Буддийский памятник в Мерве // АО 1977. М., 1978. (в соавторстве с О.А. Папахристу).
53. Новые данные к истории Бухары // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978. (в соавторстве с И. Ахраровым).

1979.

54. Особенности древней фортификации Мерва // Научные труды ТашГУ. Вып. 556. Ташкент, 1979.
55. Раскопки буддийского памятника III-VI вв. в Мерве // УСА. Вып.IV. Л., 1979.
56. Археологические комплексы Эрк-калы и Гяур-калы – основа периодизации городской культуры античного Мерва // Всесоюзное научное совещание «Античная культура Средней Азии и Казахстана». Ташкент, 1979. (в соавтор-

стве с М.И. Филанович).

1980.

57. Керамическая печь позднеантичного времени // Труды ЮТАКЭ. т. XVII. Ашхабад, 1980. (в соавторстве с И. Ахраровым).
58. Керамическое производство Средней Азии . Методические указания по спецкурсу для студентов. Составители С.Б. Лунина, З.И. Усманова. Издательство ТашГУ. Ташкент, 1980.
59. Свод памятников Узбекистана (1975-1980 гг.) УДК 4.13.5.3. Гос. Рег. 76065978. Ташкент, 1980.

1981.

60. К изучению памятников Яккабагского района // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов ТашГУ. № 583. Ташкент, 1981. (в соавторстве с А.С. Сагдуллаевым).
61. Археологическое изучение городов и поселений восточной части долины Кашкадарьи. Ташкент, 1981. УДк 9 9390 + 9 (575). Гос. Рег. 76062594. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, Н.И. Крашенниниковой, С.Б. Луниной, Е.Б. Пругер, А.С. Сагдуллаевым).

1983.

62. Археологическое изучение Шахрисабза // Сб. «Средневековая городская культура Казахстана и Средней Азии». Алма-Ата, 1983.
63. К стратиграфии Пармонкул-тепе // ИМКУ. Вып.18. Ташкент, 1983.
64. Работы кафедры археологии ТашГУ по археологическому изучению городища Ахсикет // Материалы по археологии Средней Азии. Сб. научных трудов. № 707. Ташкент, 1983.

1984.

65. Раскопки в Шахрисабзе // АО 1982. М., 1984.
66. Работы Ташкентского Университета // АО 1982. М., 1984.
67. Маргиана в эпоху эллинизма // Тезисы докладов II Всесоюзного симпозиума по проблемам эллинистической культуры на Востоке. Ереван, 1984.
68. Расписная керамика Ахсикета // ИМКУ. Вып.19. Ташкент, 1984.

1985.

69. Оссуарий с изображением божеств из Кашкадарьинского оазиса // Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии. Тезисы докладов. Ташкент : Изд-во министерства культуры. Ташкент, 1985. (в соавторстве с С.Б. Луниной).
70. Уникальный оссуарий из Кашкадарьи // ОНУ. 1985.№ 3. Ташкент. (в соавторстве с С.Б. Луниной).
71. Работы в Кашкадарье // Всесоюзная археологическая конференция «Достижения советской археологии в XI пятилетке». Тезисы докладов. Баку, 1985.
72. Маргиана // Археология СССР. Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., Наука, 1985. (в соавторстве с Г.А. Кошеленко, М.И. Филанович).
73. Всесоюзный симпозиум по проблемам эллинистической культуры на Востоке // Международная ассоциация по изучению культур Центральной Азии. Информационный бюллетень ЮНЕСКО. Вып.7. 1985.

1986.

74. Персонаж со змеями на оссуарии // ОНУ. Ташкент, 1986, № 5. (в соавторстве с С.Б. Луниной).

75. Ремесло и культура Южного Согда в раннем средневековье // Тезисы докладов советско-французского коллоквиума «Городская среда и культура Бактрии, Тохаристана и Согда (IV в. До н.э. - VIII в н.э.)" Ташкент, 1986. (в соавторстве с.Б. Луниной).
76. Археологическое изучение Беглык тепе. Ташкент, 1986. УДК 930.26. гос. Рег. 01850075236. (в соавторстве с С.Б. Луниной, А.С. Сагдуллаевым, Н.П. Столяровой).
77. Работы в Шахрисабзе. // АО 1984. М., 1986. (в соавторстве с С.Б. Луниной).

1987.

78. Раскопки мавзолея в Кашкадарьинской области // АО 1985. М., 1987.
79. Изображения музыкантов на оссуарии из Яккабага // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 5. Москва: Советский композитор, 1987. (в соавторстве с С. Луниной).
80. К стратиграфии средневекового Шахрисабза // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Ташкент, 1987. (в соавторстве с Н.П. Столяровой).
81. Ossuarium mit Darstellung von tanzenden Göttern und von Musikanten. Musikgeschichte in Bildern. Band II: Musik des Altertums. Mittelasien. Leipzig, 1987. С. 128-129. // Статья опубликована в иллюстрированном сборнике «История музыки в картинках», т. I, посвященный музыке Средней Азии.

1988.

82. Раскопки на Эрк-кале // АО 1986. М., 1988.
83. Работы Ташкентского Университета // АО 1986. М., 1988.
84. К истории сложения Тимуридского Шахрисабза // Тезисы докладов научной конференции «Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане». Ташкент, 1988.
85. Рецензия на монографию О. Леллекова «Локальная вариабильность в культуре и хозяйстве джейтунских племен» // Известия АН ТССР. Серия обществ. наук . Ашхабад, 1991. № 1.

1989.

86. Разрез крепостной стены Эрк-калы Старого Мерва // Древний Мерв. Труды ЮТАКЭ.Т. XIX. Ашхабад, 1989.
87. Баланд тепа в Шахрисабзе // История и культура Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1989. (в соавторстве с Э. Бахшицян).
88. Е.К. Бетгер – почетный член кафедры археологии САГУ // Библиотековедение Узбекистана. Сб. статей, посвященный 100-летию со дня рождения Е.К. Бетгера. Ташкент, 1989.
89. Уникальный оссуарий // Вехи времен. Альманах. Ташкент, 1989. (в соавторстве с С.Б. Луниной).

1990.

90. Кафедре археологии ТашГУ - 50 лет // Древняя и средневековая археология Средней Азии : (К проблеме истории культуры). Ташкент. гос. ун-т им. В.И. Ленина. Ташкент. Фан, 1990.
91. Участие кафедры археологии в работах ЮТАКЭ // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1990.
92. Терракотовая плитка с изображением Будды из Сарыктепа // ОНУ. № 4. 1990, Ташкент. (в соавторстве с С.Б. Луниной).
93. Терракоты Бухары // Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент,

1990. (в соавторстве с И. Ахраровым).

94. Новые данные к характеристике зодчества Кешского вилайята // Культура древнего и средневекового Самарканда и исторические связи Согда. Тезисы докладов советско-французского коллоквиума. Самарканд, 1990. Ташкент: Фан, 1990.
95. Маргиана на трассе Великого Шелкового пути // Формирование и развитие трасс Великого Шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Самарканд 1 – 6 октября 1990. Ташкент: Фан, 1990.
96. Древний Мерв по данным раскопок на Эрк-кале // Тезисы докладов научного симпозиума «Мерв в древней и средневековой истории Востока». Ашхабад, 1990.
97. Терракотовая фигурка с изображением Будды // Памятники Туркменистана. № 2 (50). Ашхабад, 1990.

1991.

98. Мавзолей XIV – начала XV вв. в округе Шахрисабза. // Архитектура и строительство Узбекистана. № 6. Ташкент, 1991. (в соавторстве с А. Грошевым).
99. Культовый сосуд с Эрк-калы // Памятники Туркменистана. № 1 (51). Ашхабад, 1991.
100. Рецензия на монографию О. Лоллековой «Локальная вариабильность в культуре и хозяйстве джейтунских племен». Ашхабад. 1988 // Известия АН Туркменистана. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1991. № 1.

1992.

101. Мерв и городские центры Средней Азии I тыс. до н.э. // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов. Ташкент 1992. С. 144-146.
102. Эрк-кала - цитадель античного Мерва // Мерв в древней и средневековой истории Востока. III: Мерв и парфянская эпоха. Тезисы докладов научной конференции. Ашхабад, 1992.
103. Рецензия на работу Н.С. Бешимовой «Поливная керамика Южного Туркменистана (IX – XIV вв.). Ашхабад. 1989 // Известия АН Туркменистана. Серия обществ. наук. Ашхабад, 1992. № 1.
104. Расписная керамика из раскопок В.Д. Жукова // Времен связующая нить (по материалам музейных фондов). Ташкент. 1992.
105. Культура средневекового Кеша и ее связи // Международная конференция «Средняя Азия и мировая цивилизация». Тезисы докладов. Ташкент. 1992 (в соавторстве с С.Б. Луниной).
106. New material on ancient Merw // Iran. XXX. London. 1992.

1993.

107. Шахрисабз. В 2-х частях. Ташкент. 1993. Часть 1. Ташкентский Университет.
108. Шахрисабз. В 2-х частях. Ташкент. 1993. Часть 2. Ташкентский Университет (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, С.Б. Луниной, Х. Султановым).
109. Храмовые сооружения Бактрии и Маргианы // Бактрия – Тохаристан қадимда ва ўрта асрларда. Тезисы докладов. Самарканд. 1993.
110. Древние связи Южного Согда и Бактрии-Тохаристана // Бактрия- Тохаристан қадимда ва ўрта асрларда. Тезисы докладов. Самарканд. 1993. (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской).

1994.

111. Роль Великого Шелкового пути в истории Мерва // Города Центральной Азии на Великом Шелковом Пути. Тезисы докладов. Самарканд. 1994.
112. New Parthian Inscriptions from Old Merw// Irano-Judaica III. Ierusalem. 1994 (в соавторстве с В.А. Лившицем).
113. Буддийский комплекс в Гяур-кале Старого Мерва. // ВДИ. 1994. № 1 (в соавторстве с Г.А. Пугаченковой).
114. Эрк-кале 2 500 лет // Мерв в древней и средневековой истории Востока. V: «Мерв древний и средневековый Мерв». Тезисы докладов научной конференции. Мары, 1994.

1995.

115. Христианские памятники Туркмении // Из истории древних культов Средней Азии. Христианство. Ташкент: Глав. Ред. Энциклопедий, 1995.
116. К изучению коропластики Мерва // Археология и художественная культура Центральной Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1995.
117. Этапы урбанизации Мерва // Генезис и пути развития процессов урбанизации Центральной Азии. Тезисы докладов международной конференции, посвященной 25-летию образования Института археологии АН РУз и 60-летию академика А.А. Аскарова. Самарканд, 1995.
118. Буддизм на восточных границах Средней Азии // Резюме докладов Международного коллоквиума Французского института по изучению Центральной Азии. Ташкент, 1995 (на французском языке) (в соавторстве с М.И. Филанович).
119. Buddist monuments in Merv // In the Land of the Gryphons Papers on Central Asian archaeology in antiquity. Rome 1995. (совместно с Г.А. Пугаченковой).
120. К истории изучения позднефеодальных крепостей Кашкадарьинской области // Ўрта Осиё тарихи ва археологиясининг долзарб муаммолари. Илмий анжуман тезислари. Ташкент, 1995. (в соавторстве с Б. Якубовым).
121. К исторической топографии цитадели Мерва // Ўрта Осиё тарихи ва археологиясининг долзарб муаммолари. Илмий анжуман тезислари. Тошкент, 1995.

1996.

122. M.I. Filanovič et Z.I. Usmanova. Les frontiērs occidentals de la difusssion du bouddisme en Asie central. № 1-2, 1996.

1999.

123. Безымянный мавзолей XIV – начала XV вв. в Шахрисабзе и его округе // Древний Карши, история культуры и градостроительства Средней Азии. Халкаро илмий анжуман материаллари. Карши, 1999.

2000.

124. Историко-культурные связи Южной Туркмении и Индии в древности // Индия и Центральная Азия (доисламский период). Ташкент, 2000.
125. Шахрисабз. Наследие тысячелетий. Ташкент, 2002.
126. К юбилею Мерва // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.
127. К истории мемориальных комплексов Шахрисабза и его округи // Шахрисабз шахрининг жахон тарихида тутган урни. Халкаро илмий конференция маърузалари тезислари. Тошкент, 2002.
128. Вклад кафедры археологи и истфака ТашГУ в изучение эпохи Амира Темура

и Темуридов // Ўрта Осиё археологияси, тарихи ва маданияти. Халкаро илмий конференция маърузаларнинг тезислари. Тошкент, 2002.
129. Алтари огня Древнего Мерва // ИМКУ. Вып.33. Самарканд, 2002 (в соавторстве с М.И. Филанович).
130. Экспедиция Р. Пампелли и изучение Мерва // Международная научная конференция «Туркменистан – родина Анауской культуры и Ак бугдая. Ашхабад, 2004.
131. История Эрк-калы // Археология и история Центральной Азии. Тезисы докладов конференции, посвященной 70-летию академика Ю.Ф. Бурякова. Самарканд, 2004.
132. К истории мемориальных комплексов Шахрисабза и его округи // Центральная Азия от Ахеменидов до Темуридов. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения А.М. Беленицкого. Санкт-Петербург, 2004.
133. Участие кафедры археологии ТашГУ в работах ЮТАКЭ // Ниса – древний очаг развития мировой культуры. Материалы международной научной конференции 5-7 декабря 2007 г. Ашхабад, 2007.
134. История Мерва в свете новых данных // Туркменистан в представлении иностранных путешественников. Материалы Международной научной конференции. Ашгабат, 2009.
135. История Эрк-калы по археологическим данным // Формирование туркменского народа и история мировой культуры. Материалы международной научной конференции. Ашгабат, 2011.
136. YuTAKE. Trenches 8 and 9.(Археологические раскопы 8 и 9 на Эрк – кале Старого Мерва. Лондон. В печати.

СВЕТЛАНЕ БОРИСОВНЕ ЛУНИНОЙ – 80 ЛЕТ

Выдающемуся ученому, исследователю археологии Средней Азии, автору многочисленных публикаций, прекрасному педагогу, воспитавшему многих учеников, прекрасной женщине и замечательному человеку – Светлане Борисовне Луниной в октябре 2012 г. исполняется 80 лет.

С.Б. Лунина родилась 7 октября 1932 г. в Ташкенте, в семье известного историка Средней Азии Б.В. Лунина. В 1950 г. она окончила школу с золотой медалью и поступила на исторический факультет Среднеазиатского государственного университета, который окончила в 1955 году по специальности историк-археолог. В 1955–1958 гг. проходила аспирантуру при кафедре археологии этого университета, ее научным руководителем являлся проф. М.Е. Массон. С января 1960 г. начала работать на кафедре археологии в качестве преподавателя, а в 1962 г. защитила кандидатскую диссертацию на тему: «Гончарное производство Мерва в X – начале XIII в.в.». С 1963 года она исполняла обязанности доцента кафедры археологии и с 1965 г. утверждена в звании доцента.

С 1968 по 1981 гг. С.Б. Лунина являлась заведующей кафедрой археологии, с 1981 по 1984 гг. работала заместителем декана исторического факультета ТашГУ по научной работе. С 1985 г. исполняла обязанности профессора и в 1990 году была утверждена в звании профессора.

На протяжении более 30 лет работы в Ташкентском государственном университете основное внимание С.Б. Луниной уделялось большой педагогической работе. Для студентов-историков читался курс «Основы археологии», а для студентов восточного факультета «Искусство Востока». Ею были разработаны и читались для студентов-археологов курсы «Археология Средней Азии», «Историческая топография городов Средней Азии», «Керамическое производство Средней Азии в средние века», «История ремесленного производства». Постоянно руководила курсовыми и дипломными работами. На протяжении нескольких лет руководила студенческим научным обществом факультета.

В период заведования кафедрой археологии Светлана Борисовна организовала при ней специализацию «История и теория искусств». Были созданы проблемная

лаборатория по изучению Самарканда, а также группа по изучению стратиграфии четвертичных отложений и древних рудников Узбекистана совместно с геологическим факультетом. Дважды были проведены Среднеазиатские студенческие археологические конференции, на которые приезжали делегаты из всех республик Средней Азии и Казахстана. Студенты-археологи Ташкентского университета делегировались на Всесоюзные археологические конференции.

Со студенческих лет и до завершения работы в университете С.Б. Лунина принимала активное участие в полевых экспедиционных работах. Это были исследования в окрестностях Ташкента (Ногай-Курган, Кугаиттепа, могильник Мингтепа в Пскентском районе) и в Южной Туркмении. В ходе работ в составе Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) ею был собран материал для кандидатской диссертации и многочисленных публикаций о гончарном производстве Мерва в X – начале XIII в.

С 1964 г. С.Б. Лунина участвовала в работах Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции (КАТЭ), руководила отдельными отрядами. В 1968–1981 гг. являлась начальником этой экспедиции, которую характеризовал широкий охват памятников различных исторических периодов от эпохи поздней бронзы и раннего железа до позднего средневековья. Велись работы по созданию археологической карты восточных районов Кашкадарьинского региона. Экспедиция внесла весомый вклад в изучение древних городов долины Кашкадарьи: Шахрисябза, Чиракчи, Китаба, многих городищ и поселений региона. Многолетние исследования в Кашкадарье послужили основой монографии «Городская культура Южного Согда» (Ташкент, 19).

Научные исследования С.Б. Луниной характеризует широта проблематики. Сюда входят проблемы истории средневекового восточного города, динамики его исторической топографии, периодизации истории развития ремесленного производства, специализации ремесла, приемов строительства, торговых и культурных связей как внутри среднеазиатского региона, так и с сопредельными и отдаленными регионами.

Результаты научных исследований становились достоянием научной общественности благодаря регулярным выступлениям с научными докладами на республиканских, региональных и всесоюзных конференциях (Ташкент, Бишкек, Ашхабад, Москва, Санкт-Петербург, Львов и др.), а также благодаря научным публикациям. Ею опубликовано 150 научных работ в основном в Узбекистане, а также в Москве, Ашхабаде, Санкт-Петербурге, Австрии и Франции.

За фактами и событиями, лаконично излагаемыми официальной биографией, конечно же, не всегда просматриваются грани личности, целиком посвятившей себя обучению и воспитанию молодых людей, выбравших своей профессией археологию. За сухим перечнем дат и экспедиционных сезонов нужно увидеть самое главное – индивидуальную кропотливую работу Светланы Борисовны и других преподавателей кафедры с каждым из нас, пришедших в университет со своим, зачастую слишком уж романтическим представлением об археологии. После двух-трех вводных лекций и первой археологической практики количество желающих стать археологами, как правило, сокращалось. Но зато те, кто оставались верными кафедре, получали возможность познать все «секреты» профессии, от вычерчивания самого массового материала – керамики, до особенностей стратиграфии и методики раскопок среднеазиатских памятников.

Будучи студентом кафедры археологии ТашГУ в 1978–1983 гг., один из авторов – Дж. Ильясов – имел честь не только слушать замечательные лекции С.Б. Луниной, но и написать под ее научным руководством курсовые работы за третий и четвертый курсы обучения, а также дипломную работу по материалам раскопок одного из интересных памятников эпохи раннего и развитого средневековья Киндыктепа, расположенного в Яккабагском районе Кашкадарьинской области. Следует отметить, что в ряду увлекательных лекций остальных преподавателей кафедры археологии, лекции Светланы Борисовны отличались стройностью структуры, замечательным мастерством и строгостью изложения, что позволяло студентам с интересом слушать, полностью усваивать материал и конспектировать получаемые на уроках данные. Интересно проходили семинарские занятия, дававшие нам навыки самостоятельной работы с научной литературой. Что касается курсовых и дипломных работ, С.Б. Лунина при их отборе очень точно замечала и учитывала индивидуальные интересы студентов. Ежегодные экспедиции кафедры археологии, проводившиеся в весенние и осенние, а иногда и летние месяцы, давали нам возможность самостоятельно, но под чутким руководством, набирать материалы для своих первых студенческих исследований. Тем самым с первых шагов формировались будущие специалисты-археологи, шло их обучение методике полевых исследований и умению осмыслить добытые материалы и грамотно изложить полученные выводы.

Помимо чтения плановых лекций и выездов на раскопки, научного руководства курсовыми и дипломными работами студентов кафедры археологии, а также собственных глубоких научных исследований, С.Б. Лунина осуществляла руководство так называемой архитектурной практикой в древнейших городах Узбекистана – Самарканде и Бухаре. Эмоциональный рассказ М. И. Ниязовой об обучении на кафедре и одной из таких поездок, наполненный теплыми воспоминаниями, приводится ниже.

Дж.Я. Ильясов, С.Р. Ильясова

ПРАКТИКА В БУХАРЕ

Я поступила на исторический факультет ТашГУ в 1974 г. Очень хорошо помню, как мы, три первокурсника кафедры археологии – М. Аскерова, С. Савчук и я – счастливые сидим на первом заседании студенческого научного археологического кружка (СНАК). После открытия заседания нам предложили представиться всем присутствующим преподавателям и студентам. Смущенная, я еле слышно назвала свое имя и услышала в ответ задорное «громче, пожалуйста, не слышно».

«Спасибо. А вы, пожалуйста, вспомните себя, когда вы впервые пришли на эту кафедру», услышала я другой ободряющий меня голос. Это была Светлана Борисовна Лунина.

С третьего курса я вместе с другими студентами работала на Алтынтепе или «Алтышке» как мы ласково называли тепе между собой. Руководителем объекта Р–8 (или жилого дома зажиточного горожанина) была Светлана Борисовна.

Сразу после археологической студенческой конференции, имевшей место в Алма-Ате в апреле 1977 года, я присоединилась к группе студентов, отбывавших вместе со Светланой Борисовной в Бухару на архитектурную практику.

Я уже посещала Бухару во время учебы в школе, приезжая на школьные исторические конкурсы. Но настоящее знакомство с городом состоялось именно на архи-

тектурной практике со Светланой Борисовной.

Мы прибыли рано утром на вокзал города Кагана в десяти километрах от Бухары, на автобусе добрались до самого города и остановились в общежитии Бухарского педагогического института (в настоящее время Бухарский Государственный Университет). Позавтракав, мы сразу же отправились знакомиться с городом.

Традиционно мы начали с посещения самого знаменитого и древнего памятника среднеазиатской мусульманской архитектуры мавзолея Саманидов (конец IX – начало X в.). Построенный по указу правителя Исмаила Самани, он гордо стоял затененный окружавшими его деревьями. Усадив нас в тенечке, Светлана Борисовна рассказала нам об историческом периоде, о знаменитых ученых того далекого времени, об изысканиях и новшествах архитекторов, построивших этот замечательный памятник. Трудно было поверить, что мавзолею более тысячи лет. Перед нами оживали события давно минувших лет, как бы вплетенные в изумительную орнаментику стен мавзолея. Арабы, аббасидский халифат, борьба за независимость местных полных сил и энергии династий. Светлана Борисовна учила нас распознавать присутствие различных религий в орнаментике, перед нами проходили история зороастризма, христианства несторианского толка, буддизма и раннего ислама. Как бы в подтверждение её словам рядом с нами стояли женщины и зажигали свечи в специальной нише, другие совершали трехкратный обход мавзолея и саганы внутри самого мавзолея.

Поражало все: изумительная симметрия орнаментов, выполненных жженым кирпичом, сбалансированность памятника, и атмосфера древности. Даже нас, уже «опытных» археологов, мавзолей и его атмосфера приводили в трепет.

На недалеком расстоянии от мавзолея Саманидов располагается мавзолей Чашма -и Аййюб – представитель эпохи Караханидов. Скромный в отделке, но с отличным от всех памятников Бухары шатровидным куполом, он приветствовал нас прохладой комнат и водой из колодца пророка Аййюба (Иова).

За крепостной стеной, тогда еще проходившей рядом с мавзолеем, располагалось небольшое археологическое тепе, на котором находилось несколько современных захоронений. Мы собрали несколько фрагментов керамики для осмотра её вечером в общежитии.

Позже, в 1979 году, работая археологом в Бухарском краеведческом музее (ныне Бухарский Государственный архитектурно-художественный музей-заповедник), я вместе с выпускницей нашей кафедры З. Нюкиной проводили раскопки на этом тепе, так как по плану оно уходило под снос, и на его месте строился новый крупный базар. Тогда же, несмотря на все протесты специалистов, была снесена часть городской крепостной стены, проходившая у мавзолея Чашма-и Аййюб.

Но это будет позже, а сейчас мы вместе со Светланой Борисовной двинулись в сердце старой Бухары к крепости Арк. Купив входные билеты, через долон – крытый проход – мы вошли в крепость.

Стоя у крепостной пятничной соборной мечети Джоме (XVIII в.) Светлана Борисовна рассказывала нам об истории Арка, самого древнего археологического и архитектурного памятника Бухары. Мы узнали, что это начало города, его ядро, услышали о многочисленных перестройках и разрушениях, которым подверглась цитадель правителей Бухары за свою двухтысячелетнюю историю. Слушая рассказ Светланы Борисовны, мы заворожено смотрели с двадцатиметровой высоты стен крепости на видневшиеся вдали минарет Калон, многочисленные медресе, мечети и

хонако.

Подойдя к мечети Магоки Аттори (XII в.) мы встретились с археологом М.С. Мерщиевым, сотрудником УзНИПИ реставрации (Ташкент), проводившего там раскопки. Он показал нам мечеть, рассказал ее замечательную историю, провел по раскопу. Прекрасный человек, ветеран второй мировой войны (об этом нам рассказала Светлана Борисовна) он заражал своей энергией, энтузиазмом, любовью к городу и знанием его истории.

На следующий день мы выехали на некрополь Чор Бакр, родовую усыпальницу джуйбарских шейхов. Комплекс находится в 5-6 километрах от города. Здесь Светлана Борисовна учила нас описанию и обмеру архитектурного памятника, копированию надписей (протирке) на надгробных камнях. Затем она предложила нам зарисовать его мечети, хонако и медресе, построенные по приказу основателя династии джуйбарских шейхов Ходжа Ислама. Тогда еще практически не исследованный археологами и нереставрированный комплекс выглядел загадочным лабиринтом, где казалось, что за каждым входом и поворотом тебя ждет открытие и встреча с новым, неизведанным.

Мы сидели на древних камнях мавзолеев некрополя и, стараясь передать очертания величественных сооружений на бумаге, постигали замыслы архитекторов, претворявших в жизнь замыслы Ходжа Ислама. Мы поднялись на крышу хонако и спустились во внутрь многочисленных келий, расположенных там. Именно на этом комплексе мы поняли назначение и особенности архитектуры *хонако* (суфийской обители), услышали от местного смотрителя многочисленные легенды о взаимоотношениях Абдулла хана II Шайбанида и его духовного наставника Ходжи Ислама, в которых вымысел и правда сплелись вместе.

Усталые, но очень довольные приобретенными навыками архитектурного обследования комплексов, под впечатлением услышанных легенд и сказаний, мы вернулись в город.

Позже в качестве сотрудника отдела истории Бухарского музея-заповедника мне посчастливилось принять участие в исследованиях Чор-Бакра под началом выпускницы нашей кафедры кандидата исторических наук Елизаветы Некрасовой. Мы вместе снимали протирки с мраморных надгробных камней, расположенных в хазира комплекса, слушали рассказы смотрителя комплекса, и я переводила их Лизе в уютном дворике смотрителя, где мы располагались с Лизой на ночь.

На следующий день практики нам предстояло знакомство с мавзолеями Сайфетдина Бохарзи и Буян Кулихана. Когда мы пришли к памятникам, мы увидели остатки железной дороги, проходившей около них, и постепенно разрушавших их.

Но она не смогла уничтожить величие мавзолея Сайфеддина Бохарзи, знаменитого суфия, представителя тариката Кубравийа в Бухаре и яркие бирюзово-лазуритовые тона мавзолея его ученика монгольского правителя Буян Кули хана.

Вечером мы отбыли в Каган на вокзал, и на поезде вернулись в Ташкент.

Так сложилось, что после окончания университета по распределению я приехала работать археологом в Бухарский музей-заповедник.

Приводя в систему археологические коллекции музея, строя экспозиции музея, проводя экскурсии по музею и архитектурным памятникам города, преподавая археологию на историческом факультете в Бухарском Государственном Университете, участвуя в археологических раскопках, я старалась воссоздать историю города, такой как я её узнала благодаря замечательному наставнику и учителю Светлане

Борисовне Луниной.

В заключение хотелось бы от лица всех археологов, продолжающих исследования древнего прошлого Узбекистана, поздравить Светлану Борисовну с юбилеем и пожелать ей крепкого здоровья, хорошего настроения и благополучия ей и ее близким!

М. И. Ниязова

Список научных работ С.Б. Луниной

1953

1. Работа Н.В. Гоголя на кафедре всеобщей истории в Петербургском университете // Сборник студенческих работ САГУ. Вып.V. Ташкент, 1953.

1955

2. Сосуд со штампованной орнаментацией из Тали-Барзу // Сборник студенческих работ САГУ. Вып.X. Ташкент, 1955.

1956

3. Из археологических наблюдений на Кугаит-тепе близ Ташкента // Труды САГУ. Вып.XXXI. Ташкент, 1956. (соавтор З.И. Усманова).
4. Техническое устройство гончарных печей средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Том VIII. Ашхабад, 1956.

1957

5. Некоторые археологические наблюдения на городищах Чиназа и Занги-ата // Труды САГУ. Вып. CXI. Ташкент, 1957 (соавтор З.И. Усманова).
6. Первая среднеазиатская студенческая археологическая конференция // СА. 1957. № 4. (соавтор З.И. Усманова).

1959

7. Квартал керамистов в западной части рабада Мерва // ИАН ТССР. Ашхабад, 1959. № 4.

1960

8. Средневековые штампы для орнаментации керамики из Мерва // ИАН ТССР. Ашхабад, 1960. № 1.
9. Штампованная керамика из отвала в квартале керамистов средневекового Мерва // ИАН ТССР. Ашхабад, 1960. № 4.
10. Зооморфные сюжеты в керамике со штампованной орнаментацией из гончарной мастерской XII – начала XIII в.в. в квартале керамистов Старого Мерва // Труды ТашГУ. Вып.172. Ташкент, 1960.
11. Керамика с поселения Ногай-курган // Труды ТашГУ. Вып.172. Ташкент. 1960. (соавтор З.И. Усманова).

1961

12. Гончарное производство Мерва X – начала XIII вв. (по материалам раскопок квартала керамистов в западной части пригорода-рабада) // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Ташкент, 1961.

1962

13. К вопросу о технике изготовления сосудов со штампованной орнаментацией из Старого Мерва // ИАН ТССР. Ашхабад, 1962. № 4.
14. Гончарное производство в Мерве X – начала XIII в.в. // Труды ЮТАКЭ. Том XI. Ашхабад, 1962.

15. Новая гончарная печь средневекового Мерва // Труды ТашГУ. Вып.200. Ташкент, 1962.
16. Кафедра археологии Средней Азии (1940–1960) // Труды ТашГУ. Вып.200. Ташкент, 1962. (соавтор М.Е. Массон).

1963

17. Раскоп и стратиграфический шурф в южном обводе Султан-калы в Старом Мерве // ИАН ТССР. Ашхабад, 1963. № 2.
18. Древние плавильные печи // Следопыт Средней Азии. Ташкент, 1963.

1964

19. Штампованные орнаменты // Декоративное искусство СССР. М., 1964. № 9.

1965

20. О работе кафедры археологии Ташкентского университета в 1964 году // ОНУ. 1965. № 7.

1966

21. Группа «караул-тепе» и некоторые археологические памятники Бостанлыкского района // Труды ТашГУ. Вып.295. Археология Средней Азии. VII. Ташкент, 1966.
22. Ценный труд по истории стеклоделия в Средней Азии // Труды ТашГУ. Вып. 295. Археология Средней Азии. VII. Ташкент, 1966. (соавтор И. Ахраров).
23. Казилма шахар // Фан ва турмуш. Ташкент, 1966. № 10.

1967

24. Мавзолей Кызбиби // Памятники Туркменистана. Ашхабад. 1967. № 3.

1968

25. Юбилей ученого // ОНУ. Ташкент, 1968.
26. Некоторые археологические данные по истории Мерва в XIII–XIV в.в. // СА. 1968. № 2.
27. Пятый сезон археологических работ в Кашкадарье // ОНУ. 1968. № 6. (соавтор М.Е. Массон).
28. Средневековый дом // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1968. № 1.

1969

29. Раскопки на городище Султан-кала и в его пригороде // АО 1968 года. М., 1969.
30. Работы Кешской археолого-топографической экспедиции // АО 1968 года. М., 1969. (соавтор З.И. Усманова).
31. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала, его обводов и западной части пригорода // Труды ЮТАКЭ. Том XIV. Ашхабад. 1969.
32. К вопросу о назначении зданий типа каптар-хона // Труды ЮТАКЭ. Том XIV. Ашхабад, 1969. (соавтор Т. Асилов).
33. Новые сборы тимуридской керамики в Южном Туркменистане // ОНУ. 1969. № 8–9.
34. Археолого-стратиграфическое изучение городища Султан-кала в Старом Мерве // Материалы научной конференции профессорско-преподавательского состава ТашГУ. Ташкент, 1966.

1970

35. Методика археологического изучения крупного города (по материалам работ ЮТАКЭ в Мерве) // Средневековые города Средней Азии и Казахстана. Л., 1970.
36. Жилой дом XII – нач. XIII в.в. на городище Султан-кала // Средневековые горо-

да Средней Азии и Казахстана. Л., 1970.
37. Крепостная башня XI века //Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1970. № 1 (9).
38. Резной штук Мерва // Научные труды ТашГУ. Вып.392. Ташкент, 1970.

1971

39. Городище Алтын-тепе // АО 1970 года. М., 1971.
40. Чаша из Мерва // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1971. № 1 (11).

1972

41. Некоторые аспекты культурных связей средневекового Мерва // Ближний Восток. Кавказ. Средняя Азия. Проблема взаимосвязи культур в эпоху средневековья. Тезисы докладов конференции. Л., 1972.
42. Кашкадарьинская экспедиция // АО 1971 года. М.,1972. (соавторы Н.П. Столярова и З.И. Усманова).
43. Самоцветы Старого Мерва // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1972. № 1 (130).
44. Некоторые результаты археологического изучения Старого Мерва // Научные труды ТашГУ. Вып.423. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1972.

1973

45. Новые результаты работ на Алтын-тепе // АО 1972 года. М., 1973. (соавтор Н.П. Столярова).
46. Работы в Мерве // АО 1972 года. М., 1973. (соавторы Н.П. Столярова и Т. Ходжаниязов).
47. Раскопочные работы на Алтын-тепе // Тезисы докладов сессии, посвященной итогам полевых археологических исследований 1972 года. Ташкент, 1973.
48. Средневековые игрушки // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1973. № 1 (15).
49. Некоторые особенности чтения спецкурсов на кафедре археологии // Тезисы докладов научно-методической конференции ТашГУ и СамГУ. Ташкент, 1973.

1974

50. В Камашинском районе // АО 1973 года. М., 1974. (соавторы Н.П. Столярова и Г.Я. Дресвянская).
51. Историческая топография западной части рабада средневекового Мерва // Труды ЮТАКЭ. Том XV. Ашхабад, 1974.
52. Эволюция техники гончарного производства в средневековом Мерве // Труды ЮТАКЭ. Том XV. Ашхабад, 1974.

1975

53. О возможном отождествлении Наукад-Курейша // Научные труды ТашГУ. Вып. 473. Материалы по истории и археологии Средней Азии. Ташкент, 1975.
54. Средневековое городище Алтын-тепе // Новейшие открытия советских археологов. Тезисы докладов конференции. Ч. II. Киев, 1975.
55. Раскопки на городище Алтын-тепе // АО 1974 года. М, 1975.
56. Средневековые гончарные печи в Кашкадарьинской области // Успехи среднеазиатской археологии. Вып.3. Л., 1975.
57. К основным итогам археологических исследований в Узбекистане // Труды ТашГУ. № 482. Материалы по истории, историографии и археологии. Ташкент, 1975..

1976

58. Алтынтепинский отряд Кашкадарьинской экспедиции // АО 1975 года. М., 1976. (соавтор Н.П. Столярова).
59. Ремесло в средневековом Мерве (к периодизации развития) // Бартольдовские чтения. Тезисы докладов. М., 1976.
60. Историческая топография области Кеша и Несефа. Археологическое изучение городов и поселений. Ташкент, 1976. УДК 902.6 (575.I), Гос. Рег. 71071045, инв. № 5504597 (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, Н.И. Крашенниниковой, З.И. Усмановой).
61. Основы археологии // Методические указания для студентов 1 курса заочного отделения исторического факультета. Ташкент, 1976. (соавтор Г.Я. Дресвянская).
62. Здание X–XI в.в. на Алтын-тепе // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов ТашГУ. № 517. Ташкент, 1976.
63. Методическое руководство по написанию курсовых и дипломных работ по кафедре археологии. Ташкент, 1976.

1977

64. Новое о раннесредневековом гончарном производстве в долине Кашка-Дарьи // ОНУ. 1977. № 4. (соавтор З.И. Усманова).
65. О культурных связях средневекового Мерва // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М., 1977.
66. Раскопки в долине Кашкадарьи // АО 1976 года. М., 1977. (соавтор Н.П. Столярова).
67. Приемы строительства и декора средневекового жилого здания // Строительство и архитектура Узбекистана. Ташкент, 1977. № 9.
68. Археология асослари // Методические указания для студентов 1 курса (на узб. языке). Ташкент, 1977. (соавторы З.И. Усманова, А.С. Сагдуллаев, Г.Я. Дресвянская).
69. Локализация и специализация ремесла в Мерве // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов ТашГУ. № 533. Ташкент, 1977.
70. Разведочное обследование группы средневековых городищ и поселений долины Кашкадарьи // Археология Средней Азии. Сб. научных трудов ТашГУ. № 533. Ташкент, 1977.
71. К 80-летию со дня рождения М.Е. Массона // ОНУ. Ташкент, 1977, № 12. (соавторы М. К. Нурмухамедов и др.).

1978

72. Музыкальный инструмент из Алтын-тепе //ОНУ. 1978, № 5. (соавтор Т.С. Вызго).
73. Формы специализации в средневековом гончарном ремесле Средней Азии // СА. 1978. № 3.
74. Резная глина в Средней Азии // История и археология Средней Азии. Ашхабад, 1978.
75. Продолжение работ на Алтын-тепе // АО 1977 года. М., 1978. (соавторы Н.П. Столярова, Г. Богомолов).
76. Архитектурный декор в памятниках Алтын-тепе // Материалы по истории, историографии и археологии. Сб. научных трудов ТашГУ. № 556. Ташкент, 1978. (соавтор Г.И. Богомолов).

1979

77. Ремесло в средневековом Мерве (к периодизации развития) // Товарно-денежные отношения на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху средневековья. М., 1979.
78. Новые данные о городище Алтын-тепе // АО 1978 года. М., 1979.

1980

79. Средневековые строительные материалы и приемы строительства в Кашкадарьинском оазисе // Строительство и архитектура Узбекистана. Ташкент, 1980. № 2.
80. Вопросы истории Средней Азии в учебнике «История древнего Востока» // ОНУ. 1980. № 10.
81. Металлические изделия, предметы быта и украшения с Алтын-тепе и Ялпак-тепе // Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов ТашГУ. № 630. Ташкент, 1980.
82. Изучение полифункционального средневекового города на примере Мерва // Методика археологического исследования и закономерности развития древних обществ. Ашхабад, 1980.
83. Раскопки в Ташкентской и Кашкадарьинской областях // АО 1979 года. М., 1980.
84. Изучение жилых домов Мерва X – начала XIII в.в. // Труды ЮТАКЭ. Том XVII. Ашхабад, 1980.
85. Керамическое производство Средней Азии // Методические указания по спецкурсу для студентов. Ташкент, 1980. (соавтор З.И. Усманова).

1981

86. Типология и динамика развития средневековых городов Кашкадарьинского оазиса // Строительство и архитектура Узбекистана, Ташкент, 1981. № 6.
87. Первобытно-общинный строй на территории Узбекистана // Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент, 1981.
88. Рабовладельческий строй на территории Узбекистана // Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент, 1981.
89. Раннефеодальное общество VI–IX в.в. // Узбекская ССР. Энциклопедия. Ташкент, 1981.
90. Исследования в Кашкадарьинской области // АО 1980 года. М., 1981.
91. Средневековые города и поселения долины Кашкадарьи и их связь с сопредельными территориями // Культурные взаимосвязи народов Средней Азии и Кавказа с окружающим миром в древности и средневековье. М., 1981.
92. Ранние культурные слои на городище Алтын-тепе // Материалы по истории, историографии и археологии. Сборник научных трудов ТашГУ. № 582. Ташкент, 1981. (соавтор Н.П. Столярова).
93. Археологическое изучение городов и поселений восточной части долины Кашкадарьи. Ташкент, 1981. УДК 9 9390 + 9 (575). Гос. Рег. 76062594 (в соавторстве с Г.Я. Дресвянской, Н.И. Крашенниниковой, Е.Б. Пругером, А.С. Сагдуллаевым, З.И. Усмановой).

1982

94. Всесоюзная конференция по культурным связям Средней Азии в древности и средневековье // ОНУ. 1982. № 3.
95. Новое об архитектуре ансамбля Шах-и-Зинда // Строительство и архитектура

Узбекистана. Ташкент, 1982. № 2.

1983

96. Раскопки на Киндык-тепе и Чандарак-тепе // АО 1981 года. М., 1983.
97. Погребальный инвентарь Актамского могильника // Материалы по археологии Средней Азии. Сборник научных трудов ТашГУ. № 707. Ташкент, 1983.
98. Научные чтения по истории и археологии Средней Азии // ОНУ, Ташкент, 1983. № 2.
99. Сходные черты в материальной культуре городов и поселений Киргизии и Согда поры развитого средневековья // Тезисы докладов Всесоюзной научной конференции «Культура и искусство Киргизии». Вып.2. Л., 1983.
100. Статуэтка лютнистки из Кашкадарьинского оазиса // ОНУ, Ташкент, 1983. № 10.

1984

101. Жилые дома X–XII в.в. в Кашкадарьинском оазисе // Строительство и архитектура Узбекистана. Ташкент, 1984.
102. Сельское поселение Киндык-тепе // АО 1982 года. М., 1984.
103. Жилые дома сельского поселения // Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент, 1984. № 2.
104. Города Южного Согда в VIII–XII вв. Ташкент, 1984.

1985

105. Уникальный оссуарий из Кашкадарьи // ОНУ. 1985. № 3. (соавтор З.И. Усманова).
106. Оссуарий с изображениями божеств из Кашкадарьинского оазиса // Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии». Ташкент, 1985. (соавтор З.И. Усманова).
107. Особенности глазурованной полихромной керамики Кашкадарьинского оазиса в IX – начале XIII вв. // Материалы симпозиума по проблеме «Полихромная поливная керамика Закавказья. Истоки и пути распространения». Тбилиси, 1985.

1986

108. Die Stadt Merw, ein Zentrum des Kunsthandwerks im mittelalterlichen Orient // Orient und Okzident im Spiegel der Kunst. Festschrift H.G. Franz zum 70. Geburtstag. Graz, 1986.
109. Персонаж со змеями на фрагменте оссуария // ОНУ. 1986. № 5. (соавтор З.И. Усманова).
110. Ремесло и культура Южного Согда в раннем средневековье // Городская культура Бактрии-Тохаристана и Согда (IV в. до н.э. – VIII в. н.э.). Тезисы докладов советско-французского симпозиума. Ташкент, 1986. (соавтор З.И. Усманова).
111. Сарыктепе – древний город долины Кашкадарьи // Архитектура и строительство Узбекистана. Ташкент, 1986. № 12.
112. Работы в Шахрисабзе // АО 1984. М., 1986. (соавтор З.И. Усманова).
113. Археологическое изучение Беглык тепе. Ташкент, 1986. УДК 930.26. Гос. Рег. 01850075236 (соавторы З.И. Усманова, А.С. Сагдуллаев, Н.П. Столярова).
114. Мотив борьбы животных в керамике Мерва // Памятники Туркменистана. Ашхабад, 1986. № 2.

115. Археология Средней Азии // Учебное пособие. Ташкент, 1986.

1987

116. Расписная керамика X–XII вв. и ее назначение (по материалам Кашкадарьинского оазиса) // СА. 1987. № 3.
117. Изображение музыкантов на оссуарии из Яккабага // Музыка народов Азии и Африки. Вып. 5. Москва, 1987. (соавтор З.И. Усманова).
118. О некоторых сюжетах в искусстве средневекового Кеша // Культура юга Узбекистана в древности и средневековье. Сборник научных трудов ТашГУ. Ташкент, 1987.
119. Ossuarium mit Darstellung von tanzenden Göttern und von Musikanten // Musikgeschichte in Bildern. Band II: Musik des Altertums. Mittelasien. Leipzig, 1987.

1988

120. О пережитках домусульманских верований в Кашкадарьинском оазисе в IX–XII вв. // Я.Г. Гулямов и развитие исторических наук в Узбекистане. Тезисы докладов научной конференции. Ташкент, 1988.
121. Работы Ташкентского университета // АО 1986 года. М., 1988. (соавторы Г.Я. Дресвянская, З.И. Усманова).
122. Древние города в долине Кашкадарьи. Ташкент, 1988.

1989

123. Особенности средневековых городов юга Средней Азии // II Всесоюзная конференция по историческому краеведению. Тезисы докладов. Пенза, 1989.
124. Характер процесса урбанизации и особенности городов юга Средней Азии // Тезисы докладов региональной конференции «Зоны и этапы урбанизации». Ташкент, 1989.
125. Гемма из Сарыктепе // ОНУ. 1989. № 4.
126. Уникальный оссуарий // Вехи времен. Альманах. Ташкент, 1989.
127. Методические указания к спецкурсу «Историческая топография городов Средней Азии». Ташкент, 1989.

1990

128. Несколько слов об Учителе // Архитектура и строительство Узбекистана Ташкент, 1990. № 2.
129. Черты культуры Кеша в IX–XI вв. // История и культура южных районов Средней Азии в древности и средневековье. Сборник научных трудов ТашГУ. Ташкент, 1989.
130. Монументальное здание у ворот Сарыктепе // Древняя и средневековая археология Средней Азии. Ташкент, 1990.
131. Основные итоги работ Кашкадарьинской археолого-топографической экспедиции кафедры археологии ТашГУ // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Ташкент, 1990.
132. Культурные и торговые связи средневековых городов и поселений долины Кашкадарьи и сопредельных территорий // Культурные связи народов Средней Азии и Кавказа. М., 1990.
133. Терракотовая плитка с изображением Будды из Сарыктепа // ОНУ. 1990. № 4. (соавтор З.И. Усманова).
134. О торговых связях Кашкадарьинского оазиса в IX–XII вв. // На среднеазиатских трассах Великого шелкового пути. Очерки истории и культуры. Ташкент, 1990.

135. Изделия художественного ремесла Кеша // Культура Среднего Востока. Изобразительное и прикладное искусство. Ташкент, 1990.
136. Мервская художественная керамика как источник познания духовной культуры средневекового общества // Тезисы докладов научного симпозиума. Ашхабад,1990.
137. Торговые и культурные связи Кашкадарьинского оазиса в эпоху средневековья // Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тезисы докладов Международного семинара ЮНЕСКО. Ташкент, 1990.

1991

138. Изделия X–XII вв., связанные с культом огня и культом предков // ИМКУ. Вып.25. Ташкент, 1991.
139. Раздел «Алтынтепа», аннотации №№ 476 (соавтор З.И. Усманова), 702–705 // Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог выставки. Кн. 2. М., 1991.

1992

140. Культура средневекового Кеша и ее связи // Средняя Азия и мировая цивилизация. Тезисы докладов Международной конференции. Ташкент, 1992. (соавтор З.И. Усманова).
141. Терракоты Сарыктепе // Времен связующая нить (по материалам музейных фондов). Ташкент, 1992.

1993

142. Оссуарий из Хантепа // ОНУ. 1993. № 3. (соавтор Н.П. Столярова).
143. Un nouvel ossuairie des environs de Sahr-i Sabz en sogdiane meridionale // Studia Iranica. Tome 22, fascicule 1, Paris, 1993. (соавтор Н.П. Столярова).
144. К исторической топографии сельджукидского Мерва // Мерв в древней и средневековой истории Востока. IV. Мерв и сельджукская эпоха. Тезисы докладов научной конференции. Мары. 1993. (соавтор Т. Ходжаниязов).
145–146. Шахрисябз. Ташкент. 1993 (соавторы Г.Я. Дресвянская, Х.С. Султанов, З.И. Усманова). Часть 1. Часть 2.

1994

147. Средневековый Мерв – город на перекрестке торговых путей // Города Центральной Азии на Великом шелковом пути. Тезисы докладов конференции. Самарканд, 1994.

2001

148. Динамика развития Мерва в VIII–XII вв. // Культурные ценности. Международный ежегодник. Санкт-Петербург, 2001. (соавтор Т. Ходжаниязов).

2002.

149. Об изображениях змеи на изделиях X–XII вв. // Культурное наследие Средней Азии. Ташкент, 2002.
150–152. Главы «Кеш-Шахрисябз в IX – начале XIII вв.», «Миграция города» и «Культура IX–XII вв.» в книге «Шахрисябз 2700. Наследие тысячелетий». Ташкент, 2002.

Составитель – С.Р. Ильясова

К 75 ЛЕТИЮ МАРГАРИТЫ ИВАНОВНЫ ФИЛАНОВИЧ

Маргарита Ивановна Филанович – одна из представительниц блестящей плеяды археологов, прошедших легендарную массоновскую школу и всю жизнь посвятивших любимому делу – изучению материальной культуры народов Средней Азии,

Путь в науку будущего известного ученого-археолога был достаточно извилист. Родилась Маргарита Ивановна 16 июня 1937 г. в г. Ленинграде. После гибели отца на фронте, она вместе с семьей «по дороге жизни» через Ладожское озеро переезжает в Сибирь, а затем в Белоруссию. Приезд в Узбекистан, ставшим ей второй родиной, определил всю ее дальнейшую жизнь.

В Ташкенте она успешно оканчивает среднюю школу. Уже во время учебы живо интересуется историей древнего края, историей Ташкента, где буквально каждая пядь земли была нафарширована осколками прошлого в виде керамических, металлических или стеклянных изделий, кружочков полустертых монет, которые и волновали и определяли будущее.

В это время была широко известна единственная в Центральной Азии кафедра археологии при Среднеазиатском государственном университете (САГУ), возглавляемая маститым ученым, профессором М.Е. Массоном. Мечта стать студенткой кафедры вскоре осуществилась, и она окунулась в повседневную студенческую жизнь.

Не будет преувеличением сказать, что ей повезло и с наставником, коим стал сам Михаил Евгеньевич Массон, и с памятником – крупнейшим в Центральной Азии, да и всего Востока, городищем древнего Мерва.

По рекомендации наставника, основное усилие было направлено на археологическое изучение Гяуркалы – древнейшего ядра городища, в котором была сосредоточена многометровая свита культурных слов, отражающих многовековую историю города. Проследить основные этапы становления и развития городского ядра, определить основные периоды расцвета и падений его в различные временные отрезки - такова задача, которая была поставлена перед молодым исследователем. С этой задачей она справилась блестяще. Материалы, полученные при раскопках, послужили

основой для кандидатской диссертации «Древний Мерв в свете изучения стратиграфии городища Гяуркала» (1974 г.), которая после защиты была опубликована в XV томе трудов Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ).

В 1959 году она с отличием оканчивает университет, а затем завершает курс аспирантуры при кафедре археологии под руководством профессора М.Е. Массона. Некоторое время она работает в Институте истории и археологии, а с созданием в 1970 году Института археологии в г. Самарканде, не задумываясь, переходит на работу в него, где и продолжает трудиться по сегодняшний день в качестве ведущего научного сотрудника. С 1973 г. она около 15 лет являлась Ученым секретарем института. Цифра эта говорит сама за себя, особенно, если учесть, что это были годы становления и выживания института.

В течение долгой археологической жизни Маргарита Ивановна проводила раскопки и на других памятниках, включая городища Канку и Афрасиаб, однако всю свою неуемную страсть и все свои научные знания она отдавала и продолжает отдавать изучению истории и археологии родного Ташкента. Сразу же после разрушительного землетрясения 1966 г., она подключается к работе Ташкентского археологического отряда, который возглавляла Вера Андреевна Булатова. И как в последствие ей пригодился бесценный опыт работы в условиях интенсивного строительства, когда десятки механизмов в различных концах города рушали культурные слои! За всем этим надо было уследить, останавливать работы, проводить зачистки и раскопки под нетерпеливыми взглядами строителей. И только благодаря умелой организации, невероятному энтузиазму и высокому профессионализму сотрудников отряда и практически круглогодичной полевой работе удалось не только извлечь максимум археологической информации, но и решать целый ряд вопросов связанных с историко-культурным и территориальным развитием города. Результаты этих исследований были изложены во многих научных и научно-популярных статьях, а также в двух коллективных монографиях «Древний Ташкент» (1973) и «Древности Ташкента» (1976).

После выхода В.А. Булатовой на заслуженный отдых, с 1975 года Ташкентский отряд возглавляет М.И. Филанович. Под ее руководством отряд продолжает основную линию исследований. И это не случайно: Ташкент по-прежнему оставался большой строительной площадкой.

В конце 70-х годов, в связи с подготовкой к юбилею г. Ташкента, начинается новый этап изучения города. Происходит реконструкция отряда. В его состав включаются специалисты по изучению каменного века и эпохи бронзы. Привлекаются специалисты смежных наук. Ведется планомерное исследование практически всех сохранившихся памятников на его территории, ставя основной задачей определение возраста города. Заслугой юбиляра является и то, что она смогла выделить перспективный для этой цели памятник - городище Шаштепа - провести на нем широкомасштабные раскопки, получить материалы, указывающие на урбанистические тенденции в развитие города, начиная со II-I вв. до н.э. и, тем самым, определить недостающее звено в его древнейшей истории. Результатом исследований явилось издание коллективной монографии «У истоков древней культуры Ташкента» (1982), а затем монографии «Ташкент. Развитие города и городской культуры» (1983). В 1983 г. под эгидой ЮНЕСКО отмечался юбилей города, положивший начало исследованиям в определении возраста других древнейших городских пунк-

тов республики.

Большим подспорьем для организации успешной работы отряда являлась Ташкентская археологическая база, «пробитая» и организованная стараниями неутомимой Маргариты Ивановны в самом центре города. База со временем стала своеобразной Меккой не только для археологов Термеза, Нукуса, Самарканда и Ташкента, здесь находили приют и трудились известные ученые и специалисты из России и других стран: Б.Я. Ставиский, Г.А. Кошеленко, Ю.А. Заднепровский, А.П. Деревянко, В.М Массон, Г.Ф. Коробкова, Н.К. Анисюткин, В.А. Завьялов, М.А. Бубнова Т.К. Мкртычев, Л.Л. Гуревич и многие другие. Здесь находились «базовский» археологический музей и библиотека, здесь решались стратегические вопросы предстоящих раскопок и интерпретации новых материалов. В последствие на основе базы был образован Ташкентский отдел Института археологии АН РУз.

Со временем накопленный огромный фактический материал позволил высказать Маргарите Ивановне целый ряд плодотворных идей в становлении и развитии Ташкентского микрооазиса, получивших широкое признание, как в Узбекистане, так и за его пределами. Появилась возможность говорить о более солидном возрасте одного из древнейших городских пунктов Среднего Востока: 2200-летие города было торжественно отмечено в 2009 году.[1] Все это нашло свое отражение в многочисленных статьях и монографии «Древняя и средневековая история Ташкента в археологических источниках». Ташкент, 2010.

Маргарита Ивановна - один из самых плодовитых ученых и популяризаторов науки в Узбекистане. В ее «послужном» списке более 200 научных статей, включая около 20 монографий, по археологии, истории древней урбанизации, культуре и религии Средней Азии. Значительное место в ее творчестве занимает редакторство монографий и сборников, а также десятки газетных и журнальных статей, отзывов и рецензий, интервью, консультаций теле – и кинофильмов. Она является автором целого ряда популярных циклов на радио и телевидении.

М.И. Филанович - активный участник многих международных конференций и симпозиумов, неоднократно приглашалась для чтения лекций в «Ecole Normale Superieure» во Францию (Париж). Она является заместителем редактора журнала «O'zbekiston tarihi», членом координационного совета по диссертациям при ВАК.

Маргарита Ивановна – лауреат Государственной премии имени Беруни в области науки и техники. За заслуги в области научной и общественной деятельности она награждена медалью «Шухрат» и орденом «Дустлик» Республики Узбекистан, орденом «Академических пальм» Франции, а также Знаком Ленинградского горисполкома «Жителю блокадного Ленинграда».

В настоящее время, кроме Института археологии, она сотрудничает с Институтом Истории, кафедрой археологии исторического факультета Национального университета Узбекистана имени Мирзо Улугбека, Исламским университетом и Республиканским центром подготовки гидов для иностранных туристов, делясь своим бесценным опытом и знаниями с благодарными слушателями.

Следует отметить, что круговерть археологических будней и повседневных забот не заслоняли других увлечений, которые составляли и составляют достаточно важную часть ее жизни. И прежде всего – это спорт и постоянные физические занятия, которым она до сих пор уделяет значительную часть своего свободного времени. И относится к ним основательно, как, впрочем, и к любому другому делу. Еще в годы учебы в университете она серьезно увлекалась настольным теннисом и конным

спортом и достаточно преуспела в них. В конном спорте она подошла к самому высокому спортивному разряду: оставался только один шаг до звания мастера. Благодарную любовь к лошадям – этим удивительным животным – она сохраняет до сих пор.

Другая ее страсть – цветоводство. Цветы, нередко уникальные для Ташкента, раньше доброжелательной хозяйки приветствуют гостей уже во дворе, вызывая и восхищение, и расположение к ней.

Безусловно, все это не только скрашивало жизнь, но и поддерживало на крутых поворотах судьбы. Не случайно ей принадлежит своеобразный рекорд – она первая и, пожалуй, единственная женщина, увидевшая Канку с высоты птичьего полета, совершив над городищем полет на пароплане!

Маргарита Ивановна, женщина целеустремленная и волевая, привыкшая делать свою судьбу собственными руками, достойна и уважения, и подражания для молодого поколения ученых. Желаем ей крепкого здоровья, неистощимой энергии и творческого долголетия.

Примечания

[1] Материалы к юбилею города см. Столице Узбекистана Ташкенту – 2200 лет. Международная научная конференция. Ташкент, 2009; Мукминова Р.Г. Филанович М.И. Ташкент на перекрестке истории (очерки древней и средневековой истории города). Ташкент, 2001; Алимова Д.А., Филанович М.И. История Ташкента (с древнейших времен до наших дней). Ташкент, 2009 и др.

А.А. Грицина

МУНДАРИЖА

МАҚОЛАЛАР

Л.М. Сверчков, Н. Бороффка
Сурхондарёнинг кидарийлар даври ёдгорлигида ўтказилган қазув ишлари хусусида (кидарийлар ва эфталийларнинг келиб чиқиш масаласига доир) 3

А.Э. Бердимуродов, Г.И. Богомолов, Н.О. Хушваков
Шаҳрисабз атрофидан топилган янги босма остадонлар 20

Б.М. Абдуллаев, Ш.М. Пардаев
Бухоронинг Магоки-Атторий масжиди яқинидаги ўрта асрлар ҳаммоми 27

Л.Ю. Шпенева
Фарғона ва Шошдан топилган темурийлар хазинасидаги Мовароуннаҳрда зарб этилмаган мис тангалар 45

ХАЛҚАРО ҲАМКОРЛИК

М.А. Реутова, Ж. Фрей
Самарқанддан топилган қорахонийлар даври деворий суратлар парчаларини замонавий усулдаги реставрацияси. Ячейкали алюминий усулида монтаж қилиш (инглиз тилида) 54

М.А. Реутова, Ж. Фрей
Самарқанддан топилган қорахонийлар даври деворий суратлар парчаларини замонавий усулдаги реставрацияси. Ячейкали алюминий усулида монтаж қилиш 65

Генадий Богомолов, Томоми Мураками
Қанқа хом лой буллаларида мато излари 78

ЁШ ТАДҚИҚОТЧИ МИНБАРИ

Х. Сориев
Илк ўрта аср манбаларида Суғд шаҳарларининг ижтимоий ҳаёти тўғрисида айрим маълумотлар 82

ТАНҚИД ВА ТАҚРИЗ

Ж. Аннаев, М. Норқобилов
Пидаев Ш., Аннаев Т., Фусман Ж. Термезнинг буддавий ёдгорликлари. Ҳинд цивилизацияси институти нашри. Тўплам 79, 2, Париж, 2011, 280 с. 90

М. Пардаев
Собиров Қ. Хоразмнинг қишлоқ ва шаҳарлари мудофаа иншоотлари (мил. авв. VI - милодий IX асрлар). Тошкент, "Фан", 2009, 195 бет. 93

АХБОРОТ

“Ўзбекистон тарихининг долзарб муаммолари ёш тадқиқотчилар талқинида” (2012 йил 5-6 апрел кунлари бўлиб ўтган ёш олимларнинг Республика илмий амалий конференцияси) 95

ЮБИЛЯРЛАРИМИЗ

Замира Исмаиловна Усмановнинг 80-йиллигига 97

Светлана Борисовна Лунина – 80 ёшда 108

Маргарита Ивановна Филановичнинг 75-йиллигига 121

СОДЕРЖАНИЕ

ПУБЛИКАЦИИ

Л.М. Сверчков, Н. Бороффка
Раскопки памятника кидаритского времени в Сурхандарье (к вопросу о происхождении кидаритов и эфталитов) 3

А.Э. Бердимурадов, Г.И. Богомолов, Н.О. Хушваков
Новая находка штампованных оссуариев в окрестностях Шахрисябза 20

Б.М. Абдуллаев, Ш.М. Пардаев
Средневековая баня Бухары близ мечети Магоки-Аттори 27

Л.Ю. Шпенева
Внемавераннахрские медные монеты в темуридских кладах из Ферганы и Шаша 45

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

М.А. Реутова, Ж. Фрей
Современный метод в реставрации фрагментов настенной живописи эпохи Караханидов из Самарканда. Монтаж на основу из ячеестого алюминия (на английском языке) 54

М.А. Реутова, Ж. Фрей
Современный метод в реставрации фрагментов настенной живописи эпохи Караханидов из Самарканда. Монтаж на основу из ячеестого алюминия 65

Генадий Богомолов, Томоми Мураками
Отпечатки ткани на глиняных буллах из Канки 78

ТРИБУНА МОЛОДОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Х. Сориев
Некоторые сведения о социальной жизни согдийских городов по средневековым источникам 82

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Ж. Аннаев, М. Норқобилов
Пидаев Ш., Аннаев Т., Фусман Ж. Буддийские памятники Термеза. Публикация Института индийских цивилизаций. Сборник 79, 2, Париж, 2011, 280 с. 90

М. Пардаев
Собиров К. Оборонительные сооружения сельских поселений и городов Хорезма (VI-IV вв. до н.э.- IX в н.э). Ташкент, "Фан", 2009, 195 с. 93

ХРОНИКА

О научно-практической конференции молодых ученых проведенной 5-6 апреля 2012 года на тему "Актуальные проблемы истории Узбекистана в интерпретации молодых ученых) 95

НАШИ ЮБИЛЯРЫ

К 80-летию Замиры Исмаиловны Усмановой 97

Светлане Борисовне Луниной – 80 лет 108

К 75-летию Маргариты Ивановны Филанович 121

CONTENTS

PUBLICATION

L.M. Sverchkov, N. Boroffka
On the excavation of a Kidarite site in the Surhandarya valley (about the origins of kidarites and Hephtalites) 3

A.E. Berdimuradov, G.I. Bogomolov, N.O. Hushvakov
A newly discovered stamp-decorated ossuary from Shahrisabz region 20

B.M. Abdullaev, Sh.M. Pardaev
About a medieval hammam, close to the Magok-i Attar Mosque in Bukhara 27

L.Yu. Shpeneva
Non-Mawarannakhr copper coins in Temurid hoards from Fergana and Shash 45

INTERNATIONAL COOPERATION

M.A. Reutova, G. Fray
Modern methods applied to the restoration of the Karakhanid mural painting from Samarkand (на английском языке) 54

M.A. Reutova, G. Fray
Modern methods applied to the restoration of the Karakhanid mural painting from Samarkand 65

Genadiy Bogomolov, Tomomi Murakami
Textile prints on the clay from Kanka 78

TRIBUNE OF YOUNG RESEARCHER

H. Soriev
Some evidence in medieval sources on the social life in Sogdian towns 82

CRITICS AND BIBLIOGRAPHY

G. Annaev, M. Norkobilov
Pidaev Sh, Annayev T., Fussman G. Monuments Bouddhiques de Termez. College de France, édition diffusion De Boccard, 2011. - 280 S.: Ill. - (Publications de l'Institut de Civilisation Indienne; 79). 90

M. Pardaev
Sobirov K. Defensive constructions of the villages and cities of Khorezm (VI-IVth century BC – IXth century). Tashkent. “Fan”, 2009. 195 p. 93

CHRONICS

Problems on the history of Uzbekistan as observed by prominent scholars (Proceedings of the scientific cooperation of junior scholars, 5-6th of April, 2012, Samarkand) 95

OUR JUBILAR

To 80th anniversary of Z.I. Usmanova 97

80th anniversary of S.B. Lunina 108

For 75th anniversary M.V. Filanovich 121

Академия наук Республики Узбекистан

АРХЕОЛОГИЯ УЗБЕКИСТАНА
№ 2 (5) - 2012

Журнал основан в сентябре 2010 г.
Выходит 3 номера в год

Учредитель: Институт археологии им Я. Гулямова
Академии наук Республики Узбекистан

Адрес редакции: 140151, Самарканд, ул. В.Абдуллаева, 3
Телефон: (366) 232-15-13; 232-12-90
E-mail: uzarchae@inbox.uz; uzarchae@mail.ru, uzarchae@yahoo.com

©Институт археологии им Я. Гулямова Академии наук Республики Узбекистан, 2012

ISSN 2181-032X

Редакторы:
Ж.К. Мирзаахмедов, А.А. Раимкулов

Компьютерная верстка:
Т.Х. Очилов

Компьютерный набор:
М. Кондрикова

Журнал зарегистрирован Агентством по печати и информации
Республики Узбекистан 30 сентября 2010 г.
Регистрационный номер № 0592

Сдано в набор 09.08.2012. Подписано в печать 04.09.2012.
Формат 60x84 $^{1}/_{16}$. Гарнитура Times. Усл.печ.л.15.
Тираж 500 экз. Заказ 300.

Отпечатано в типографии Института археологии АН РУз.
140151, Самарканд, ул. В. Абдуллаева, 3.